

**Образ России
в зарубежном
политическом дискурсе:
стереотипы,
мифы и метафоры**

Материалы
Международной научной конференции
(13-17 сентября 2010 года,
Екатеринбург)

УДК 81'27
ББК Ш 100.3
О-23

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

доктор филол. наук, профессор А. П. ЧУДИНОВ

Члены редакционной коллегии:

кандидат филол. наук М. Б. ВОРОШИЛОВА

О-23 Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры: Материалы Международной научной конференции. Екатеринбург, 13-17 сентября 2010 / Урал. гос. пед. ун-т; Гл. ред. Чудинов А. П. – Екатеринбург, 2010. – 238 с.

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Представлены материалы Международной научной конференции «Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры» (13-17 сентября 2010).

Конференция призвана способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Материалы предназначены для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

Издание материалов научной конференции осуществлено при финансовой поддержке Фонда «Русский мир» (Гр/П-394-10)

Р.С. Статьи выходят в авторском варианте, редакция не несет ответственности за их содержание и оформление.

© ГОУ ВПО «УрГПУ», 2010

© Образ России в зарубежном политическом дискурсе, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Абрамова И.А., Веснина Л.Е. Екатеринбург, Россия	Они о нас: форумы таджиков о рос- 10 сиянах
Айвазова В. В. Сургут, Россия	Метафорический образ России в 12 американском политическом дис- курсе
Алексеева А. А. Новосибирск, Россия	Лексические и фразеологические 15 репрезентанты образа России в со- временной англо- и франкоязычной прессе
Антонова Ю.А. Екатеринбург, Россия	Образ россиян в сознании китайцев 17 на материале блогов и форумов
Багичева Н.В. Екатеринбург, Россия	«Были бы братья, будет и братство» 23
Белоусов К.И., Галинская Т.Н., Седова Е.Н. Оренбург, Россия	Россия в медиа-пространстве англо- 27 американских СМИ: квантитативный анализ
Будаев Э.В. Нижний Тагил, Россия	Метафора в политической коммуни- 29 кации
Чудинов А.П. Екатеринбург, Россия	
Бушев А. Б. Тверь, Россия	Политический дискурс о России кон- 35 статирующий и объясняющий
Воробьева Н.А., Григорьева Н.И. Екатеринбург, УрГПУ	Рок-культура – политика – социум: 39 аспекты взаимодействия
Ворошилова М.Б. Екатеринбург, Россия	Слон и Моська: метафорический 42 образ России и Грузии в зарубежной политической карикатуре (2008- 2009)
Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Екатеринбург, Россия	Этнические стереотипы в свете со- 43 циальной самоидентификации лич- ности

Гриценко Е. С. Нижний Новгород, Россия	Дискурс, стереотипы и реальность: 47 Россия и Вторая мировая война в американских учебниках истории
Докучаева Р. М. Сыктывкар, Россия	Когнитивные аспекты фрейма- 50 сценария «Эстония-Россия» в поли- тическом дискурсе (на материале интервью с президентом Эстонии)
Еремина С.А. Екатеринбург, Россия	Нация в дискурсе языковой лично- 53 сти П. Серิโอ
Жаковска М. Лодзь, Польша	Россия-медведь в немецкой карика- 57 туре XIX и XX в.
Желтухина М.Р., Омельченко А.В. Волгоград, Россия	Создание политического имиджа 59 России в зарубежных СМИ
Зубакина Т. Н. Екатеринбург, Россия	Образ России в концептуальном 62 пространстве дискурса речей У. Черчилля
Зырянова И. П. Нижний Тагил, Россия	Образ России в современных бри- 64 танских СМИ (на материале журна- ла «The Economist»)
Карасик В.И. Волгоград, Россия	Игра по правилам в политическом 66 дискурсе о России на Западе
Каслова А.А. Екатеринбург, Россия	Метафорический образ России в 68 англо-американской афористике
Керимов Р.Д. Кемерово, Россия	Стереотипный образ России в гер- 72 манской политике
Клочко Н.Н. Рига, Латвия	Русское «чужое» в латышских СМИ 76
Кондратьева О.Н., Федянина Л.И. Кемерово, Россия	Концептуальная метафора «Россия 78 – это деловой партнер» в немец- ком политическом дискурсе
Кислова Л.С. Тюмень, Россия	Восток – запад: русско-турецкая ме- 81 лодрама

Кошкарлова Н. Н. Челябинск, Россия	Россия и Америка: новый виток противостояния или «перезагрузка отношений»?	83
Красильникова Н.А. Новоуральск, Россия	«Герой или злодей?» образ России в концептуальных метафорах дискурса общественности на сайтах СМИ Великобритании	85
Куприна Т.В., Смирнова Н.Л. Екатеринбург, Россия	Формирование позитивного имиджа России в иностранной аудитории (на примере культурно-образовательных бизнес-проектов)	88
Лазари де Анджей Лазари де Эльжбета Лодзь, Польша	Образ России в польском политическом дискурсе до и после трагедии 10 апреля 2010	91
Лассан Элеонора Литва, Вильнюс	«Война с памятниками» как борьба стереотипов (о некоторых стереотипах восприятия России в дискурсивном пространстве Литвы)	93
Леонтович О. А. Волгоград, Россия	«From Russia with love»: культурные значения и смыслы в контексте политического дискурса	95
Ли Минь Чанчунь, КНР Руженцева Н.Б. Екатеринбург, Россия	Что вы узнали вчера из СМИ? (информационные приоритеты китайских студентов и их речевое представление)	97
Манаенко Г.Н. Ставрополь, Россия	Роль дискурса масс-медиа в информационном пространстве: методологический аспект	106
Мартьянова И.А. Санкт-Петербург, Россия	Динамика образа России в военно-политическом дискурсе У. Черчилля	109
Mykhaylenko V. V. Chernivtsi, Ukraine	Prolegomena to Russia's "Readings" Dynamics	111
Михайлова О.А. Екатеринбург, Россия	Образ России в картине мира уральских студентов	113

Михайлюкова Т.А. Кемерово, Россия	Образные признаки концепта Кеме- рово	115
Мохова Е. К. Сургут, Россия	Метафорический образ России в латиноамериканском политическом дискурсе	120
Надсакула О. Лодзь, Польша	«Чужой из Востока» – стереотип России в Европе	122
Нахимова Е.А. Екатеринбург, Россия	Мифологичность образа политиче- ского лидера в массовой коммуни- кации	124
Немирова Н.В. Сыктывкар, Россия	Политический миф о российской кремниевой долине в зарубежных СМИ	125
Орлова О. Г. Кемерово, Россия	Красная Россия	127
Панкратьева Н.И Екатеринбург, Россия	Россия глазами бывших родствен- ников	130
Перегудова Ю. Г. Ряпосова А.Б. Нижний Тагил, Россия	Российские политические лидеры глазами американских журналистов	132
Пименов Е.А. Кемерово, Россия	Специфика национальных стерео- типов: проблема предвзятого мне- ния	134
Пименова М.В. Кемерово, Россия	К вопросу об идеологических кон- цептах	137
Полякова И.С. Екатеринбург, Россия	Прецедентное имя как элемент об- раза России в дискурсе американ- ского политика (на материале об- ращений К. Райс, 2005-2009)	140
Полякова Л.С. Магнитогорск, Россия	Отражение конфликтных отношений России и Грузии в поликультурном диалоге	143
Попова Э.Ю. Екатеринбург, Россия	Зарубежные СМИ о России и рос- сийских политиках	145

Рахаева О. В. Лодзь, Польша	Образ России в польском кино. Искусство и политика: взаимосвязь и взаимовлияние.	148
Романова Т.В. Нижний Новгород, Россия	Образ России в общественно-политическом дискурсе В. Познера: «западник» или «славянофил»?	149
Рудик И. Н. Житомир, Украина	Манипулирование в политической системе координат	151
Рябов О.В. Иваново, Россия	Медвежья метафора России как оружие холодной войны	154
Сарафанова О. Л. Екатеринбург, Россия	Адаптация рекламы в аспекте политической лингвистики	156
Скворцов О. Г. Екатеринбург, Россия	Риторическое направление в исследовании политических метафор сферы «LIGHT / DARKNESS»	158
Собиянэк К. Лодзь, Польша	Образ России и ее стереотипов в польском сознании на примере публицистических текстов Анджея де Лазари	160
Стрельников А. М. Нижний Тагил, Россия	Россия политическая: взгляд извне	162
Сурина А. В. Екатеринбург, Россия	Информационная война против России в вооружённом конфликте между Грузией и Южной Осетией	164
Тагильцева Ю.Р. Екатеринбург, Россия	Проект «Сочи 2014» как способ формирования имиджа страны	166
Тарасенко Е.О. Екатеринбург, Россия	Английские анекдоты об иностранцах	169
Теркулов В. И. Горловка, Украина	О идеологизированных научных концептах (концепт «древнерусский язык» в современном украинском языкознании)	172
Тинтин Лу Пекин, Китай	Стратегии и тактики, смягчающие конфликт, в политическом дискурсе	175

Токарева И.В. Ханты-Мансийск, Россия	Поиски подлинного лика России в творчестве Р.М. Рильке.	175
Уфимцева О.В. Екатеринбург, Россия	Имидж России в СМИ: проблемы формирования	182
Филипацци М. Флоренция, Италия	Россия глазами Италии: обзор основных печатных изданий	186
Филипацци Ю. А. Екатеринбург, Россия	Россия и русские в итальянских театральных пьесах	187
Хренова А. В. Новокузнецк, Россия	Сравнительная характеристика разных признаков концептов ПРЕЗИДЕНТ и PRESIDENT в русской и английской картинах мира	190
Христолюбова Л.В. Екатеринбург, Россия	Особенности русского речевого поведения в аспекте принципов коммуникативной конвенции (по данным фразеологии)	192
Цонева Л.М. Велико-Тырново, Болгария	Имена российских политиков в болгарском политическом дискурсе	194
Чемагина А.В. Екатеринбург, Россия	Стереотипы о русских в творчестве группы Gogol Bordello	197
Чистова С.С. Нижний Тагил, Россия	Образ В.В. Путина в средствах массовой информации США	200
Чудакова Н. М. Нижний Тагил, Россия	Диагностика по-татарски: морбиальная метафора как средство моделирования образа России в татарских СМИ	203
Шарифова Салида Шаммед кызы Баку, Азербайджан	Образы России и российского военнослужащего в современной прозе Азербайджана	208
Шетэля В.М. Москва, Россия	Россия и Европа в польских СМИ последних лет	212

Шехтман Н. Г. Екатеринбург, Россия	Метафоры с агрессивным прагматическим потенциалом при характеристике России в американском политическом дискурсе	215
Шумская Э.Н. Костанай, Казахстан	Образ России в казахстанском политическом дискурсе	217
Шустрова Е. В. Екатеринбург, Россия	Образ России в выступлениях Барака Обамы	220
Плотникова А.В.	Образ российского бизнеса в англоязычной прессе (на материале журнала "The Economist")	224
Сивенкова М.А.	«Критиковать или не критиковать...?»: об эффективности негативно-оценочных комментариев в политическом диалоге	226
Сведения об авторах		230

Абрамова И.А, Веснина Л.Е.

Екатеринбург, Россия

ОНИ О НАС: ФОРУМЫ ТАДЖИКОВ О РОССИЯНАХ

Проблемы межнационального взаимодействия занимают в современном мире всеобщей мобильности всё большее место, поскольку миграция приняла глобальный характер и затрагивает интересы каждого: «оказывается, около миллиарда человек из 6,7 миллиарда живущих на Земле участвуют в процессе миграции. То есть каждый седьмой из нас – мигрант» [Удовички 2009].

Трудящиеся-мигранты сконцентрированы в относительно большом числе стран, в квинтет которых в 2006 г. вошла и Россия. В связи с этим, появляется немалое количество исследований (как отечественных, так и зарубежных), затрагивающих различные аспекты межкультурной коммуникации: социальный, экономический, культурный, психологический, лингвистический и др. Чаще всего это работы, посвященные анализу и решению проблем адаптации мигрантов к проживанию в России и вопросам развития толерантного отношения россиян к приезжим из различных стран. Подобные исследования, как правило, базируются на основе изучения данных социологических опросов, ассоциативных экспериментов, языка СМИ. Между тем, нам кажется интересной такая сторона вопроса, как отношение к России и россиянам самих иностранцев, приезжающих на территорию РФ на постоянное место жительства или на сезонные работы. С этой целью мы рассмотрели Интернет-форумы таджиков, являющихся представителями миграционного пласта одной из самых многочисленных национальностей в России на сегодняшний день.

Нами было выявлено несколько аспектов, затрагиваемых таджиками на форумах о россиянах: психологический, культурно-

логический, экономический, социальный. Данные аспекты в полной мере соответствуют когнитивным задачам, которые выполняет любой коммуникант любой национальности при восприятии «чужого». Л. И. Гришаева и Л. В. Цурикова определяют эти задачи следующим образом: «Во-первых, он (коммуникант) имеет положительное или отрицательное отношение к тому, что совершает «чужой» в данном конкретном коммуникативном акте. Во-вторых, он имеет положительное или отрицательное отношение к «чужому» вообще или к конкретной чужой культуре. В-третьих, он не всегда осознает, что в коммуникативном акте имеют дело, как правило, не с фактами как таковыми, а с интерпретациями этих фактов субъектами восприятия, познания и коммуникации, поскольку фундаментальная особенность восприятия как феномена – его селективность» [Гришаева, Цурикова 2003].

Таким образом, в высказываниях таджиков представлены реакции на отношение к ним россиян, проявляющееся в актах агрессии, направленных на таджиков, резких высказываниях политических и общественных деятелей России, текстах СМИ. Поэтому язык таджикских форумов агрессивен; россияне, русская культура и устройство жизни в России дискредитируются посредством таких коммуникативных тактик как прямые оскорбления, обвинения, навешивание ярлыков, субъективная (чаще отрицательная) оценка российских традиций.

Ср. (примеры даны в авторской редакции):

Слово "национал" не несет уничижительного значения. Национал значит патриот. Вам русне наш "новоиспеченный" суверенитет покоя не даетю Вы своих русских защитите сначала, а потом бейте себя в грудь какие вы крутые!!! ваших пенсионеров судят в Прибалтике за то что они когда то воевали. Кавказ вам покоя не дает и вы такие сильные 300 лет пытаетесь его взять Вы и ты АН хер знает какой натуральные ЧМО и лохов будете в избах рожать. Ваши новости цвета камуфляжа и наполнены бряцкание оружия, но все знают вы уроды (не все есть среди вас Люди. но вы их сами душиите, позорите.) Аллах не зря вам посылает все беды и смерть пока вы не изменитесь!! Все пока (14:14 26.05.2004 номад х / http://tau.ur.ru/forum/forum_posts.asp); В России столько русских бомжей сколько вся населения Таджикистана!Так как у вас убывают друг друга нигде не убывают!у вас по пнянке сын убывает маму!отец дочку!внукбабушку!и знаете прочитав

такие ваши статьи я все больше ненавижу русских!и не зря в западе вас так ненавидят !более неблагодарного народа чем ваш я нигде не встретил! вы очень быстро забыли ВОВ! ни одна семья в Тадж не осталась без жертв! в свое время эти же русские которые сейчас там остались ехали искать работу и обычный "хлеб"...Бог вам судья! пусть бог вас накажет! а я в это верю!!! Скоро вас достигнет божья кара! ждите и потом вспомните мои слова! (Без подписи / <http://krig42.livejournal.com/6731.html>) и мн.др.

Несомненная актуальность данной темы обусловлена тем, что для создания комфортного сосуществования людей различных национальностей необходимо учитывать мнение не только жителей страны, принимающей мигрантов, но позицию самих иностранцев. Лишь в этом случае возможно будет говорить о взаимном толерантном отношении.

ЛИТЕРАТУРА

Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – Воронеж, 2003.

Удовички К. «Мобильность – это ключевой аспект человеческой свободы...» / Российская миграция: Информационно-аналитический журнал. № 7-8 (38-39) ноябрь-декабрь 2009.

Электронные ресурсы:

http://tau.ur.ru/forum/forum_posts.asp

<http://krig42.livejournal.com/6731.html>

© Абрамова И.А., Веснина Л.Е., 2010

Айвазова В. В.

Сургут, Россия

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РОССИИ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Современное пространство коммуникаций соткано из образов и имиджей. Образы, с помощью которых выстраивается политический дискурс, фиксируют и отражают те представления о политических институтах и участниках политического взаимодействия, которые формируются в пространстве публичной политики и признаются самими носителями образов как значимые для ее (публичной политики) повестки дня.

Чрезвычайно важную, хотя и фрагментарную (и, безусловно, в известной мере субъективную) картину дает обобщение тех представлений об образе России, которые складываются в

американских СМИ.

В данной статье нами рассматривается метафорический образ России в американском политическом дискурсе. Вслед за А.П. Чудиновым, метафора рассматривается нами как «основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможность использовать потенции структурирования сферы-источника при помощи новой сферы» [Чудинов 2001: 19]. В качестве материала исследования мы обратились к интернет – источникам, посвященным взаимоотношениям США с Россией.

На основе анализа примеров мы пришли к выводу, что для взаимоотношений этих двух стран характерен агрессивный, милитаристический характер еще со времен противостояния СССР и США. Несмотря на политику Барака Обамы, направленную на укрепление взаимоотношений между странами, существует еще множество противоречий.

Сомнения вызывает прошлая политика США по отношению к России, когда нашей страной манипулировали в своих интересах, не предлагая ответных действий взамен: *Bill Clinton always used **the same trick to manipulate** [president] Boris Yeltsin: he **nodded at** everything the Russian president said and assured him of his friendship **while never budging an inch from his stand**. His team says Yeltsin did everything that Clinton wanted" [Obama takes small steps in Moscow. URL: http://www.atimes.com/atimes/Central_Asia/KG11Ag01.html].*

Во многом союзничеству между странами мешают старые стереотипы по отношению к России, которая воспринимается в Америке как империалистическая, злая и побежденная страна, которая во всех отношениях уступает США: *One, Obama has assembled a foreign-policy team **to handle Russia**, which includes *dramatis personae* such as McFaul, who are well known for their **"hard line" towards Russia**. Noted Russia scholar Stephen Cohen of New York University recently said, "The major **stumbling block** is the **'old thinking'** ... The notion that Russia is a **defeated power**, it's not a legitimate great power with equal rights to the US, that Russia should make concessions while the US doesn't have to, that the US can go back on its promises because Russia is **imperialistic and evil** ... There is enormous support in the US for the old thinking. It's **the majority view**" [Obama takes small steps in Moscow. URL: http://www.atimes.com/atimes/Central_Asia/KG11Ag01.html].*

Именно поэтому тяжело начать взаимоотношения этих

двух стран с чистого листа, несмотря на то, что отношение администрации Барака Обамы к России значительно улучшается: *The good part is that there are signs of the Obama administration doing some rethinking about the US's role in the contemporary world. But the difficult part is that US-Russia relations **cannot conceivably begin from a clean slate.***

Американские СМИ обширно описывают политические действия России, подчеркивая именно агрессивный, захватнический характер: *It's unlikely that Russia will want to follow up on the relatively congenial get-together in Moscow with **an outburst of aggression** toward Georgia, opined Barnov, who heads the Institute for Strategy and Development in the Georgian capital* [Georgia: Obama's Russia Visit **Eases Georgians' Fears** of Renewed Conflict with Moscow. URL: <http://www.eurasianet.org/departments/insightb/articles/eav070909a.shtml>].

Однако довольно часто можно обнаружить цитаты, обвиняющие США в подстрекании Грузии против России: *After showing active interest in Georgia under former president George W. Bush, Washington now can only **"give a sad look at Russia, and then blow the trumpets** about the success of America's foreign policy," he complained* [Georgia: Obama's Russia Visit **Eases Georgians' Fears** of Renewed Conflict with Moscow. URL: <http://www.eurasianet.org/departments/insightb/articles/eav070909a.shtml>].

В то же время в американских СМИ говорится о том, что именно Россия относится скептически к сближению двух стран, Барак Обама подчеркивает, что ждет крепких, мирных и плодотворных отношений между США и Россией: *Mr. Obama, whose two-day visit to Moscow reflects his efforts to recalibrate US relations with a **skeptical** Russia, said the two countries are not **"destined to be antagonists"**. **"The pursuit of power is no longer a zero-sum game,"** he said. **"Progress must be shared. "Let me be clear: America wants a strong, peaceful and prosperous Russia"*** [Georgia: Obama's Russia Visit **Eases Georgians' Fears** of Renewed Conflict with Moscow. URL: <http://www.eurasianet.org/departments/insightb/articles/eav070909a.shtml>].

Таким образом, образ России в американских СМИ характеризуется крайней противоречивостью. Россия характеризуется и как союзник и как агрессор в разных СМИ. Правительство

Барак Обама, с одной стороны, ищет точки соприкосновения двух стран, но с другой стороны само в той или иной мере провоцирует возникновение разногласий.

ЛИТЕРАТУРА

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. – Екатеринбург, 2001.

© Айвазова В. В., 2010

Алексеева А.А.

Новосибирск, Россия

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ОБРАЗА РОССИИ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛО- И ФРАНКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ

В нашем докладе представлена часть диссертационного исследования на тему «Лексические и фразеологические репрезентанты образа России в современной российской, англо- и франкоязычной прессе».

Источниками фактического материала являются отдельные статьи современных газет и новостных веб-сайтов США, Великобритании, Франции за 2008-2010 гг.: «USA Today», «The Times», «The Washington Post», «BBC News», «The Guardian», «The Wall Street Journal»; «Le Monde», «L'Humanité», «Le Figaro», «La Libération», «Les Echos» и др.

Основными средствами репрезентации образа России в зарубежной прессе являются а) оценочная лексика; б) метафоры; в) фразеологизмы.

При анализе оценочной лексики мы использовали классификацию Н.Д. Арутюновой [1999: 198]. В нашем материале мало слов, содержащих общеоценочные значения (*хорошо*, *плохо* и т.д.), поскольку авторы статей избегают прямых оценок. Среди слов с частнооценочными значениями очень часто встречаются примеры с этической оценкой. В основном эти слова показывают агрессивность, враждебность России по отношению к другим государствам, грубость политиков России и их политических действий, а также жестокое отношение к собственным гражданам: *aggressive steps* 'агрессивные шаги (меры)', *Russia's acrimonious, week-old gas war with Ukraine* 'жестокая недельная война России с Украиной', *l'hostilité de dirigeants russes* 'враждебность русских правящих лиц' и т.д.

Достаточно часто в статьях встречается количественная оценка, которая выражается либо отдельными словами, либо словосочетаниями, в которых оба слова имеют сему интенсивности, но зависимый компонент дополняет и усиливает оценку, выраженную главным словом: *Le président Dmitri Medvedev a fait un tout petit pas supplémentaire en faveur de la détente transatlantique* <...> (Le Figaro. 2008) 'Президент Дмитрий Медведев сделал еще один шажок в пользу разрядки трансатлантического напряжения' (*un tout petit pas* буквально означает 'очень маленький шаг', т.е. 'шажок').

В текстах зарубежной прессы встречаются также слова с другими видами оценки (нормативной, психологической, телеологической), однако эти примеры не столь частотны. Большая часть слов с аксиологической семантикой выражает не положительную, а отрицательную оценку.

Другим важным репрезентантом имиджа России являются метафоры, среди которых мы выделили несколько групп: «война» (*war, guerre* 'война', *struggle, bataille* 'битва', *paix* 'мир', *trêve* 'перемирие', *attac, attaquer* 'атаковать' и т.д.), «спорт» (*counterpunch* 'контрудар', *hit back* 'давать сдачи', *undercut* 'подрезать', *tacler* 'перехватывать мяч' и т.д.), «театр» (*theatre, théâtre* 'театр', *théâtre d'ombres* 'театр теней', *scénario* 'сценарий', *metteur en scène* 'режиссер', *jeu* 'игра' и т.д.), «человеческий организм» (*giron* 'нутро', *épine dorsale* 'позвоночник', *muscles* 'мускулы', *main* 'рука', *paralysie* 'паралич', *gangrener* 'вносить заразу, инфицировать', *hurt* 'причинять боль' и т.д.), «царская власть» (*tsar* 'царь', *khalife* 'халиф', *dauphin* 'наследник' и т.д.), «животные» (*ours* 'медведь', *faucon* 'сокол', *hydre* 'гидра'), «физические явления» (*tension* 'напряжение', *pression* 'давление' и т.д.), «потусторонний мир, необъяснимые явления» (*démons* 'демоны', *miracle* 'чудо', *magie* 'магия' и т.д.).

Фразеологизмы, характеризующие Россию, тесно связаны с оценочной лексикой и метафорами, поскольку они тоже являются носителями образности и оценки. Многие фразеологизмы содержат соматический компонент, причем часто этим компонентом является слова *bras, main* 'рука'. Образ руки часто ассоциируется с властью и различными действиями, которые производятся с ней, например, узурпацией, передачей, ужесточением и т.д., а также с проявлением силы.

С помощью оценочной лексики, метафор и фразеологизмов формируется представление о России как о стране-

агрессоре, подавляющей своих соседей и постоянно провоцирующей конфликты в мировой политике, при этом настоящие причины всех этих конфликтов российские власти пытаются скрыть, превращая свою политику в своеобразный театр. Однако этот агрессор внутренне достаточно слаб, поскольку поражен различными серьезными болезнями в общественной жизни, сферах политики, экономики, образования. Однако нельзя сказать, что образ современной России исключительно отрицательный. Положительная сторона ее имиджа – сфера культуры и искусства, в которой наша страна признается непревзойденным авторитетом как с точки зрения деятелей искусства, так и с позиции его ценителей.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1999.

Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры. – М., 1996.

Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса. – М., 2003.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры: монография – Екатеринбург, 2001.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Монография. – Волгоград: Перемена, 2000.

© Алексеева А.А., 2010

Антонова Ю.А.

Екатеринбург, Россия

ОБРАЗ РОССИЯН В СОЗНАНИИ КИТАЙЦЕВ НА МАТЕРИАЛЕ БЛОГОВ И ФОРУМОВ

Экономическое сотрудничество Китая и России в последние годы способствовало активизации миграционных процессов в обеих странах: граждане РФ, как и жители КНР, нередко предпочитают жить и работать на территории страны-партнера. Россия, государство издревле совмещавшее в себе в силу географического положения культуру Востока и Запада, легко приняла традиции Китая: стремление жить по фэн-шюю, мода на восточные платья, открывающиеся повсеместно китайские рестораны – все это свидетельствует о том, что жители России открыты «ветру» с Востока. С другой стороны, граждане РФ, оказавшиеся на территории Китая, часто испытывают культурный шок, потому

как некоторые привычки жителей Поднебесной (часть из которых обусловлена именно культурой) вызывают раздражение и резкое отрицание со стороны русских. Этой теме посвящено уже немало публикаций, особенно они распространены в сети Интернет. Данной проблемой занимаются культурологи, социологи, философы. Серьезные исследования образа Китая в сознании русских являются актуальными и востребованными. Намного сложнее изучить образ России в сознании китайцев, к сожалению, китайским языком владеет мало русских исследователей, и как следствие возникает проблема с языковым материалом. Но такие работы нужны, потому как для оптимального взаимодействия (культурного, экономического) необходимо гармонизировать межкультурную коммуникацию, а именно изучить образ русских в сознании жителей Поднебесной и найти лакуны в восприятии. Для выполнения этой задачи было решено обратиться к русскоязычным блогам и форумам, на которых общаются русские и китайцы, временно проживающие или жившие на территории РФ. Тексты цитируются без правки (потому некоторые из них содержат ошибки). Какой образ России и ее жителей сложился в сознании китайцев? Попробуем ответить на этот вопрос, опираясь непосредственно на текст.

Многие форумчане подчеркивают дуализм россиян: *«Я думаю, что в России много умниц и немало дураков»; «У русских есть великодержавный шовинизм, но они не очень уверены в себе, поэтому они немножко нервные и у них крайний характер есть»; «Россия для меня – это бутылка с кетчупом. С одной стороны, меня бесит, что надо долго трясти, чтобы вылилось, а, с другой, раз уж польется, так щедро».*

Русских считают ленивыми, неспособными к высоким результатам на работе: *«Уровень управления русской компания тоже не высокий. Бывает, что простое дело становится сложнее из-за какой-то глупости и редко всё в порядке»; «Много пустынных земель, которые никто не хочет осваивать. Хотя территория огромная, но хлебопашных земель немного. Наверное, русские не любят пахать землю, поэтому импортируют продовольствие».* Китайцы по праву считаются самой трудолюбивой нацией, они всегда нацелены на результат. Многие жители Поднебесной являются собственниками малого бизнеса, работают сами на себя и потому трудятся не «от звонка от звонка», а до тех пор, пока задача не будет выполнена.

В понимании китайцев русские невероятно много употребляют алкоголя, основной причиной этого они считают тот факт, что в России холодная зима, а спиртное – это способ согреться. Парадокс в том, что именно Китай в 2009 году занял первое место по уровню потребления пива. Но почему же китайцы эту пальму первенства отдают русским? На наш взгляд, это обусловлено культурой питания. В Китае практически невозможно на улицах встретить пьяного человека: если кто-то в компании выпил, то его срочно необходимо доставить домой, красный цвет щек, который бывает у выпившего человека – это повод для стыда, никто не должен видеть китайца таким. Честь – для китайца очень важное понятие.

В Китае полицейский – это представитель и защитник закона, уровень коррупции в Китае низкий. Китайцы привыкли, что полицейский поможет в тяжелой ситуации, тогда как в России милиционер воспринимается как коррумпированное лицо, которое, скорее, думает о личных интересах, а не о гражданах, часто сам находится вне закона: *«В России плохие милиционеры (украли деньги под видом проверки пропуска)»; «Ваш милиция как мафия. Наш документы все нармариные. а ещё деньги надо дать на пиво на сигареты».*

Многие китайцы отмечают чистоту России: *«В России очень чисто!»*; *«Русские любят чистоту».* Тогда как для самих китайцев чистота не свойственна ни в доме, ни на улице, ни в учебной аудитории, хотя в последнее время, особенно в крупных городах таких, как Пекин, правительство активно борется за чистоту, системой штрафов прививает новую культуру. Теперь за плевок предусмотрен крупный по меркам Китая штраф, тогда как прежде нормальным считалось сплевывать и в транспорте, и в помещении – по верованиям китайцев нельзя держать в себе плохое, слизь, газы – это сгусток плохой энергии, от которого необходимо незамедлительно избавиться. В небольших городах китайцы до сих пор не сдерживают себя: отрывают, сплевывают, пускают газы, «кхеркают» и не считают это зазорным. В ресторане упаковку, снятую с посуды, использованные салфетки китайцы бросают на пол, потому как считают, что мусор не должен быть на столе, за которым ешь. Соответственно в России они не понимают, почему русские все это оставляют на столе.

Китайцев приятно удивляет уличное движение: *«В России машины уступают дорогу пешеходам»* – в Китае немного пешеходных переходов, но достаточное количество светофоров. В

Поднебесной очень редко на дорогах можно встретить ДПС. Водители часто нарушают правила, подрезают друг друга, выезжают на встречную. В Шанхае рядом со светофором обязательно стоит дежурный, контролирующий движение пешеходов по светофору. Много камер уличного наблюдения. Поэтому по сравнению с Китаем движение на российских дорогах можно назвать спокойным, но вот сами дороги (их качество, дорожные развязки) китайцам не нравятся: *«Дороги неровные, маршрут непонятный»*. В Китае платные дороги помогают сделать движение скоростным, рациональным и избежать пробок, и это несмотря на большое количество машин. Многие китайцы отмечают то, что в России грязные машины. Сами китайцы следят за чистотой автомобилей.

В Китае действительно много очередей (например, на автобусной остановке), но они обусловлены большим количеством жителей, к тому же, справедливо заметим, что очереди очень быстро двигаются. В муниципальных учреждениях очередей практически не бывает – этого помогают избежать грамотный менеджмент, помощь со стороны сотрудников банка и автоматизация некоторых процессов заполнения документов. Тогда как в России китайцы сталкиваются с бюрократической системой документации и отсутствием сервиса: *«В России серьёзный бюрократизм и мне особенно не нравятся банки и больницы»*.

Китайцы очень радушно относятся к гостям страны, все время норовят поприветствовать на международном английском языке, просят сфотографироваться с ними, готовы помочь в поиске нужного места, нередко пропускают в очередях, уступают место в общественном транспорте, говорят на английском: *«Добро пожаловать в страну!»*. И каково же удивление жителей Поднебесной, когда в свой адрес в России они в основном получают ксенофобские высказывания, пренебрежение, неуважение, а иногда и настоящую агрессию: *«Немало русских не любят китайцев»*; *«Они думают что только белые лучше только славянские самые хорошие»*; *«За что? Что мы им сделали?»*.

Китайцев удивляют русские женщины: они считают их красивыми, высокими, но отмечают, что *«они становятся толстыми после родов»*, жители Поднебесной не понимают, почему русские женщины так много курят, тогда как среди китайок редко можно встретить курящую представительницу прекрасного пола.

В Китае принято скрывать свои чувства, поэтому китайцев искренне удивляют влюбленные парочки, целующиеся в публичных местах: *«В институте юноши целуют девушек и это странно».*

Китайцы считают русских талантливыми, творческими людьми: *«У русских большой талант артиста, у каждого живое выражение и изложение»;* *«Россия очень романтична, сама создаёт и поёт романсы, в которых выражена её чистая любовь. Она такая милая и талантливая, что её нельзя не полюбить».* В этом китайцы ощущают близость наших народов: жители Поднебесной, с одной стороны, чтут традиции Пекинской оперы, с другой стороны, очень любят петь караоке, музыка – это важная составляющая пятитысячелетней китайской культуры.

В Интернет-пространстве есть высказывания китайцев, еще ни разу не бывавших в России, но имеющих представление о ней, благодаря СМИ и системе образования, где до сих пор сильна коммунистическая идеология, пропаганда, и потому образ России в сознании таких китайцев, скажем, немного идеализирован и как будто соткан из телевизионно-газетных фраз: *«С самого детства я уже знаю, что между Китаем и Россией существует братская дружба <... > Мы любимся Россией, как любимся картинами Левитана. Кого бы вы не спросили о природе России, все в один голос отвечают: «Красиво! Чудесно! Просто дар природы!».*

Не все китайцы могут сразу ответить, кто является президентом России: *«Среди моих друзей мнение таково, Путин и Медведев – символ герба российской федерации. Но в действительности Россией правит Царь-Путин. Для нас, на небе не бывает двух солнц, император только один».* Фамилия Путин в китайских СМИ встречается намного чаще, возможно, именно потому, что диалог двух стран ведет нынешний Премьер РФ, он же чаще появляется в кадре вместе с Председателем КНР Ху Дзинтао, когда речь идет о стратегическом сотрудничестве Китая и России. Многие китайцы до сих пор помнят, уважают В. Ленина, цитируют его. Для многих в диалоге «откуда вы?» прежнее название «Советский союз» намного понятнее и привычнее, чем «Россия», потому как Советский Союз на протяжении долгого времени воспринимался Китаем как старший брат, помогавший в становлении КНР.

Но есть китайцы, которые, напротив, воспринимают Рос-

сию как обидчика, незаконно завладевшего землями Поднебесной. Вопрос о Дальнем Востоке по-другому, нежели в России, преподносится на уроках истории, и потому некоторые китайцы враждебно настроены по отношению к России: *«По отношению к России у меня врожденная ненависть! <... > Сегодня северный медведь свалился наземь с громким треском – защита от него уже не является проблемой. Вопросы территории – это вопросы ресурсов, а главное, вопрос чести. Северный медведь не только занял наши ресурсы, а еще и нанес оскорбление китайской чести <... > Еще большее количество наших людей видят только то, что временно Китай и Россия являются стратегическими партнерами, что у России есть мощное атомное оружие, и поэтому даже не хотят думать о родной земле на всере. Неужели действительно нет никакой возможности восстановить суверенные права китайцев на Дальнем Востоке?»*.

Мнение о русских складывается по туристам, бизнесменам, посещающим Поднебесную: *«Русские модные, они покупают дорогую красивую одежду и косметику, чтобы украшать себя»* – в Китае немного крупных торговых центров (молов), где представлены итальянские, французские, немецкие дизайнеры. Далеко не каждый китаец может позволить себе одеваться в таких бутиках, поэтому жители Поднебесной предпочитают местные китайские бренды ил подделки знаменитых дизайнеров. Тогда как русские, приехав в Китай (особенно в городах с развитой туристической индустрией), активно занимаются шопингом, что вызывает удивление китайцев. Отчасти поэтому они считают русских богатыми.

Удивляет китайцев отношение русских к деньгам (в частности к монетам): если у жителя РФ из рук выпали 10 копеек, он далеко не всегда поднимет их. Именно поэтому так часто на земле, в магазинах около касс можно увидеть валяющиеся однокопеечные, десятикопеечные монеты. Китайцы всегда поднимают упавшие монеты, во-первых, потому что это деньги и на одни «мо» (копейка) в КНР действительно можно что-нибудь купить, а во-вторых (так объясняют этот факт некоторые китайцы), на монете изображены государственные символы – нельзя небрежно относиться к государственным ценностям, это неуважение к родине.

В Китае не принято ругать свою страну. Китайцы готовы признавать, что, несмотря на политику открытости и реформ, на

то, что по уровню развития экономики Китай вырвался на первое место в мире, многие китайцы живут очень бедно – они об этом говорят, но не винят в этом правительство. Некоторые жители Поднебесной считают, что ругать правительство, это «*заниматься саморазрушением*», поэтому их искренне удивляет любовь русских к «разговорам на кухне», в которых корнем всех зол, как правило, выступают политики.

Китайский институт по изучению общественного мнения (SSIC) в 2008 г. провел статистическое исследование «Россия в глазах китайцев». Приведем некоторые выдержки из этого опроса: «53,7% китайских граждан дружелюбно или очень дружелюбно относятся к России. По общему мнению опрошенных, в России царит стабильная политическая ситуация. А что касается преимуществ России, то 60% опрошенных отметили обширную территорию и богатые природные ресурсы. Китайские граждане среди государственных руководителей России и СССР больше любят Путина и Ленина. Китайские граждане очень позитивно оценивают добрососедство двух стран». (russian.china.org.cn).

Резюмируя, отметим, что представление китайцев о России представляет собой синтез стереотипов, штампов, которые ретранслируются посредством СМИ и системы образования, а также субъективных впечатлений, полученных, как правило, в результате культурного шока. Интернет-дискурс с этой точки зрения представляет собой интересный и благодатный материал, так как, по сути, близок к неформальному общению. Безусловно, тема, намеченная в данной публикации, является перспективной с точки зрения межкультурной коммуникации и нуждается в дальнейшей разработке.

© Антонова Ю.А, 2010

Багичева Н.В.

Екатеринбург, Россия

«БЫЛИ БЫ БРАТЬЯ, БУДЕТ И БРАТСТВО»

Рухнувший в конце XX века «железный занавес» в чём-то обманул наши ожидания: мы не обнаружили не только *свободы радостной у входа*, но и *братьев*, желающих *отдать нам меч*. Вернее сказать, братьев в нашем тогдашнем понимании: *Ведь человеку брат – Любой, Неправдою казнимый. И брат – любой, Чей слышен стон В полях и на заводе, И брат – любой,*

Кто угнетен И тянется к свободе (Е.Евтушенко) (Ср. аналогично: Все пролетарии есть братья, но панов-то мы уж прижмем, будьте уверены. А кто нас поделил на народы, кто заставил проливать кровь братьев?... И если наше рабочее доверие поможет, то организуем братство всех народов во всем мире! (Островский Н. Как закалялась сталь). Более того, мы, до тех пор с легкостью употреблявшие метафоры «брат по разуму», «все люди – братья», «братья во Христе», сами оказались не готовыми к такому «вселенскому» братанию. Поменялись ментальные ориентиры и социально-прагматические предпочтения: кого теперь называть *братскими народами и странами?* И семы «готовность помочь», «общность интересов» в подобных метафорических употреблениях слова *брат* отошли на дальнюю периферию, оставив на ближней, но все же периферии, актуальными семы «общность происхождения», «духовное родство».

Ничего не поделаешь: человек является заложником концепта «семья», который пронизывает все человеческие взаимоотношения и на котором «замешивается» ментальность. Установление связи с окружающим миром происходит по отраженным в сознании человека схемам родственных отношений: *Каждый был доволен; каждый целовал святой крест, говорят: да будет земля Русская общим для нас отечеством, а кто восстанет на брата, на того мы все восстанем. Добрый народ радовался согласию своих государей, которые обнялись братски и разъехались друзьями* [Карамзин 1988: 161]. И чтобы понять происходящие в настоящее время политические и социальные процессы, надо взглянуть «вглубь себя»: *Христова любовь к людям есть в своем роде невозможное на земле чудо. Правда, он был бог. Но мы-то не боги; На всей земле нет решительно ничего такого, что бы заставляло людей любить себе подобных, что такого закона природы: чтобы человек любил человечество – не существует вовсе (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы).*

В переломные периоды истории (так, в нашу «эпоху этнического ренессанса» [Карасик 2005: 5]) особенно остро встает вопрос самоидентификации нации, этноса: «Постоянно задается риторический вопрос: кто мы такие и кем должны быть, чтобы оставаться самими собой. Иными словами, речь идет о том, какова наша ментальность, или, употребляя более старинное и точное выражение, каков «умственный и духовный строй наро-

да» (В.К. Кантор).

Термины *ментальность*, *менталитет*, *концепт* весьма прочно обосновались в трудах по когнитивной лингвистике. Всеми лингвистами и философами признается тот факт, что «менталитет и концептосфера тесно связаны и взаимодействуют в пределах мышления» [Попова, Стернин 2001: 67]. Однако не только и не столько этот факт будоражит умы лингвистов и философов, сколько желание найти ответ на вопрос, может ли ментальность тормозить определенные новации, если они не соответствуют ее «архетипам», или же, напротив, легитимировать те или иные начинания, давать им «духовную санкцию» (А.С. Панарин). Другими словами, «если мы признаем, что существуют культурные различия и они фиксируются в языке, то получается, что язык определенным образом влияет на поведение (и – добавим от себя – мировосприятия) людей» [Карасик 2005: 20]. Ср.: *Язык, таинственная материя. Невидимая и вездесущая, - она пронизывала своим звучным веществом каждый уголок мира, который мы исследовали. Этот язык лепил людей, ваял предметы, струился стихами, ревел на улицах, затопленных толпой, вызывал улыбку на устах царицы, явившейся с другого конца света... Когда я произносил по-русски «царь», передо мной возникал жестокий тиран; а французское «tsar» наполнялось светом, звуками, ветром, сверканьем люстр, блеском обнаженных женских плеч... Русская действительность часто просвечивала сквозь хрупкую патину наших французских вокабул. В портрете Президента Республики, который рисовало наше воображение, не обошлось без сталинских черт. Нёйи населяли колхозники. И Париж, от которого постепенно отступала вода, был проникнут чисто русским настроением – ощущением краткой передышки после очередного исторического катаклизма, радостью, оттого что окончилась война, что избежал кровавых репрессий. Мы бродили по еще мокрым парижским улицам, покрытым песком и илом. А парижане выносили к своим дверям груды мебели и одежду для просушки – так делают русские после зимы, которая уже начинает им казаться бесконечной (Андрей Макин. Французское завещание).*

Внутри своей языковой семьи наши пристрастия также распределяются по-разному: *В полной растерянности мы ломали себе голову над неотступной загадкой: «Почему мы так ненавидим немцев, вспоминая не только последнюю войну, но и*

тевтонскую агрессию семисотлетней давности при Александре Невском? Почему мы не можем забыть злодеяния польских и шведских захватчиков, совершенные больше трехсот лет назад? Не говоря уж о татарах... И почему в представлении русских страшная катастрофа 1812 года не запятнала репутацию французов? (Андрей Макин. Французское завещание).

Действительно, в чем причина разного нашего отношения к немцам и французам? Может быть, в том, что для французов и русских Родина – мать, а для немцев – отец? Наверное, поэтому соседские отношения немцев и французов также не всегда складываются гладко. Что изменилось бы и изменилось бы вообще, если бы вместо метафоры *Родина-мать* мы использовали *Родина-отец* подобно немецкому *Vaterland* «отечество, родина, отчизна»? Этот вопрос мы задали молодым россиянам (студентам УрГПУ). Ответы были самые разнообразные: от «пришлось бы переделать памятник» до «тогда бы она нас защищала», «мы бы были больше защищены», «обеспечены» и пр. Сказывается ассоциативная сема слова «отец» - *заботящийся о материальном достатке семьи, защищающий членов своей семьи, глава семьи*: «Если Родина – мать, то я должна защищать ее, а если отец – то он меня»; «У России нелегкая женская судьба: не везет ей с мужиками, нет в доме хозяина»; «Этим мы от немцев и отличаемся: их воспитывал отец, сразу видно разницу в воспитании, поэтому они никогда никуда не опаздывают»; «Жили бы мы богаче»; «Как сказать: наши мужики сейчас все сидят на шеях у женщин, а они все терпят – лишь бы не пил»; «Мать, она никогда не бросит». Как видим, носители языка напрямую связывают свою судьбу с метафорическим образом. Срабатывает генетическая и историческая память. Что касается вчерашних школьников, то каждый из них помнит бесконечные ссылки-переводы с французского в «Войне и мире» Л.Н. Толстого. Кстати, подобное отношение к французам отражено в романе: *Высказав все, что ему было приказано, Балашев сказал, что император Александр желает мира, но не приступит к переговорам иначе, как с тем условием, чтобы... Тут Балашев замялся: он вспомнил те слова, которые император Александр не написал в письме, но которые приказал Балашеву передать Наполеону. Балашев помнил про эти слова: «пока ни один вооруженный неприятель не останется на земле русской», но какое-то сложное чувство удержало его. Он не мог сказать этих слов, хотя и хотел это сде-*

лать. Он замялся и сказал: с условием, чтобы французские войска отступили за Неман. Интересно знать, отвечают ли французы нам взаимностью.

Безусловно, вопрос о том, как нас воспринимают в мире и станем ли мы братья, очень важен для нас. Мы все-таки не перестали ощущать себя великим народом даже после падения империи. Поэтому для нас очень важно, кого пригласить и кто придет к нам «на светлый братский пир». И как тут не вспомнить бессмертного Ф.М. Достоевского: *Чтобы переделать мир по-новому, надо, чтобы люди сами психически повернулись на другую дорогу. Раньше чем не сделаешься в самом деле всякому братом, не наступит братства.*

ЛИТЕРАТУРА

Карамзин Н.М. Предания веков [Сост., вступ. Ст. Г.П.Макогоненко; комм. Г.П. Макогоненко и М.В.Иванова; - Ил. В.В. Лукашова]. – М.: Правда, 1988. 768 с.

Карасик В.И., Прохвачева О.Г., Зубкова Я.В., Грабарова Э.В. Иная ментальность. – М.: Гнозис, 2005. 352 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001. 191 с.

© Багичева Н.В., 2010

Белоусов К.И., Галинская Т.Н., Седова Е.Н.

Оренбург, Россия

РОССИЯ В МЕДИА-ПРОСТРАНСТВЕ

АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ СМИ: КВАНТИТАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Исследование выполнялось при финансовой поддержке Министерства образования и науки (Аналитическая ведомственная целевая программа «Развитие научного потенциала высшей школы», проект № 2.1.3/3720).

Исследованиям механизмов формирования образа России в зарубежных СМИ посвящено внушительное количество лингвистических работ, в то же время слабо изучена структура национальных медиа-пространств: специфика конкретных СМИ (и национальных СМИ в совокупности) в процессе категоризации / концептуализации образа России. Полагаем, что анализ механизмов концептуализации образа России в национальных медиа-пространствах может быть осуществлен с опорой на квантитативные методы, одним из вариантов которых является, например, рейтингование [Белоусов, Зелянская 2007а, б].

Объектом рассмотрения являются британские (Times, Guardian, Independent, Mail, Telegraph) и американские издания

(New York Times, Washington Post, Chicago Tribune, Los Angeles Times, Wall Street Journal). **Материалом** послужили аналитические статьи в данных изданиях, посвященные гибели польской делегации в результате авиакатастрофы под Смоленском 10 апреля 2010 года.

В результате анализа материала было выделено 52 категории, посредством которых эксплицируется образ России в анализируемых англо-американских СМИ. Данные категории были укрупнены в три блока категорий: 1) формирующих негативную составляющую образа России, 2) создающие образ России как открытого честного партнера; 3) «нейтральные» категории, создающие только информационный фон.

В каждой статье рассматриваемых национальных СМИ подсчитывалось количество случаев обращения к выделенным типам категорий. Полученные данные были представлены в табличной форме: в первом столбце располагались категории, в первой строке – статьи англо-американских СМИ. На следующем этапе данные по статьям в рамках каждого издания суммировались. В итоге была получена таблица сопряженности, количественно репрезентирующая значимость конкретной категории для того или иного издания.

Дальнейший анализ проводился в рамках метода снижения размерности признаков пространства с помощью **анализа соответствий**, являющегося аналогом методов факторного анализа для нечисловых данных. Данный метод позволил представить исследуемые издания и категории в координатном пространстве переменных малой размерности.

В результате использования анализа соответствий по «нейтральным», «негативным» и «позитивным» категориям по отдельности, а также по укрупненным категориям в целом – в каждом случае было выделено 2 оси, сохраняющих от 62 % до 100 % информации исходной таблицы большей размерности размера 10 на 52 (10 изданий и 52 категории).

Полученные модели национальных медиа-пространств представляют собой одновременное расположение на двумерной плоскости категорий, участвующих в формировании образа России, и конкретных изданий. Показателем близости изданию той или иной категории служит величина отрезка, проведенного от категории до издания. Это позволило эксплицировать в медиа-пространстве западных СМИ однородные в функциональном смысле группы (категорий и изданий); изучить структуры

медиа-пространства в аспекте данных категорий (и в указанном контексте обнаружить специфику каждого СМИ) и мн. др.

Было установлено, что, несмотря на то, что в и британском, и в американском медиа-пространствах присутствуют издания, демонстрирующие негативную позицию по отношению к России, британские СМИ в целом смещены в сторону «нейтрального» описания событий, наиболее ярко выраженным примером которого является газета Times. Напротив, американское медиа-пространство полярно: наиболее яркими представителями «негативной» и «благожелательной» позиций являются американские Chicago Tribune и Wall Street Journal соответственно.

Медиа-пространства американских и британских СМИ в аспекте «нейтральных» категорий обнаруживают общие принципы организации: в каждом из них присутствуют издания, описывающие события с опорой на фактуальность (британские Times, Guardian и американский Wall Street Journal); издания, передающие точки зрения без рефлексии над ними (британские Telegraph и Mail, американские New York Times и Los Angeles Times); и издания-аналитики (британский Independent и американский Washington Post).

При анализе «негативных» категорий было выявлено, что основными координатными осями западного медиа-пространства являются: ось времени и ось типа аргументации. На полюсе прошлого, культивируя мифы советского периода, находятся такие издания, как Independent, Chicago Tribune, Telegraph. На полюсе будущего с категорией «негативных прогнозов» находится Guardian. Посредине, в «настоящем», располагаются The New York Times и Los Angeles Times. На второй оси перечисленные выше издания относятся к полюсу аргументации к чувствам. Обращение к рациональным аргументам (с обоснованием своей позиции с помощью двусторонней аргументации) характерно для таких изданий как Wall Street Journal, Mail и Times.

ЛИТЕРАТУРА

Белоусов К.И., Зелянская Н.Л. Фобии-исследования как направление в лингвополитологии // Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. № 11.

Белоусов К.И., Зелянская Н.Л. Рейтинг западофобии российских СМИ. URL: <http://www.regnum.ru/news/823833.html> – 2007.

© Белоусов К.И., Галинская Т.Н., Седова Е.Н., 2010

Будаев Э.В.
Нижний Тагил, Россия
Чудинов А.П.
Екатеринбург, Россия

МЕТАФОРА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Метафоры, используемые при обсуждении политической жизни общества, все чаще привлекают внимание специалистов, которые стремятся выяснить, как и почему рождаются эти метафоры, в какой мере они отражают социальную психологию, политические процессы и личностные качества их участников. Использование метафор нередко оказывается для политического лидера удачным способом «выразить многое, сказав немного», тонко влиять на настроения в обществе, представлять обществу новые идеи и одновременно вызывать интерес к своим выражениям. Изучение метафорического репертуара того или иного политика помогает лучше понять подсознательные механизмы его деятельности и подлинное отношение к той или иной проблеме. Активизация метафор в социальной коммуникации может служить признаком приближающихся общественных потрясений и одновременно свидетельствовать о направлениях движения политического сознания.

Теория политической метафоры возникла в процессе взаимодействия двух ведущих направлений современного языкознания – метафорологии и политической лингвистики. Сближение этих направлений обусловлено как бурным развитием исследований, посвященных политической коммуникации, так и переосмыслением самого понятия метафоры, новым пониманием ее роли в организации ментальных процессов и языковой картины социальных отношений. В современной науке формируется представление о политической метафоре как об инструменте для осознания, моделирования и оценки политических процессов, как средстве воздействия на социальное сознание.

Современная теория политической метафоры в полной мере сохраняет лучшие традиции политической лингвистики прошлых десятилетий и в значительной степени опирается на пионерские исследования Гарольда Лассвелла, Виктора Клемперера, Джорджа Оруэлла и других видных специалистов, работавших еще в середине прошлого века. В исследованиях последнего десятилетия в полной мере учитываются также идеи,

высказанные в «политлингвистических» публикациях Анны Вежбицкой, Рут Водак, Тойна ван Дейка, Хрисл де Ландтсхеер, Нозма Хомского и др.

Важно подчеркнуть, что современная политическая метафорология не отказалась от всего лучшего, что было в традиционных учениях о метафоре. Она просто предложила использовать при исследовании метафор принципы современной лингвистики, и это позволило увидеть новые грани в, казалось бы, хорошо известном феномене. Современная когнитивистика рассматривает метафору как важную (а в некоторых концепциях – даже основную) ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира. Человек не только выражает свои мысли с помощью метафор, используя их эстетический потенциал, но и мыслит метафорами, познает с их помощью тот мир, в котором он живет. Метафоры помогают нам преобразовать существующую в сознании адресата языковую картину мира, ввести новую категоризацию в представление, казалось бы, хорошо известных феноменов и дать им новую эмоциональную оценку.

В современной теории и практике когнитивного изучения политической метафоры важную роль играет классическое исследование Дж. Лакоффа и М. Джонсона «*Metaphors We Live by*» [Lakoff, Johnson 1980] (в русском переводе [2004]). Как справедливо отмечает А.Н. Баранов, названная книга очень быстро была признана специалистами «библией когнитивного подхода к метафоре – своеобразным аналогом сосюрковского «Курса общей лингвистики» в когнитивизме лингвистического извода» [Баранов 2004: 7]. Помимо общей характеристики теории концептуальной метафоры (иллюстрированной преимущественно материалами бытового общения), авторы классического труда обратились к политическому дискурсу, детально рассмотрев милитарную метафору Дж. Картера и ее следствия (entailments). Названное исследование показало также, что, казалось бы, совершенно лишенная эмоциональной оценки метафора ТРУД – ЭТО РЕСУРС позволяет скрывать антигуманную сущность экономической политики государств как с рыночной, так и с тоталитарной экономикой. Подобные факты служат ярким аргументом для выдвинутого Дж. Лакоффом и М. Джонсоном постулата, в соответствии с которым идеологии в значительной степени формируются на основе концептуальных метафор.

Другое знаменательное событие в истории изучения поли-

тической метафоры – это появление знаменитой интернет-публикации Дж. Лакоффа «Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf» [Lakoff 1991], в которой автор не только с необычной для филолога страстностью разоблачал способы метафорического оправдания готовящейся войны Соединенных Штатов и их союзников против Ирака, но и в полной мере продемонстрировал свою методологию изучения концептуальной политической метафоры, одним из этапов которой является сопоставление метафорического представления одного и того же феномена в политических дискурсах разных народов. Представляется, что именно названные публикации стали тем рубежом, с которого начинается современный этап в изучении политической метафорики, а возможно, и новый этап в развитии всей политической лингвистики.

В конце прошлого века рассматриваемая теория и соответствующая ей практика исследования концептуальных политических метафор получает широкое признание в мировой науке [Bachem, Battke 1991; Borkowski 1996; Chilton 1996; Chilton, Ilyin 1993; Chilton, Lakoff 1995; Lakoff 1992; 1996; Lakoff, Johnson 1987; Milliken 1996; Musolff 1995; Rohrer 1995; Semino, Masci 1996; Schäffner 1993, 1995, 1996; Straehle et al. 1999; Thornborrow 1993 и др.]. За четверть века в самых разных странах мира были созданы сотни публикаций, авторы которых обосновывают свой подход ссылками на теорию Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Вместе с тем вполне закономерно, что отдельные положения теории концептуальной метафоры со временем уточнялись и развивались. В этом отношении примерами могут служить теория первичных и сложных метафор [Grady et al. 1996], когерентная модель метафоры [Spellman et al. 1993], модель концептуальной проекции [Ahrens 2002; Chung et al. 2003], коннективная теория метафорической интерпретации [Ritchie 2003a, 2003b, 2004a, 2004b], теория концептуальной интеграции [Fauconnier Turner 1994; 1998; Turner, Fauconnier 1995; 2000], теория лексико-концептуальной проекции [Evans, Zinken 2006], дескрипторная теория метафоры [Баранов 2003, 2004; Баранов, Караулов 1991, 1994], теория метафорического моделирования [Чудинов 2001, 2003] и др.

Важно подчеркнуть, что далеко не все авторы современных публикаций по проблемам политической метафоры декларируют свою принадлежность к когнитивному направлению и провозглашают себя последователями теории концептуальной

метафоры Лакоффа–Джонсона. Так, по-прежнему активно используется риторический подход к изучению политических метафор (Р. Айви, Дж. Байнхем, В. Бенуа, Б. Бэйтс и др.). Во многих случаях крайне сложно провести рубеж между развитием методики исследования концептуальной политической метафоры и возникновением новой теории, которая формирует и новую оригинальную методику исследования. Отметим также, что далеко не все специалисты, обосновывающие свои исследования ссылками на труды Дж. Лакоффа, в действительности используют соответствующую методику. Вместе с тем несомненно, что большинство современных исследователей политической метафоры в той или иной степени испытало воздействие созданной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном теории, хотя далеко не все метафорологи признают это влияние.

Появление все новых и новых модификаций теории концептуальной метафоры в ее применении к изучению политического дискурса, обращение исследователей к все новым и новым дискурсивным источникам метафор, активизация использования метафор в политической коммуникации – все это требует всестороннего осмысления истории названного научного направления, его современного состояния, закономерностей эволюции и взаимодействия с другими научными школами, а также перспектив исследования политической метафоры.

При последовательном изучении современных публикаций по проблемам политической метафоры обнаруживаются следующие различия, способные служить основанием для классификации исследований.

1. Методы исследования. С точки зрения методологии наиболее последовательно разграничиваются работы, выполненные в рамках когнитивного и традиционного (риторического, семантико-стилистического) методов. В первом случае метафора анализируется как ментальный, а во втором – как языковой феномен. Вместе с тем существуют исследования, авторы которых, не опасаясь обвинений в эклектике, пытаются совместить названные методы. Значительно более естественным представляется совмещение методов, ориентированных на различные аспекты исследования, например, совмещение когнитивного метода с критическим анализом дискурса или контент-анализом.

2. Национальный дискурс. В большинстве исследований рассматриваются политические метафоры, относящиеся только к какому-то одному национальному дискурсу (американскому,

немецкому, российскому и др.). Вместе с тем существуют публикации, в которых сопоставляются политические метафоры, характерные для межнациональных объединений. Так, в исследовании Н.Н. Ключко [2006] ярко продемонстрировано, что народы бывшей Австро-Венгерской империи до настоящего времени ощущают определенную близость, которая в ряде случаев выражается и в однотипных метафорах. В публикациях целого ряда исследователей рассматривается межнациональная метафора «Общеввропейский дом» [Болотова, Цинкен 2001; Ключко 2006, Vachem, Battke 1991; Musolf 2000, 2004; Schäffner 1993; и др.]. Особую группу составляют исследования, посвященные сопоставлению метафорических картин мира, существующих в сознании различных народов [Красильникова 2005, Солопова 2006 и др.].

Для нашего исследования небезразлична и «точка зрения» на политическую метафору: в одних случаях автор изучает политическую метафорику своей родной страны, а в других – обращается к исследованию политической коммуникации зарубежных государств.

3. Понятийные (в когнитивных исследованиях) или семантические (в риторических и семантико-стилистических исследованиях) сферы-источники метафорической экспансии. Во многих публикациях изучаются метафоры, которые объединены такими сферами-источниками, как «война», «спорт», «путешествие», «животные», «болезнь» и др. В соответствии с используемой методологией (и терминологией) подобные сферы в когнитивных исследованиях рассматриваются как ментальные (концептуальные, понятийные), а в риторических – как семантические (лексические, тематические) группы слов. Несомненные различия между названными подходами будут рассмотрены в соответствующем разделе настоящей монографии.

4. Понятийные (в когнитивных исследованиях) или семантические (в риторических и семантико-стилистических исследованиях) сферы-мишени метафорической экспансии. Примерами таких сфер могут быть «кандидат в президенты», «партия», «парламент», «Россия» и др. Названные сферы также могут рассматриваться как ментальные (концептуальные) или тематические (лексико-семантические).

5. Дискурсивные варианты использования политической метафоры. В подобных исследованиях рассматриваются курсы отдельных политических событий и ситуаций (война, вы-

боры, скандал, коррупция и др.), дискурсы отдельных политических партий и движений (правые, левые, экологисты, антиглобалисты, националисты, коммунисты и др.) или отдельных политических лидеров.

6. Источники исследований политической метафоры. Чаще всего это политический медиадискурс (в том числе пресса, радио, телевидение) и собственно политический (институциональный) дискурс (листовки, парламентские дебаты, выступления на митингах, документы политических партий и др.) в их многообразных разновидностях и пересечениях.

7. Объем текстового материала. С этой точки зрения, прежде всего разграничиваются два типа публикаций. В первом случае в основе исследования лежит точно определенная и достаточно объемная база метафор, извлеченных на основе сплошной или целенаправленной выборки из точно определенного корпуса текстов. Сведения об этих источниках точно указываются в тексте. Во втором случае в публикации нет сколько-нибудь определенных сведений об объеме и источниках рассмотренного материала: при таком подходе в задачи автора входит лишь обнаружение соответствующего явления, но не его детальная квантитативная характеристика.

8. Темпоральная и динамическая характеристика исследований. Существуют публикации, авторы которых стремятся охарактеризовать исторические закономерности развития политической метафоры на протяжении многих десятилетий, веков и даже тысячелетий [см, напр. Harvey 1999]. Следует, однако, отметить, что большинство исследователей обращаются к изучению метафор, относящихся к относительно небольшим отрезкам времени (от одного года до десяти лет, а в некоторых случаях и меньше года). Показательно, что в абсолютном большинстве исследований рассматривается современный политический дискурс, хотя существуют публикации, обращенные к политическим метафорам, которые использовались в иные периоды развития общества.

© Будаев Э.В., Чудинов А.П., 2010

Бушев А. Б.

Тверь, Россия

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС О РОССИИ КОНСТАТИРУЮЩИЙ И ОБЪЯСНЯЮЩИЙ

Дискурс качественных мировых СМИ отличается от дис-

курса качественных отечественных СМИ. Политический дискурс очень разнообразен: и по количеству и качеству акторов, и по контенту, и по задачам и т.д. Наиболее часто мы встречаем самую распространенную форму – **констатирующий медиадискурс**. Благодаря спутниковому телевидению и Интернету, способствовавшим разрушению железного занавеса, в странах бывшего социалистического лагеря произошли разительные изменения. Регулярно просматривая прежде всего новости канала BBC World – качественного британского телевидения, ориентированного на освещение событий в мире, мы можем констатировать следующее.

1. Низкий удельный вес новостей из России. В сравнении с новостями о японской экономике, об экономике Индии, политике на Ближнем Востоке, состоянии банковских учреждений США, состоянии экономики Евросоюза, суде над Караджичем, проблематикой мультикультурализма, забастовками, землетрясениями, кризисами в африканских странах, информация о России занимает в мировых масс-медиа скромное место. По-иному обстояло дело в девяностые годы. Сегодня большее внимание вызывают в мировых СМИ Бразилия, Индия, Китай (*emerging economies*).

2. Освещаются интересующие западные элиты позиция России по Ирану, по Афганистану, по ПРО, но внутренние российские проблемы, а тем более образ России, маркетинг России, культурная дипломатия интересуют качественные западные масс-медиа мало. Несомненно, что здесь сказывается исключенность России из круга европейских держав: ведь в СМИ освещаются европейская система безопасности, европейская валюта, европейское регулирование той или иной деятельности, европейское потребление. Потребителя глобального дискурса интересуют больше, чем Россия, компании Kraft, Nestle, VA, Eurostar; более того, частотнее представлены события из Мьянмы, ЮАР, Зимбабве, Судана, Греции, сообщения о далай-ламе, папе Римском, актуальные экономические новости (бонусы, субсидии, банкротства).

3. Сильвио Берлускони, Гордон Браун, Хилари Клинтон, Барак Обама, Ангела Меркель чаще появляются на экране, чем наши руководители. Наши «звезды эстрады», принимающее участие в политической жизни России, вообще никому в качественных СМИ Запада не интересны. Конечно, в эфире появляются политические новости о государственных визитах россий-

ских президента, премьера. Но политические программы российских партий или идеология российского консерватизма, законы, принимаемые федеральным собранием РФ, не освещаются в мировых масс-медиа. Не освещаются и идеологические российские вопросы. Внутри России политический дискурс проходит вокруг таких ключевых концептов, как государство, православие, почвенники, славянофилы, авторитаризм – это не интересует западные СМИ. Кто такие Л. Бородин, митрополит Иоанн, Проханов, Дугин, Зюганов и какова их идеология не интересует качественные СМИ. Не придается никакого значения критике Путина Мироновым, политическим позициям ЛДПР, состоянию оппозиции. Однако есть критика существующей *политической системы, режима*.

4. Некоторые имена становятся позывными некоторых политических новостей – *Литвиненко, Евсюков, Ходорковский, Полтковская, Кадыров, Абрамович, Лебедев, Прохоров (в контексте скандала в Куршавеле), Магницкий, Наталья Эстемирова, Беслан, Курск, Норд-ост, война в Грузии, Саяно-Шушенская ГЭС, Чернобыль*.

Относительно новыми темами являются олимпиада в Сочи, раздражение поведением представителей восточной Европы в Лондоне.

5. Ряд репортажей в традиции внимания к социальной жизни освещает наши социальные проблемы: социальная жизнь в сибирских городах и моногородах, социальные процессы, маргинализация, депопуляция, «новые бедные», этнические проблемы, Бутово, «Речник», состояние Автоваза и т.д.

6. Порой качественные масс-медиа Запада показывают нарождающийся бизнес (серия репортажей *Working lives from Moscow*). При этом тон может быть весьма доброжелательным, констатирующим. Так, запомнился владелец книжных магазинов «Республика» в Москве (*A former cadet, he was born in Vladivostok... I don't need MBA ... We are growing too fast... We are consuming too much... We are not producing that much*). Истории бизнес-успеха новых русских получают вполне лояльное освещение – вот торговцы чипсами, вот фабрика по производству чипсов, вот beauty salon, новый работодатель... Все репортажи несут идею: человек – кузнец своего счастья. Модель предпринимателя и успешная стратегия жизненной реализации традиционно позитивны в странах протестантской этики.

7. При интерпретации дискурса о России может быть

применена в качестве аксиологической оптики **рамка национальных ценностей**: семья, уважение к закону, работодателю, власти, вера в бизнес, занятость и безработица, активность, стремление к обновлению, самостоятельность, дружелюбие, патриотизм.

8. Аналогично рамке национальных ценностей, понятна потребителям западных СМИ **рамка дискурса о правах человека** – политических, экономических.

Западные СМИ, в отличие от отечественных, не возвращаются к дискуссиям о переоценке сталинизма. Они оперируют устоявшимися оценками общественно-политического мейнстрима: *Iron curtain, brainwashing, obliteration of the distinction between public and private, Cold war militancy, the decay of Soviet ideology, purges, one-party dictatorship, the revival of Russian nationalism, totalitarian framework, ritual dance*. Они четко выделяют присущую сталинизму мифологию: *totalitarian vocabulary of conflict, public myth* (фольклор, современные герои и легенды, мобилизационные кампании, «маяки»). *The concept of class, the concept of nation* – именно с помощью этих концептов авторитарные режимы двадцатого века давно получили оценку в западном мейнстриме (*superbly armed, deliberately destructive and dominant...the combination of utopian imagery and iron discipline, demands for purity of belief...*)

9. **Экономическая рамка** дискурса о России характерна для описания проблем российской экономики: преобладающими являются сложные семантически многозначные концепты типа *economic incentives, marketlike incentives, elections, institutional changes, civil society, competitive market economy...* Анализируется состояние макроэкономических показателей, состояние российской армии, авиации, промышленности.

10. Второй типа дискурса – **объяснительный дискурс о России**. Известно, что несколько лауреатов Нобелевской премии обращались в правительство Российской Федерации по поводу сомнений в проводимых реформах, справедливости приватизации, эффективности экономической стратегии. Преобладающей, однако, является референция либерального дискурса: труды Вебера, Шумпетера, рисующие ограниченный концепт демократии как средства избирать власть. Показательна апелляция к авторитетам либерализма (*Laissez-faire economy*, дискурсы Лиотара, Рорти, Джеймисона, Хабермаса, Фуко, Вебера, Фукуямы, монетаристский дискурс, труды Лукаса, Альтюссера Хоркхеймера, Лазарфельда, Парсонса). Наиболее радикальные критики пишут, что не

хватило бы большого поезда, чтобы загрузить ту макулатуру, которая поступала в Россию с начала 90-х годов.

Хотим мы этого или нет, программа обновления гуманитарного дискурса состоялась: стоит открыть учебник по общественным дисциплинам, по философии, по экономике, по социологии, даже по психологии двадцатилетней давности и понять, как далеко мы ушли в экспланаторной оптике общественного дискурса.

11. **Рамка личных впечатлений** – еще один возможный формат анализа. Например, британский актер Руперт Эверетт, сыгравший роль Мелехова в ко-продукции С.Ф. Бондарчука написал в «Гардиан»: «Мне удалось стать Мелеховым в реальности до такой степени, что крестьяне принимали меня за своего, они тоже называли меня Григорием и просили освободить их деревню от коммунистов...» Когда проходили съемки на юге России, Эверетт снял домик у местной женщины. «Каждые две недели туда прибывали гости их окрестных поселений, в основном старики и старухи «с гвоздями вместо зубов». Они так напились, что не могли уехать домой и задерживались до понедельника. А когда казаки из массовки выезжали на пикники, коллектив сопровождала раздолбанная машина «скоро помощи». После пиршества более или менее трезвые его участники связывали мертвецки пьяных веревкой и аккуратно складывали на пол машины, чтобы по дороге не помялись из-за тряски».

Парадоксально, но новая волна отечественного кино рисует аналогичный образ России, понятный за рубежом и продаваемый там: «Волчок» Сигарева, фильмы Хлебникова, «Свадьба» Лунгина, «Однажды в провинции» Кати Шагаловой, фильм Н. Хомерики.

В целом надо понимать, что кроме матушки-России, есть еще много стран, надо исправлять ситуацию в России, а не пенять на зеркало и говорить о тотальной многовековой предубежденности Запада против России.

© Бушев А.Б., 2010

Воробьева Н.А., Григорьева Н.И.

Екатеринбург, УрГПУ

**РОК-КУЛЬТУРА – ПОЛИТИКА – СОЦИУМ:
АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Отношение к русской рок-музыке как в России, так и за ру-

бежом нельзя назвать однозначным. Наметившееся еще в советское время антогонистическое отношение к рок-группам частично сохраняется и в наши дни, несмотря на демократизацию культуры в современном мире. Например, в 2010 году в Белгороде была попытка запретить выступление рок-групп, исполняющих музыку в жанре heavy metal.

В настоящее время исследователи обращаются к разным аспектам изучения данного культурного феномена. В данной работе предпринимается попытка проследить взаимосвязь рок-культура–политика–социум.

Ученые обращают внимание на практическую значимость исследования политического дискурса в рок-культуре. Например, Соколов А.Г. отмечает, что «основой политического дискурса русской рок-музыки оказался политический протест, это дает возможность использовать результаты изучения рок-музыки для снижения негативных эффектов протестных настроений и оптимизации государственной политики – в частности, в области взаимодействия с культурной сферой жизнедеятельности общества. В настоящее время основными мишенями протеста рок-музыки, как и 15-20 лет назад, являются война и попытки государства установить чрезмерный контроль над своими гражданами, а также против терроризма и политического экстремизма. Конструктивной же составляющей политического дискурса русской рок-музыки является стремление к переменам и патриотизм» [Соколов 2009].

Сами представители рок-культуры тоже неоднозначно относятся к взаимодействию с властью. У некоторых возникает ощущение, что их творчество используют с определенной целью. В качестве примера можно привести отзывы о развитии рок-культуры в конце 80-х годов XX века и ее отношениях с политическими деятелями. Например, И. Кормильцев пишет о том, что «мы были слишком наивны, чтобы понимать: будущее принадлежит тому, кто владеет монополией на интерпретацию настоящего. «Мы ждем перемен», – пел Цой, а какой-нибудь Черниченко объяснял каких именно. «Скованные одной цепью», — пели мы, а какой-нибудь Коротич объяснял, что речь идет о шестой статье Конституции...» [Кормильцев 2006]. Жан Сагадеев в одном из интервью (2009) отмечает, что «новая власть, новые люди или старые люди, замаскировавшиеся под новых, активно использовали рок-музыку, как оружие по перемене порядка в обществе нашем... Власть активно пользовалась рок-

музыкой в своих целях» [Рок-н-ролл и политика 2009].

По-разному «видят» они и события, происходящие в политической жизни страны в тот период. Например, создается неоднозначный образ М. Горбачева в творчестве рок-групп (песни М. Борзыкина «Твой Папа – Фашист», «Товарищ Горбачев» группы «Гражданская оборона» и «Миша, будь осторожен» украинской группы «Брати Гадюкіни»).

В свою очередь и политические деятели разных государств дают неоднозначную оценку данному культурному явлению и его взаимодействию с государством. Например, Ю. Петропаловский (русскоязычный латвийский политик, член правления и политтехнолог ЗаПЧЕЛ – За права человека в единой Латвии, Латвия) отмечает, что «рок – это не текст. В этом, кстати, и есть вся причина того, почему русский рок не прорывается зарубеж. Почему бьет всех англо-американский рок? Он не нуждается в понимании. Музыка не надо переводить. Рок – это ритм, такт, темп, тембр, инструментовка, гитарный риф, орган. Да, Pink Floyd - это поэзия, но их слушают в Китае, Японии, Узбекистане. И слушают их люди, которые ни в зуб ногой в английском! А Шевчука не слушают нигде, кроме России и Украины. Это весьма мало. Рок и не такая уж музыка, да простит меня Шевчук... Я не верю в поддержку России русского рока в Латвии или в Узбекистане. Им самим нужно сначала заметить, что у них русский рок существует. И вот тогда, может быть. Но только при условии, что музыка выйдет на тот уровень, когда слова уже не важны» [Петропаловский 2010].

Таким образом, данное исследование актуально и перспективно и ждет своего дальнейшего развития.

ЛИТЕРАТУРА

Соколов А. Г. Политический дискурс русской рок-музыки в эпоху перестройки и в XXI веке // Без темы. 2009. № 2(12). С. 5-17.

URL:
[http://beztemy.usu.ru/?base=mag/0012\(02_2009\)&xsltn=showArticle.xslt&id=a01&doc=../content.jsp](http://beztemy.usu.ru/?base=mag/0012(02_2009)&xsltn=showArticle.xslt&id=a01&doc=../content.jsp) (дата обращения: 02.09.2010).

Кормильцев И. Великое рок-н-рольное надувательство-2. Часть первая. 2006-06-20 URL:
<http://www.apn.ru/publications/print9874.htm> (дата обращения: 02.09.2010).

Рок-н-ролл и политика 10.03.2009 URL:
<http://www.thosedays.ru/rok-n-roll-i-politika> (дата обращения: 02.09.2010).

Турчанинова А. Юрий Петропавловский: Бжезинский ставит рок-музыку на второе место после военной мощи. 15.06.2010 / ИА REGNUM URL: <http://www.regnum.ru/news/1293923.html#ixzz0yOi673DX> (дата обращения: 02.09.2010).

© Воробьева Н.А, Григорьева Н.И., 2010

Ворошилова М.Б.
Екатеринбург, Россия

**СЛОН И МОСЬКА:
МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РОССИИ И ГРУЗИИ
В ЗАРУБЕЖНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ
(2008-2009)**

Страшные события, произошедшие 8 августа 2008 года, вызвали серьезные споры в зарубежном политическом дискурсе, жестокая война никого не оставила равнодушным: но кто виновен? Вопрос, который для многих остался не решенным.

Настоящее исследование посвящено анализу образа ранее дружественных стран России и Грузии в зарубежной неформальной политической коммуникации. Мы не случайно обратились именно к политической карикатуре как ведущему орудию неформальной коммуникации: она позволяет выявить истинное общественное мнение, не завуалированное политической корректностью.

Нами были проанализированы 50 политических карикатур на тему «Россия и Грузия», опубликованные на зарубежных сайтах в период с 2008 по 2009 г., отобранные методом случайной выборки. Количественный анализ выделенных концептуальных метафор позволяет сделать следующие выводы.

При моделировании образов России и Грузии в анализируемом дискурсе преобладают три группы метафор. Самой традиционной и частотной (более 60%) остается зооморфная метафора. Россия – это грозный, голодный, пьяный медведь, что традиционно как для формальной, так и неформальной зарубежной политической коммуникации, о чем не раз писали многочисленные исследователи. В данном контексте интересны метафорические образы Грузии, которая предстает то в образе заветного горшка меда или улья, то в образе игрушки, или же

напротив в образе неудачника-охотника, разбудившего мишку, или обезьяны, дразнящей огромного медведя. Если в первой группе акцентируются негативно-прагматические векторы в образе России, то вторая группа направлена на создание образа Грузии-provokatora, правда справедливости ради отметит, что во всех найденных примерах, основным provokatorом выступают США, именно они всегда стоят за спиной маленькой Georgia.

Среди нетрадиционных зооморфных образов отметим метафору слона, основанную на прецедентном тексте известной басни: впервые данная концептуальная метафора была зафиксирована в испанской карикатуре, где моська предстала в образе муравья, что в очередной раз подчеркивает незащищенность маленькой Грузии перед огромным слоном со страшными клыками. Позже эта концептуальная метафора получила развитие в целом европейской карикатуре, где она приобрела новое содержание: Грузия – чаще маленький беспородный пес, прикормленный США или сидящий на американском поводке. Образ России лишился агрессивно-прагматического потенциала: слон спокоен, да и клыков у него больше нет.

Мы не случайно вынесли в название этот «свежий» метафорический образ, именно обращение к образу, не отягощенному стереотипами, позволило акцентировать основные проблемы, основные сомнения, будоражащие зарубежную общественность. Неравноценность соперников, явное преимущество России стало основной для развития настоящего конфликта в неформальной политической коммуникации: абсолютно во всех рассмотренных примерах образ России гиперболизирован, «маленькая» Georgia была обречена на поражение в войне с таким соперником, а значит и финал был предсказан изначально, лишив тем самым эту страшную «маленькую» война смысла. «Старший» должен быть умнее и решать вопросы не силой, а разумом – вот главный вывод, который читается в анализируемом дискурсе.

© Ворошилова М.Б., 2010

Гридина Т.А., Коновалова Н.И.

Екатеринбург, Россия

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ В СВЕТЕ СОЦИАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Рассматривая социальную идентичность как неотъемле-

мое свойство личности, психологи отмечают, что это «целостное, сложно структурированное образование выполняет ряд жизненно важных функций: а) адаптационную – приспособление к новым социальным условиям; б) ориентировочную – поиск своего места в социальном пространстве; в) структурную – придание определенности, упорядоченности Я; г) целевую – целеполагание, построение модели поведения; д) экзистенциальную – осмысление своей сущности, прогнозирование» [Иванова 2004].

Этническая идентичность является одним из факторов социальной идентификации личности. Однако деление на «своих и чужих» по национальной принадлежности далеко не всегда соответствует реальным установкам личности в выборе соответствующих данной этнокультуре приоритетов. В частности, отмечается, что «этническая идентичность, в отличие от этничности, активно конструируется индивидом на основе аскриптивной, предписываемой обществом этничности, но не сводится (к ней) и может не совпадать с ней» [Стефаненко 1999].

Для иллюстрации данного положения подходит простой пример выбора языка общения у билингов: этот выбор происходит, во-первых, с учетом приоритетности одного из языков как родного или неродного для говорящего; во-вторых, с учетом престижности соответствующего языка в той социальной среде, где он используется; в-третьих, с учетом уместности использования соответствующего языка в разных ситуациях общения (среди «своих» и среди «чужих»; в неофициальной и официальной обстановке; в профессиональной сфере или в быту и т.п.).

Приведем некоторые данные социолингвистического анкетирования школьников-билингвов, детей мигрантов, переселившихся из бывших республик СССР в г. Екатеринбург. В частности ответы на вопросы: «На каком языке вы разговариваете со своими близкими дома?» и «На каком языке вы разговариваете со сверстниками своей национальности?» распределились следующим образом: на своем родном языке – 34% всех опрошенных; на русском – 19%; на родном и русском – 44%; со сверстниками своей национальности на родном языке – 25 %; на русском – 25%; на родном и русском – 50%. Особый интерес представляют случаи, когда ребёнок, владеющий «материнским языком», разговаривающий на нём с родными и – реже – с друзьями, называет, тем не менее, в качестве родного языка русский.

Этническая идентификация личности во многом определяется стереотипами, содержательно и ценностно маркированными у представителей соответствующей социальной общности.

Достаточно распространены, например, этноязыковые стереотипы. В частности в обрисовке представителей разных национальностей обязательными атрибутами их характеристики (чаще всего комической) являются типичные для соответствующего этноса особенности поведения и ... **ЯЗЫК** (точнее, утрированный акцент, выдающий национальность говорящего). Так, финны предстают в свете отмеченных этностереотипов как люди медлительные и особым образом «растягивающие слова» с удвоением согласных (*дууммал, лежаалла*); ср. особенности передачи грузинского (*дэвушка, нэт* и т.п.), еврейского (преимущественно через интонацию), украинского («хэкающего») акцента и т.п.

Не менее интересны в плане наблюдений над этнической самоидентификацией и данные экспериментальных исследований, выявляющие этнотенденции, связанные с отношением личности (и соответствующих групп социума) к представителям различных национальных и этнических групп. В качестве таких этнотенденций выделяют *этноцентризм, этнорелятивизм, этнодоминантность и этноконформизм*. В эксперименте, поставленном С.Д.Гуриевой и Т.А.Кинунен, респондентам (мигрантам-финнам) предлагалось нарисовать «планету» в виде круга и «расселить» на ней восемь национальностей, включая собственную. Каждой из этнотенденций была поставлена в соответствие определённая модель «расселения»: А. Если в центре изображения планеты располагаются представители национальности респондента, это свидетельствует об *этноцентризме* (стратегия восприятия норм, ценностей собственной группы как образца, эталона, относительно которого оцениваются другие культуры). Б. Если все национальности распределены равномерно, планета поделена на равные сектора, это свидетельствует об *этнорелятивизме* (осознание того, что все культуры равны). В. Если в верхней части планеты располагается национальность, к которой респондент относит себя, а остальные национальности располагаются ниже, это свидетельствует о тенденции *этнодоминантности* (тенденции к подчинению, подавлению представителей других культур). Г. Если национальность респондента расположена в нижней части планеты, это свиде-

тельствует о тенденции *этноконформизма* (готовность подчиниться большинству, принять нормы другой культуры) [Гуриева, Кинунен 2006: 98].

Нами был проведен аналогичный эксперимент среди студентов, школьников и преподавателей вуза (всего опрошено 78 человек), представителей разных национальностей (в том числе билингвов – 17). Обработка результатов эксперимента подтвердила наличие всех четырех этнотенденций в обследованной группе респондентов. Полученные данные представляют также несомненный интерес и для обнаружения этностереотипов как факторов социальной самоидентификации личности. В этом плане показателен уже сам выбор респондентами национальностей из числа возможных (никаких ограничений в эксперименте на этот счет не вводилось). В качестве самых популярных восьми национальностей (по степени убывания частоты их выбора) оказались следующие: русские (75); немцы (41); французы (40); англичане (39); китайцы (38); татары (37); украинцы (30); японцы (30); итальянцы (28); испанцы (23); башкиры (22); белорусы (13); евреи (11); удмурты (10); узбеки (9); азербайджанцы (7); коми /коми-пермяки (7); турки (7); армяне (6); марийцы (6); поляки (6); финны (6); греки (5); индийцы/индусы (5); таджики (5); бразильцы (4); цыгане (4); голландцы (3); грузины (3); казахи (3); корейцы (3); монголы (3); чукчи (3); якуты (3); арабы (2); африканцы (2); буряты (2); литовцы (2); португальцы (2); румыны (2); словенцы (2); чехи (2); чувашаи (2); единичные фиксации – вьетнамцы; дагестанцы, ирландцы, коряки, мексиканцы, молдаване, мордвина, норвежцы, словаки, ханты-манси, шведы, эфиопы. Предпочтения в выборе этих национальностей объясняется рядом факторов: 1) состав испытуемых, подавляющую часть которых составляли русские (по условиям эксперимента представитель той или иной национальности должен был сначала обозначить себя); 2) языковой фактор (выбираются нации, титульный язык которых используется как средство межнационального общения – английский, немецкий, французский); 3) распространенность языка того или иного автохтонного этноса в обследуемом регионе: например, татарский, башкирский и др. языки для Уральского региона; 4) знание о контактирующих этносах, населяющих регион. Например, коми-пермяки, марийцы, мордва, чувашаи и т.п. на территории Урала; 5) численность наций и их активность в современном социополитическом пространстве (например, китайцы, японцы); 6) наличие такого явления, как миграция на-

селения из южных республик на территорию Урала (таджики, армяне, узбеки, азербайджанцы, грузины, дагестанцы и др.).

Заметим, что в целом ряде случаев вместо названия национальности указывается обозначение людей по месту их проживания (жители Великобритании (1) – наряду с англичане; американцы (16); египтяне (2); канадцы (2); афро-американцы и негры; зимбабвийцы; кубинцы (1); марокканцы; филиппинцы; финно-угорцы (= финно-угры) – как национальность воспринимается название народов, принадлежащих к единой языковой группе); чилийцы; швейцары (= швейцарцы). В одном случае в качестве национальности приводится название общности по вероисповеданию (мусульмане).

В качестве наблюдений отметим некоторые ассоциативные связи в предьявлении (выборе) и последовательности распределения (ранжировании) национальностей: славяне (русские как одна из славянских наций – по метонимическому принципу); россияне = русские (этностереотип навеянный недавней политической реальностью, обращением к жителям России, введенным в оборот президентом Б.Н.Ельциным); как «парные» (комплексные) часто приводятся следующие названия наций, национальностей, народов (испанцы + итальянцы; татары + башкиры; китайцы + японцы; русские + украинцы + белорусы и некоторые др.: буряты + удмурты; ханты + манси, ср. в частности полученное в эксперименте наименование национальности сложным словом ханты-манси).

Данные наблюдения над этностереотипами в плане их влияния на социальную самоидентификацию личности могут быть дополнены при сравнении полученных в эксперименте моделей распределения национальностей относительно друг друга – с позиции респондента.

ЛИТЕРАТУРА

Гуриева С.Д., Кинунен Т.А.. Социально-психологические особенности миграционного поведения // Вопросы психологии. 2006. № 6.

Иванова Н.Л.. Идентичность и толерантность // Вопросы психологии. 2004. №6.

Стефаненко Т.Г. Социальная психология этнической идентичности: Дис. д-ра псих. – М.: МГУ, 1999.

© Гридина Т.А., Коновалова Н.И., 2010

Гриценко Е. С.

ДИСКУРС, СТЕРЕОТИПЫ И РЕАЛЬНОСТЬ: РОССИЯ И ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В АМЕРИКАНСКИХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ

Какие факторы формируют образ одной страны в общественном мнении другой? Традиционно считается, что определяющее значение здесь имеют двусторонние отношения. Однако не менее значительную роль играют дискурсивно формируемые стереотипы восприятия, в основе которых лежит исторический опыт нации, идеалы и ценности собственной культуры.

В качестве материала для исследования использовались Учебник истории США для университетов («Liberty, Equality, Power: A History of the American People»), где Второй мировой войне посвящена отдельная глава; Сборник аналитических эссе «What if?», в которых американские историки, политологи, журналисты конструируют воображаемые исторические сюжеты времен Второй мировой войны на основе разного рода допущений; книга бывшего министра обороны США Р. Макнамары «The Fog of the War», в которой рассматривается ряд кейсов, прямо или косвенно связанных с Россией и СССР.

Первое наблюдение, сделанное в ходе анализа, касается «незаметности» СССР в ряду исторических сил, определивших исход Второй мировой войны. В общем объеме главы упоминания о сражениях на территории СССР занимают ничтожную часть. Основное внимание уделено событиям, в которых США непосредственно принимали участие или которые в той или иной мере оказывали влияние на США. В разделе «Хронология» СССР не упоминается, а единственная релевантная ссылка (на поражение немецких армий под Сталинградом), дана в пассивном залоге («German army defeated at Stalingrad» [Murrin 2008: 964]), т.е. без указания на то, какая страна разгромила фашистов. Таким образом, дискурсивно СССР предстает не как ключевой, а как второстепенный участник боевых действий.

Второе наблюдение касается дискурсивного сужения понятия союзников по антигитлеровской коалиции. Слово Allies практически везде в тексте обозначает США, Англию и Францию («Allies land in Normandy», «Allied armies reach Paris», «Allies invade Sicily» и др.). Складывается впечатление, что СССР действовал отдельно от союзников, т.е. дискурс формирует отличное от исторической реальности значение данного слова.

Третье наблюдение касается неоднозначного позиционирования СССР. Примером может служить различное представление в разделе «Хронология» двух аналогичных исторических событий: подписания сепаратных соглашений с Гитлером в Мюнхене в 1938 г. и заключения советско-германского пакта о ненападении в 1939 г. В комментариях к первому событию Франция и Англия позиционируются как миротворцы («France and Britain appease Hitler»): это однородные подлежащие (субъекты), воздействующие (позитивно) на общего врага Гитлера. В предложении о пакте Молотова-Риббентропа Гитлер и Сталин – однородные субъекты / подлежащие, выполняющие совместное действие, следствием которого стало вторжение Германии в Польшу и начало войны: «Hitler and Stalin signed Soviet-German non-aggression pact. Hitler invades Poland; war breaks out in Europe». Характерно, что в «Хронологии» не упомянуто о вторжении Гитлера в СССР, т.е. нет эксплицитного позиционирования СССР как жертвы фашизма.

Еще одно наблюдение касается смысловых акцентов в описании причин, способствовавших разгрому немецких армий на территории России. Упоминаются природные факторы (суровая русская зима) и тактика советского военного командования, не жалевшего жизни своих солдат («manpower easily replaced whenever it was lost» [Murrin 2008: 289]). На фоне многократного повторения мысли о том, что сохранение жизни американских солдат было главным приоритетом (этим объясняется, в частности, оттягивание вступления США в войну) и при отсутствии информации о героизме советских солдат, страданиях и жертвах мирного населения, такая расстановка смысловых акцентов способствует восприятию СССР как страны с негуманными, чуждыми ценностями. Этот образ не вызывает у читателя сочувствия.

И, наконец, последнее наблюдение касается позиционной реверсии, в результате которой СССР из союзника и жертвы превращается в противника и источник опасности – идеологической угрозы послевоенной Европе и миру. Подтверждением может служить, приведенная в учебнике критика президента Рузвельта его политическими противниками за медлительность в открытии второго фронта. Рузвельта критиковали не за уклонение от выполнения союзнического долга. Его упрекали в том, что промедление в открытии второго фронта в Европе позволит Сталину занять больше территорий и шире распространить свое

влияние в послевоенном мире. Тот же страх прочитывается в одном из эссе сборника «What if?», где описывается гипотетическая ситуация, в которой премьер-министром Великобритании стал Халифакс (а не Черчилль). В результате в 1940 г. Великобритания сдается Германии, после чего Германия на протяжении шести лет сражается с СССР в одиночку, терпит поражение, а Красная армия захватывает всю территорию Европы [Bradley 2001: 279-290].

Гипотетическая возможность распространения коммунизма стала оправданием миллионных жертв вьетнамцев и сотен тысяч американских солдат в годы военного противостояния в Индокитае [Blight 2005]. И хотя времена холодной войны прошли, восприятие России как источника угрозы не исчезло. Образ «другого» (чужой и непонятной страны) стереотипизировался, став частью картины мира, которая меняется чрезвычайно медленно, определяет общественное мнение и влияет на принятие политических решений.

ЛИТЕРАТУРА

Blight J.G., Lang J.M. The fog of war: lessons from the life of Robert S. Mcnamara. – Rowman & Littlefield publishers, INC, 2005.

Bradley Y J. What if? 2: Eminent historians imagine what might have been: essays [Et Al.; Edited by R. Cowley] – New York: The Berkley Publishing Group, 2001.

Murrin J.M., Johnson P.E., Mcpherson J.M., Fahs A., Gerstle G., Rosenberg E.S., Rosenberg N.L. Liberty, Equality, Power: A history of the american people, compact fifth edition, volume ii: since 1863 – Belmont: Wadsworth Cengage Learning, 2008.

© Гриценко Е. С., 2010

Докучаева Р. М.

Сыктывкар, Россия

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ФРЕЙМА-СЦЕНАРИЯ «ЭСТОНИЯ – РОССИЯ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (на материале интервью с президентом Эстонии)

Образ государства в современных условиях глобализации, с одной стороны, и экономического кризиса, с другой, приобретает для любой страны особое значение. Задачей создания общественного мнения путем воспроизведения оценки событий, явлений и процессов социальной жизни является постоянное и глубокое влияние на формирование политического имиджа го-

сударства [Морозова 1986: 961].

Исследования по восприятию одного народа глазами другого народа с точки зрения языкового выражения в современной лингвистике только начинают появляться. Так, мировое сообщество выразило свое отношение к российско-грузинской войне в 2008 году: в американской интернет-новостях доминировала антироссийская пропаганда. Великобритания, видимо, пыталась определиться самостоятельно [Бабич, Красильникова 2010: 224]. Антагонистическую позицию по отношению к современной России, в силу территориальных вопросов, связанных с Курильскими островами, занимает Япония. В зарубежном политическом дискурсе складывается удручающий имидж России. Так, распространенными в политическом дискурсе Великобритании являются метафорические модели РОССИЯ – ЗЛОВЕЩЕЕ МЕСТО, РОССИЯ – МОНАРХИЯ. В то время как действия Вашингтона ассоциируются с земледелием, закладыванием новой жизни на неплодородной земле мира вокруг США, РОССИЯ Путина – это МЕДВЕДЬ, мощный, сильный, дикий, устрашающий [Красильникова 2009: 38-39]. Все это свидетельствует о том, что о России судят, опираясь на её историческое прошлое. Однако за последние десятилетия ситуация кардинально изменилась: распад сверхдержавы – СССР, образование новых государств, рост товарообмена, увеличение международных финансовых операций, установление самых различных связей между государствами, др. Исследуя вербальные воплощения концепта «Россия» в турецком языке и турецкой языковой картине мира, ученые выявили следующие частотные модели данного концепта: «Россия – государство», «Россия – партнер» [Бозкурт 2010: 369].

Целью предлагаемой статьи является построение фрейм-сценария «Эстония-Россия». Материалом для наблюдения послужили высказывания адресанта и адресата в интервью, данном писателю Михаилу Веллеру президентом Эстонии.

Речевая деятельность адресанта и адресата, презентуемая дискурсом, моделируется в виде фреймов. Под фреймом понимается совокупность элементов ситуации или модель ситуации. Фреймовая ситуация формируется представлениями о прототипической ситуации и её элементах [Григорьева 2001: 72].

Двоичный характер структуры данного фрейма детерминирует его вариант: «Россия-Эстония». Представим фрейм-сценарии и их слоты как родовидовые структуры.

Фрейм-сценарий I: недружелюбие Эстонии к России.

Слот 1 – дискриминация русских в Эстонии. *Слот 2* – поражение русских меньшинств в правах. *Слот 3* – трудности в получении эстонского гражданства русскими. *Слот 4* – отношение эстонцев к символам прошедшей (Отечественной) войны (история с переносом монумента Бронзового Солдата с центральной площади на кладбище).

Фрейм-сценарий II: проявление интереса России к Эстонии. *Слот 1* – проявление интереса России к «эстонскому экономическому чуду» в 2000-е годы. *Слот 2* – проявление интереса России к антикризисным мерам, проводимым в Эстонии.

Фрейм-сценарий III: Эстония в эпоху советской власти. *Слот 1* – роль советской власти в создании Эстонского государства. *Слот 2* – роль советской власти в создании научной базы в Эстонии.

Фрейм-сценарий IV: причины негативных российско-эстонских отношений. *Слот 1* – «создание» негативных российско-эстонских отношений Эстонией. *Слот 2* – «создание» негативных российско-эстонских отношений Россией.

Фрейм-сценарий V: перспектива российско-эстонских отношений. *Слот 1* – роль России в организации позитивных российско-эстонских отношений в перспективе. *Слот 2* – роль Эстонии в организации позитивных российско-эстонских отношений в перспективе.

Свое интервью президент Эстонии Томас Ильвес заканчивает следующим образом: «Я убежден, что желание Эстонии иметь хорошие отношения со своими соседями совершенно искренне и важно для нас».

ЛИТЕРАТУРА

Бабич Г.Н., Красильникова Н.А. Концептуализация Грузии в метафорах дискурса общественности на сайтах СМИ Великобритании // Политика в зеркале языка и культуры Серия «Филологический сборник» Вып. 10. – Кемерово, 2010. с.224.

Бозкурт Р. Актуализация концепта «Россия» в турецких СМИ // Политика в зеркале языка и культуры Серия «Филологический сборник» Вып. 10. – Кемерово, 2010. с.369.

Григорьева В.С. К вопросу о когнитивно-коммуникативной организации дискурса // Филология и культура. Материалы III-й международной научной конференции. Ч.1. – Тамбов, 2001. с. 72.

Красильникова Н.А. «В плену русского медведя» или современная Россия в метафорах Британских и Американских СМИ // Политический дискурс в России – кадры решают всё. Ма-

териалы постоянно действующего семинара. – М., 2009. с.38-39.

Морозова О.Н. Некоторые общие характеристики общественной публичной речи //Культура общения и ее формирование: материалы V регион.научн.-метод. конф. (20-21 апр.1998 г.). – Воронеж: Полиграф, 1998. с.11-13.

Независимая газета от 5 марта 2010. с. 5.

© Докучаева Р.М., 2010

Еремина С.А.

Екатеринбург, Россия

НАЦИЯ В ДИСКУРСЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ П. СЕРИО

Языковая личность представляет собой сложную многослойную структуру, включающую в себя сочетание психофизиологических, социальных, национально-культурных и языковых слоев, проявляющаяся в речи. При анализе речевых высказываний языковой личности, можно составить ее каркас, характеризующий ее коллективность или индивидуальность, универсальность или национальную специфичность, психофизиологические характеристики, социальную принадлежность, менталитет, уровень владения языком (родным и иностранным), тезаурус, концептосферу, индивидуальную картину мира, а так же иерархию ценностей.

В различных коммуникативных ситуациях языковая личность привносит в коммуникацию все вышеуказанные составляющие, в разной степени вербализуя их. При контакте коммуникантов часто возникает диссонанс менталитетов, тезаурусов и ценностных ориентиров, поскольку каждая языковая личность представляет собой указанную многослойную структуру, а информация, выдаваемая одной личностью, не всегда адекватна информации, получаемой другой личностью (если она способна эту информацию воспринять).

Анализируя воспринятый материал, мы составляем портрет языковой личности и характеризуем черты, воспринятые и понятые нами с позиции наших структурных составляющих. В ходе общения на основе вербализованного материала мы получаем всегда фрагментарную и схематичную информацию и составляем всегда фрагментарный портрет. Правдивость портрета зависит от объема общего идентифицированного знания между коммуникантами. Если коммуниканты принадлежат к одной

и той же культуре, это знание получает больший объем, в силу контекстуальной близости. При межкультурной коммуникации количество такого знания уменьшается и портрет, составленный на основе полученной информации, значительно фрагментируется.

Языковая личность Патрика Серию, лингвиста, профессора университета г. Лозанны, известного специалиста по теории и практике дискурса, в том числе политического; по истории языкознания, в том числе советского; а также по теории языка, проанализирована нами в рамках лекций на занятиях Школы политической лингвистики 6-7 октября 2009 года.

Под дискурсом мы понимаем связную речь в совокупности с лингвистическими обстоятельствами ее протекания: её социальным контекстом, социальными и психологическими характеристиками говорящих. Дискурс подразумевает речевое общение как социальное взаимодействие, он неотрывен от реальности и в нём отражается накопленный народом опыт общения, в том числе опыт той сферы деятельности, за которой он закреплён.

Языковая личность принадлежит французской культуре, но живет в Швейцарии. Формирование её культурной (понятийной) картины мира обусловлено историей, социальным устройством, верованиями, традициями и образом жизни Франции. В рамках дискурса языковая личность своеобразно проявляет свою специфическую культурную (понятийную) картину мира, которая значительно отличается от культурной (понятийной) картины мира россиянина. Это человек, выросший не только в рамках другой культуры, но и сформированный в рамках другой научной школы. В частности, анализ его лекций проявляет то, что гуманитарная наука не является интернациональным феноменом, а развивается под воздействием политических, правовых, религиозных и эстетических взглядов, бытующих в данном человеческом обществе. Нам представляется интересным охарактеризовать его восприятие культуры **нация** и характеризующее его как носителя определенного рода культуры.

Исследуемая языковая личность демонстративно и полемически заостренно не связывает нацию с языком.

Нация фактически приравнивается им к гражданству.

Ср.: с одной стороны ээ рационалистический подход ээ государство делает нацию, а с другой стороны, в Германии у романтиков ээ нация делает / ждет государство// то есть

для хорватов для венгров 1848 году они все были члены Австро-венгерской империи они существовали как нация и боролись за независимость своего будущего государства// и тут вы понимаете насколько это постоянное недоразумение, когда речь идет о нации или, скажем, о разнице между гражданством и населением, когда я объясняю своим студентам, что такое пятый пункт в Советском Союзе им очень-очень трудно это представить// им это не имеет значение// я могу вам еще такой пример: в начале девяностых годов на французском телевидении появился невозможный человек// он был невозможен / потому что это был французский солдат, который во время Второй мировой войны был военнопленным в лагере Германии / этот лагерь освободила Советская армия / там в этом лагере он познакомился с украинской женщиной / он женился на ней и поехал в Советский Союз жить на Украине с женой// и после распада Советского Союза в течение пятидесяти лет не было и никаких известий о нем // и уже в старости /в начале девяностых годов /он захотел поехать во Францию, чтобы найти эээ родных, родственников// но интересно то, что он приехал во Францию с советским паспортом, где было написано гражданство, естественно, советское, а национальность французское / и это абсолютно нормально с точки зрения советского законодательства, но во Франции это невозможно, вы понимаете, потому что либо вы советский / либо вы француз вы можете иметь два гражданства, но разница между национальностью и гражданством абсолютно немыслима.

Языковая личность позиционирует себя как личность толерантную, ныне принадлежащую к швейцарской нации. Отношение к данному понятию характеризует его как маргинала.

Ср.: Швейцария, где четыре национальных языков, почему люди не борются между собой? Они постоянно борются, но не вокруг языков. Я вам расскажу еще о Швейцарии.; ср. у меня одна ассистентка, она русская, она вышла замуж за швейцарца, его мужа, фамилия мужа Шененбергер// когда в первый раз она с ним поехала в Россию, чтобы его познакомить с родителями, то в отеле(?) надо было зарегистрироваться, естественно, иностранцам, а дама в отеле написала гражданство швейцарское, конечно, это факт и национальность, даже не спрашивая, она написала немецкий, а когда моя ассистентка сказала: ну извините, ну он не немец, раз он швейцарец, а ответ этой дамы такой интересный, она сказала: ну смотрите Шененбергер

это немецкая фамилия, значит он немец// вот и эти постоянные недоразумения очень очень интересны. Опять-таки это нам показывает, насколько идеология, в смысле наших глубоких имплицитных представлений, важнее то что тех определения, которые вы можете найти в словарях.

В русской культуре понятие **нация** есть исторически возникшая общность людей. Она характеризуется проживанием на единой территории, наличием экономических связей, единой культурой и общим языком. Важнейшей характеристикой нации является общий психический склад и наличие национального самосознания. По словам Патрика Серию, нация есть население определенного государства. В этом высказывании проявляется разница культур: для россиянина в определении нации существенным оказывается антропологический и языковой показатель, а для французов показателем нации важным является общественный, политический договор. Люди решают и должны решать, что они принадлежат или будут принадлежать к какому либо народу-нации. При этом язык является несущественным.

Можно сделать вывод о том, что культуруема **нация** в дискурсе Патрика Серию идеологизирована (влияние идей Монтескье и Жан Жака Руссо).

*Ср.: есть две разные идеологии отношений между языком и нацией. Есть теория договора – это Монтескье и Жан Жак Руссо и романтическая теория. Для теории договора, скажем, для философии Просвещения эээ Нация – это политический проект. Тогда как для немецких романтиков, я имею в виду Гердера, Фихте и так далее эээ нация существует испокон веков. Так по-немецки – это намного яснее. Теория договора – это *Gesellechaft* (говорит по-немецки) общество, а у романтиков нация – это *Gemeinschaft*, то есть эээ община.*

Он разделяет (возможно, это отражение общей картины мира французов) понятия нация и национальность, и границей такого разделения является язык, который связан с национальностью, но не связан с нацией.

Может быть, потому, что на французском языке говорят, кроме французов, и бельгийцы, и канадцы, и это государственный язык у данных народов. Обратное явление характерно для современной Европы, где страны, к примеру, Босния, Хорватия и Черногория, объявляя себя другим государством, другой нацией, провозглашают у себя и другой язык, фактически являющийся сербским.

Мы же объединяем понятия **нация** и **национальность** (и до недавнего времени пятый пункт в паспорте указывал на это). Мы говорим по-русски, и это государственный язык только в России, а также название нации корневым образом все-таки связано с русской национальностью – россиянин.

Другими словами, можно сделать вывод о том, что содержание идеограммы в языке определяется особенностями нации-носителя языка. В дискурсе Патрика Серио это не вербализуется.

© Еремина С.А., 2010

Жаковска Магдалена

Лодзь, Польша

РОССИЯ-МЕДВЕДЬ В НЕМЕЦКОЙ КАРИКАТУРЕ XIX И XX В.

Популярным способом изображения немцами отношений с Россией является представление этих отношений через призму столкновения Европы с Азией. Для немцев XIX и даже XX в. Россия была образцом «мира наоборот», опасности, которую несет с собой империализм, азиатский деспотизм, покрытый тонкой европейской паутиной. По мнению Ивера Нойманна, специфичность России как Другого находится «во временном измерении, поскольку эта страна воспринимается как постоянно находящаяся в состоянии перехода к следующей стадии европеизации» всегда отстает и всегда догоняет [Нойманн 2004: 153-154]. Более того, Россия является главным «ламинарным спутником» Европы. Поэтому, утверждает Нойманн, одна из главных черт, с которыми Россия ассоциировалась – это неопределенность. В XVI и XVII в. Европа «выражала сомнения по поводу христианского статуса России», в XVIII в. «по поводу успехов европеизации России», в XIX в. «относительно ее военных намерений», в XX в. – по поводу ее великодержавного статуса, сегодня – по поводу ее желания стать членом мирового сообщества [Ibidem: 154-155].

Самым популярным символом России в Германии является медведь. Уже в конце XVII в., когда «крещеными медведями» назвал русских Готфрид Лейбниц, понятие «русский медведь» укоренилось в немецком стереотипе этого народа и государства, приняв часть черт, которые приписывала медведю символика германцев. Популярный в немецкой геральдике, свое самое известное выражение он получил как символ «грубой» Саксонии, а также – в облике достойного бурого медведя в ко-

роне – как герб Берлина [Hudabiunigg 2000: 262].

В половине XIX в. русские медведи – символы России – «прижились» в развивающейся с того времени немецкой карикатуре [Hiller 1979: 76-81]. С одной стороны, русский медведь явился здесь хищником-каких-много. Это понятие было, как правило, нейтральным определением наряду с «британским львом» или «французским петухом». С другой стороны, царская империя ассоциировалась у немцев с косностью, темнотой и дикостью, и свои воззрения они без стеснения воплощали прежде всего в медвежьих карикатурах.

Специфическим местом и временем развития и «научного» доказательства правильности национальных антирусских стереотипов является Германия первой половины XX в. Согласно изображениям и ожиданиям, – пишет польский историк Эдмунд Дмитрув, – рядом друг с другом существовали образы России как грозного могущества и одновременно обедневшего, слабого [...] «гиганта на глиняных ногах» [Dmitrów 1997: 114]. Описание черт «типичного» славянина, отождествленного с русским, «было основано на схеме: немцы = культура, разум, организация, порядок, творчество; славяне = варварство, инстинкт, «темное царство», отсутствие организационных (прежде всего государственно-созидательных) способностей, беспорядок, лень» [Ibidem: 114].

Если согласиться с диагнозом Эдмунда Лича, что самым выразительным способом изображения Другого в западной культуре является представление его в облике дикого зверя [Hudabiunigg 2000: 266], Россия / СССР явилась Германии (Европе) как Другой. Медведь как символ российского / советского государства чаще всего воплощал чуждость и угрозу. Изображение русского / советского государства в облике зверя оправдывало отношение к нему как к дикому зверю. Как символ русского народа (изображая народ, карикатуристы, как правило, не отождествляли русскости с советскостью) медведь воплощал его дикость, «темноту», пьянство, бедность, пассивность, угнетение.

Только политика «наведения мостов», начатая Вилли Брандтом в конце 60-х гг. XX в., создала основу для постепенного примирения обоих народов. Волну восхищения Советским Союзом вызвал выбор в 1985 г. Генсеком КПСС Михаила Горбачева. Факт, что Советский Союз сыграл ключевую роль в процессе объединения Германии, способствовал формированию у немцев чувства ответственности за Россию. Одновременно,

многие немцы опасались результатов общественно-экономических перемен в этом государстве. С положительным отношением к русскости в культурном измерении диссонирует очень критическое отношение немецких СМИ к России-государству.

Сегодня русский медведь остался последним зверем из богатого в XIX в. немецкого «зверинца» народов. Сложно найти здесь в настоящее время британского льва или французского петуха, не говоря уже о персонах вытесненных идеей политической корректности, например, о японских обезьянах, сербских вшах, польских крысах. Современные карикатуры, представляющие Россию, более мягкие, более ироничные по форме, являются одновременно более жесткими по содержанию. Россия-медведь в международных отношениях считается чаще всего одиноким Чудовищем среди людей.

ЛИТЕРАТУРА

Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей [Пер. В. Литвинов, И. Пильщиков] – М., 2004.

Dmitrów E. *Obraz Rosji i Rosjan w propagandzie narodowych socjalistów 1933-1945.* – Warszawa, 1997.

Hiller B. *Cartoons and caricatures.* – London, New York, 1970.

Hudabiunigg I. *Der „Russische Bär“ – redivivus? // Narrative Konstruktion nationaler Identität.* [Hsgb. E. Reichmann] – Röhrig, 2000.

© Жаковска М., 2010

Желтухина М.Р., Омельченко А.В.

Волгоград, Россия

СОЗДАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА РОССИИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СМИ

При создании имиджа государства в современных масс-медиа акцент делается на его контекстуальные составляющие: 1) историческое прошлое, 2) традиции и обычаи, 3) экономические, спортивные, образовательные, культурные и пр. достижения, 4) увлечения населения, 5) экологию. Вариативность перечисленных аспектов возможна, при этом главное заключается в целенаправленном заполнении каждой информационной ячейки в медиасознании представителей той или иной лингвокультуры, чтобы не допустить произвольность процесса.

Важным аспектом общего восприятия и оценки государства есть впечатление, которое оно производит, то есть его имидж. Независимо от желаний политических деятелей и PR-специалистов имидж – объективный фактор, играющий большую роль в оценке любого социального явления или процесса. Значение имиджа государства в достижении политического успеха очень важно, поскольку имидж страны – один из механизмов воздействия на представителей различных лингвокультур. Формирование политического имиджа государства в его внутренних медиапределах может быть полностью контролируемым и выстраиваемым по схеме. Примечательно, что в XXI веке для внутреннего употребления россиянами пока не сформирован четкий имидж России, возможно, в силу отсутствия настоящей необходимости у граждан. В отсутствие созданного внутреннего имиджа невозможно полностью отследить и откорректировать внешний имидж государства. Намного сложнее создание имиджа страны за ее пределами зарубежными СМИ. Приемы могут меняться в зависимости от политических обстоятельств. Кроме того, необходимо помнить о том, что в сознании носителей различных языков существуют устоявшиеся, сформированные веками стереотипы восприятия России, которые поддерживаются, заостряются, дополняются зарубежными массмедиа. При этом велика роль самопрезентации государства ее гражданами в других странах, которая отражается в информационных сообщениях зарубежными СМИ.

Структуру имиджа России, формируемого фрагментарно и полностью зарубежными массмедиа, можно представить следующим образом: 1. **Ядро имиджа** (легенды, позиции, установки). 2. **Внешняя составляющая** – визуальный и вербальный компоненты: 1) **визуальный** – вся информация о субъекте имиджа, которая определяется аудиториями через зрительное восприятие; 2) **вербальный** – название субъекта имиджа (Российская Федерация), миссия государства. 3. **Внутренняя составляющая** – менталитет, т.е. образ мыслей, интеллект, профессионализм, интересы, ценности, хобби, тезаурус понятий и многое из того, что относится к душе и разуму населения России. 4. **Процессуальная сторона** – эмоциональная выразительность, страстность, энергия, скорость реакций – все то, что относят к темпераменту населения, а также чувство юмора, артистичность, лицедейство.

Отношения с публикой, общественностью самым непо-

средственным образом влияют на формирование и действенность имиджа государства. В интересах государства – установление постоянного контакта с представителями иностранных государств, зарубежной общественностью, зарубежными средствами массовой информации на основе использования широкого информационного потока для создания нужного имиджа (интервью Президента РФ Медведева Д.А., Председателя Правительства РФ Путина В.В. зарубежным СМИ, участие полит- и бизнес-элиты в международных выставках, конференциях и т.п.). Кроме того, отмечается роль бинарной оппозиции «свои – чужие», «союзники – противники», «сторонники – оппозиция». От принадлежности к той или иной группировке будет зависеть создаваемый положительный или отрицательный образ российского государства. Анализ фактического материала демонстрирует преобладание внедрения негативных элементов имиджа России в зарубежных СМИ.

В результате исследования зарубежного медиадискурса выявлены следующие наиболее частотные приемы формирования имиджа России:

- позиционирование России или намеренное умолчание;
- возвышение или снижение имиджа России;
- манипулирование слабыми сторонами России (цивилизованность, коррупция и т.п.);
- распространение кратких новостных сообщений антирекламного характера (русская мафия, «танцующий мост» в Волгограде и т.п.);
- персонализация политических вопросов (авторитарный стиль управления, вертикаль власти, нарушение прав человека и т.п., напр. дело Ходорковского);
- противопоставление личностных качеств лидеров государства, правящей элиты и оппозиции (плохое образование и воспитание, низкое происхождение, маргинальность);
- использование прямых и косвенных выпадов и оскорблений в адрес (корейские карикатуры о терактах в Московском метро 2010 и т.п.);
- систематическое развертывание определенных взглядов и образа действий России, ее политических лидеров на протяжении определенного времени (правление Петра I, Ленина, Сталина, Андропова, Путина, Медведева или Хрущева, Брежнева, Горбачева, Ельцина).

Зарубежные массмедиа открыто или завуалировано фор-

мируют представления представителей различных лингвокультур о российском политическом мире, невольно, а чаще всего намеренно достигают поставленных целей, воздействуя на психику и поведение собственного населения в нужном направлении (напр., создание образа России как друга или врага). Зарубежные СМИ активно эксплуатируют мифологическую сущность человеческого сознания, опираясь на эмоционально-аффективные и условно-символические образы при передаче информации.

© Желтухина М.Р., Омельченко А.В., 2010

Зубакина Т. Н.

Екатеринбург, Россия

ОБРАЗ РОССИИ В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДИСКУРСА РЕЧЕЙ У. ЧЕРЧИЛЛЯ

Основная цель исследования – анализ метафорического образа России в концептуальном пространстве (структуре) дискурса речей У. Черчилля.

Образ России в дискурсе речей У. Черчилля в период событий Второй Мировой войны, а также накануне и после нее выстроен рядом метафорических выражений. Мы ограничимся примерами из речи до Второй Мировой войны (1936 г.) и спустя десятилетие после неё (1946 г.).

Первая цитата (пер. А.Боченкова) практически начинает речь, вводя метафорическое обозначение политической ситуации в мире накануне Второй Мировой войны:

(1) *«Соперничающие **политические религии коммунистов и нацистов сталкиваются друг с другом, издавая железный скрежет. Их приверженцы явно желают вцепиться друг другу в глотки. Они хотят превратить весь мир в арену борьбы и призывают нас встать на ту или другую сторону»** (Черчилль 2003, 522).*

Спустя почти десятилетие У.Черчилль в известной речи в Фултоне (пер. В. Чухно) метафорически обозначает политическую ситуацию в мире после Второй Мировой войны:

(2) *«**Сегодня на сцену послевоенной жизни, еще совсем недавно сиявшую в ярком свете союзнической победы, легла черная тень. Никто не может сказать, чего можно ожидать в ближайшем будущем от Советского Союза и руководимого ею международного сообщества**» (Черчилль 2003, 754)*

«Протянувшись через весь континент от Штеттина на Балтийском море и до Триеста на Адриатическом море, на

Европу опустился «железный занавес». Столицы государств Центральной и Восточной Европы...оказались по другую сторону занавеса.... попали ... в сферу советского влияния» (Черчилль 2003, 755).

Рассматривая эти примеры согласно теории когнитивной метафоры в рамках дискурса речей У.Черчилля, мы констатируем факт переноса образных схем из одной концептуальной сферы в другую. Концепты ментальной сферы-источника структурируют концептуальную сферу-мишень. Это тот случай, когда понятийные сферы «Война» и «Театр» создают образы для осознания понятийной сферы «Мир».

Образ Россия в дискурсе цитируемых речей Черчилля присутствует в цитате (1), отождествляясь с «носителем политической коммунистической религии», «борцом», «воином» (1936 г.), хотя до начала войны еще 3 года, а спустя десятилетия на исходе второй Мировой войны может согласно метафорическому примеру (2) восприниматься как «ведущий актер», «герой сцены» (1946 г.).

Принимая идею, что концептуальные структуры развиваются из «образ-схем», обратимся к цитатам речей У.Черчилля. Языковая (концептуальная) интерпретация действительности накануне (1936 г.) и после второй Мировой войны (1946 г.) предполагает в цитатах (1), (2) У.Черчилля «разделение» мира на две стороны, его биполярность.

Образ России в дискурсе цитируемых речей видного политика и предполагаемый образ Великобритании, с позиции которой происходит концептуальное представление мира У.Черчиллем в метафорическом выражении (1), воспринимаются не на одной стороне.

В метафорическом изложении политической ситуации речи 1936 г. (1) Великобритания концептуально предполагается У. Черчиллем как «наблюдатель», «зритель». В метафорическом выражении речи 1946 г. образ России и образ Великобритании концептуально размещены по разные стороны от «железного занавеса». «Великобритания» снова «зритель», но потенциальный, поскольку «железный занавес» опущен.

Образ России «вырисовывается» в языковой картине мира У.Черчилля, сначала (1936г) отождествляясь с противником «религии нацистов», а далее (1946 г.) Россия, «размещаясь» за «железным занавесом», оказывает влияние на население столиц государств Центральной и Восточной Европы.

Н.Д. Арутюнова утверждает, что «неопределенность содержательной стороны образа не позволяют ему быть объектом понимания: образы интерпретируются и осмысляются» [Арутюнова 1999, 322].

Интерпретируя и осмысляя образ России в метафорических выражениях У.Черчилля, мы можем воспринять признак *агрессивности* («**желают вцепиться друг другу в глотки**»), *прочности* («**железный скрежет**»), *закрытости, недоступности* («**железный занавес**»), *лидерства* («**попали... в сферу советского влияния**»), «**призывают встать на ту или другую сторону**»). Все перечисленные в рамках выбранных нами метафорических выражений признаки эксплицируют, скорее, отрицательное, чем положительное представление автором образа России.

© Зубакина Т. Н., 2010

Зырянова И. П.

Нижний Тагил, Россия

ОБРАЗ РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ БРИТАНСКИХ СМИ (на материале журнала «The Economist»)

Язык СМИ – универсальная знаковая система, с помощью которой формируется картина окружающего мира, поскольку мы вынуждены строить свое знание об окружающей действительности на медиареконструкциях и интерпретациях, которые в силу своей природы идеологичны и культуроспецифичны [Добросклонская 2008: 30]. По мнению некоторых лингвистов, в частности Д. Б. Гудкова [2000: 46], указанная функция – основная в сфере печатных и электронных СМИ, так как ее использование создает особый аудиовизуальный мир, воздействию которого вольно или невольно подвергается каждый из нас. В настоящей работе представлен анализ публикаций британского издания “The Economist”, посвященных событиям в России. Статьи объединены общей тематикой и освещают изменения во внешней политике государства, что позволяет нам определить современный образ страны, создаваемый в данном издании.

Следует отметить, что достижения России на внешнеполитическом уровне представлены иронично. Описывая парад, проводимый по случаю Дня Победы на Красной площади, в котором принимали участие страны НАТО, автор отмечает, «*this parade was meant to project the image of a self-confident, powerful country seeking better relations with the West*», в то время как «а

year ago it symbolised Russia's victory over Georgia and its American backers. These days Dmitry Rogozin, Russia's ambassador to NATO, talks of common values and the trustworthiness of America» (The Economist, May 20, 2010). Проведение параллели с недавним конфликтом в Грузии призвано проиллюстрировать неискренность, непостоянство России во взглядах, бутафорский характер предпринимаемых попыток наладить отношения с США и Западом. Указанный тон пронизывает и другие изменения, происходящие в стране. В приведенном ниже примере автор публикации высказывает свои суждения относительно документа (leaked foreign-ministry paper), содержащего новые направления во внешней политике государства: «Russia's new leaked foreign-ministry paper is not an example of liberalism and openness, but it argues that Russia must form modernisation alliances with leading countries and attract Western technologies while advancing the interests of Russian companies abroad» (там же). Далее с целью подтверждения утопичности идеи модернизации автор, вновь прибегая к приему сравнения, продолжает: «In a sign of desperation, even Armenia is seen as a channel for the transfer of technology to Russia. Russia's wish list includes visa-free travel, the adoption of EU standards and membership of the World Trade Organisation and the OECD rich-country club» (там же). Невозможность осуществления задуманного в России и его саркастическая оценка подчеркивается соответствующим подбором языковых единиц: «In a sigh of desperation», «Russia's wish list», «membership of the rich-country club».

Подобный настрой прослеживается не только при оценке будущих действий России, но и при описании уже свершившихся. События, получившие освещение в анализируемых статьях, определяются как запоздалые, необходимость осуществления которых очевидна для европейского общества: «After 40 years of tedious talks, Russia has signed a maritime border agreement with Norway» (The Economist, May 13, 2010); «After years of exploiting differences between old and new members of the European Union, Vladimir Putin, Russia's prime minister, has realised at last that EU solidarity is more than mere rhetoric» (там же). При описании положительных на первый взгляд сдвигов, характеризующих отношения с другими странами, также зафиксированы обороты, придающие событиям негативную окраску. Например, «Russia wanted better relations with the EU and it had to mend fences with Poland. Mr Putin has been remarkably flexible. Last year he went to Gdansk to mark the

start of the war; this year *he knelt to commemorate victims of the Katyn massacre ordered by Stalin in 1940. That required a shift in the Kremlin's historical discourse and its taste for Stalin*» (The Economist, May 20, 2010). Указанный эффект достигается посредством модального глагола «had to», подчеркивающего то, что Россия была вынуждена пойти на уступки (changed its taste for Stalin) при налаживании отношений с Польшей. Далее автор продолжает рассеивать благоприятное впечатление от произошедшего события, вскрывая истинные мотивы произведенных изменений. Оказывается, признать ошибки Сталина намного проще, если на кону стоит долгосрочный газовый контракт: «The importance of Poland in the Kremlin's eyes has grown along with the prospects of shale gas in the country. Gazprom is now said to be sweet-talking the Poles into a long-term gas contract. *In the contest between gas interests and Stalin, Stalin loses*» (там же).

Итак, проведенный анализ позволяет говорить о негативной, скептической оценке изменений, происходящих во внешней политике государства, направленных изначально на улучшение отношений с Западом, что в совокупности приводит к созданию и закреплению отрицательного образа России в британской прессе.

ЛИТЕРАТУРА

Гудков Д. Б. Функционирование прецедентных феноменов в публицистическом дискурсе российских СМИ // Политический дискурс в России – 4: материалы рабочего совещания 22 апреля 2000 г. – М., 2000. С. 46.

Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. – М., 2008. 264 с.

© Зырянова И.П., 2010

Карасик В.И.

Волгоград, Россия

ИГРА ПО ПРАВИЛАМ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ О РОССИИ НА ЗАПАДЕ

Политический дискурс представляет собой коммуникативную практику, целью которой является борьба за власть. Несмотря на то, что биполярный мир исчез вместе с распадом Советского Союза, участники политического дискурса на Западе, выступающие с позиций традиционного выделения стран перво-

го (собственного), второго (антагонистического) и третьего (подлежащего освоению) миров, строят свои модели Российской действительности по определенным правилам игры. Эти правила сводятся к определенным пресуппозициям:

1. Существует оптимальное проверенное временем политическое устройство в виде Западной демократии, и политическая практика любого государства оценивается с позиций совпадения приоритетов этого государства с моделью, воплощенной в странах Атлантического мира.

2. Демократические институты, возникшие в странах бывшего социалистического лагеря, часто являются показными имитациями соответствующих Западных институтов и поэтому не должны рассматриваться как реально действующие механизмы общественного устройства.

3. Настоящая власть в России принадлежит представителям бывшей партийной номенклатуры и сросшихся с ней мафиозных структур, целью которых является установление мирового господства.

4. Вместе с тем в России существует оппозиция, выступающая против официальной внешней и внутренней политики государства, и эту оппозицию следует поддерживать.

5. Несмотря на существенные расхождения с Россией по ключевым вопросам экономики и политики, Западный мир может и должен тактически объединяться с ней в борьбе против новых политических противников, прежде всего, радикальных исламских государств и организаций.

6. Российская внешняя политика традиционно отличается византийской сложностью, противоречивостью и запутанностью, в результате чего часто становится невозможно определить истинные цели того или иного политического поступка.

7. В политической элите России существуют консерваторы, которых можно убедить только силой, новаторы, которые стремятся к интеграции в Западную цивилизацию, и колеблющиеся, которых можно привлечь на свою сторону и с которыми нужно постоянно вести диалог.

Названные пресуппозиции определяют правила игры при обсуждении Российской действительности в политическом дискурсе. Эти правила вербализуются в оценочных высказываниях, конкретизирующих проблематику обсуждаемых вопросов в массовой информации, речах политиков и статьях политологов.

Обсуждение проблем России в современных Западных

средствах массовой информации носит полифонический характер, проблема или явление показываются с позиций разных участников политического дискурса, при этом прямое выражение авторской оценки является скорее исключением, чем правилом. Отмечается, что в российском политическом дискурсе проблемы внешней политики тесно переплетаются с проблемами внутриполитическими, и обсуждаемые вопросы предназначены для множественного истолкования. Такое истолкование обычно является полиадресатным: представители политической элиты России получают информацию о распределении сил в данный момент, широкая публика внутри страны знакомится с положением дел для общего сведения, зарубежные партнеры получают возможность прояснить свое отношение к обсуждаемым проблемам.

Игра по правилам допускает несколько сценариев: 1) ритуализация отношений, 2) поддержание правил с гибким учетом обстоятельств и 3) нарушение правил. Особенно значимы в политическом дискурсе отклонения от игры по правилам. Они являются знаками проверки существующего положения дел и поиска новых возможностей для достижения экономических и политических целей.

Западные политологи противопоставляют Российской политику и Российский политический дискурс, имея в виду, что в России не сложилась традиция публичного обсуждения актуальных проблем. Такое противопоставление отражает реальное положение дел, но вряд ли является специфической характеристикой нашей страны. По данным представителей критического анализа дискурса, политический дискурс в его обычной эластичной оболочке остается непонятным и чужим для большинства населения на Западе, интересуется сравнительно небольшую часть активных граждан страны и всегда вызывает критику со стороны интеллектуалов. Учет такого распределения адресатов в составе электората приводит к необходимости построения простых тезисов и имиджей, понятных большинству.

Игра по правилам в политическом дискурсе подвержена изменениям. Такие изменения могут носить декоративный и кардинальный характер.

Учет правил игры в политическом дискурсе дает возможность выделить различные типы субъектов этого дискурса, среди которых противопоставляются сценаристы, игроки, критики и зрители. Каждому из этих типовых субъектов присущи свои ролевые коммуникативные характеристики.

Каслова А.А.

Екатеринбург, Россия

**МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РОССИИ
В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ АФОРИСТИКЕ**

Выявление национальных стереотипов посредством языковых (паремиологических) единиц способно обозначить разноплановые характеристики «моделей действительности», представленных в сознании представителей различных этнокультур. Как известно, стереотипы представляют собой обобщенное представление лингвокультурного сообщества о том или ином явлении, этносе, стране, которое основано на избирательности восприятия информации и ригидности. Кроме того, они характеризуются эмоциональной наполненностью. Ю.Е.Прохоров определяет языковой стереотип как «субъективно детерминированное представление предмета, в котором сосуществуют описательные и оценочные признаки и которое является результатом истолкования действительности в рамках социально выработанных познавательных моделей» [Прохоров 1997: 72].

По мнению Г. Денисовой, в основе стереотипа может лежать оценочность того или иного явления по шкале «свой – чужой», основанная на выделении «своего / не своего» признака, и определении его места в системе «своего», а также наиболее ярко выделяемая носителями системы «своего образа» [Денисова 2000: 204]. В качестве источников хранения и выявления языковых стереотипов могут быть рассмотрены фразеологические единицы, в том числе и афоризмы (А.В. Кунин, В.А. Маслова и др.) Так, В.А. Маслова считает, что «фразеологические единицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы» [Маслова 2001: 57].

Разнообразная семантика афоризмов позволяет выявить расстановку акцентов в ценностях различных лингвокультур, описывая восприятие поведения разных народов, их культуру, традиции и специфику поведения, осмысление действительности и т.д. «Афористика, – по словам Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольской, – находится на месте «стыковки» науки и искусства, являясь как бы своеобразным звеном между ними» [Федоренко,

Сокольская 1990: 133]. Ср. также: «Афоризм – это торжество красоты языка, апофеоз мысли, праздник её смысловой, операционной и функциональной избыточности. В афоризме наиболее очевидно проявляется взаимозависимость и взаимопереплетение языка и мышления» [Москвин 2009].

Афористика представляет собой источник выявления стереотипов, а также механизмов их формирования. Метафорический образ России глазами представителей западных лингвокультур, репрезентированный в афоризмах, позволяет выделить основные модели стереотипного восприятия нашей страны. Наиболее частотной является манифестация России / СССР как врага, агрессора. Так, по мнению В.Г. Коваленко, в 17 веке господствовало мнение о том, что «Россия – это сильный и опасный сосед, основной внешнеполитического курса которого является территориальная экспансия, поиск жизненного пространства» [Коваленко 1990: 45] Мнение о той или иной стране складывается в процессе развития из истории взаимоотношений между этносами, которая может быть обусловлена наличием войн, опустошением земель, завоеваниями и набегами или наоборот, отношения могут быть основанными на взаимопонимании, сотрудничестве, уважении и т.д. Очевидно, что богатое на военные конфликты прошлое нашей страны, ее притязания на различные территории нашли отражение в образе «врага».

Every American administration must come up with at least one foreign adversary, a credible overseas "threat" to our national security interests, and there are many indications that Russia is a favorite for the nomination (J.Raimondo). I said to the German Ambassador that, as long as there was only a dispute between Austria and Serbia alone, I did not feel entitled to intervene; but that, directly it was a matter between Austria and Russia, it became a question of the peace of Europe, which concerned us all (E.Grey). It is inconceivable that even the gang who runs Russia would be willing to take on war, but one always has to remember that there seemed to be no reason in 1939 for Hitler to start war, and yet he did, and he started it with a world practically unprepared (J.Forrestal). Moreover, the accomplishment of Russia's aims has been greatly simplified by the fact that we have heretofore offered the world no practical antidote for the Russian poison (J.Forrestal). Russia will occupy most of the good food lands of central Europe while we have the industrial portions. We must find some way of persuading Russia to play ball (H. L. Stimson).

Негативный образ агрессора создается посредством упот-

ребления лексики с источниковой сферой «война» (*to bomb, to kill, genocide, peace, war* и др.), которая используется как в метафорическом, так и прямом значениях. Менее частотными являются морбиальные и спортивные словоупотребления.

Другим частотным репрезентантом стереотипного образа нашей страны в афоризмах является персонифицированный образ жертвы, страдальцы, связанный, в первую очередь, с экстралингвистическими представлениями об особенностях исторического развития России – революциях и войнах, сложной экономической ситуации, политических кризисах и т.д.

Russia has gone through eight years of continuing economic pain. (J.Sachs) The collapse of Russia was the second great event of 1917 (K.Miller). The Russian drama began at the end of 1991, when the Soviet Union mercifully ended. Russia and 14 other new countries emerged from the ruins of the Soviet Union. Every one of those 15 new states faced a profound historical, economic, financial, social and political challenge (J.Sachs).

Эмотивные ассоциативные признаки рассматриваемых афоризмов наиболее ярко представлены посредством морбиальных и строительных метафорических словоупотреблений, выражающих негативную семантику.

Еще одним достаточно часто эксплуатируемым образом является репрезентация России как загадки, тайны, великой, непредсказуемой и трудно постижимой страны.

I cannot forecast to you the action of Russia. It is a riddle wrapped inside a mystery inside an enigma. But perhaps there is a key; that key is Russian national interest (W.Churchill). If you don't know how great this country is, I know someone who does; Russia (R.Frost). There is an enormous difference between Russia and Western Europe (H.Gorter).

Выявленные модели свидетельствуют о достаточно высокой степени противоречивости в метафорической трактовке образа России в паремиологическом дискурсе англо-американской политической лингвокультуры.

ЛИТЕРАТУРА

Денисова Г. Стереотипы и их роль в формировании коммуникативных навыков в условиях "неродного" двуязычия // Россия и Запад: диалог культур, вып.8, т.1. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2000.

Коваленко Г.М. Русские глазами шведов. Этнопсихологический стереотип // Славяне и их соседи. Этнопсихологические

стереотипы в средние века. – М., 1990

Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001.

Москвин

Г.

Мыслители.

URL:

<http://www.stihi.ru/2009/11/21/7772>

Федоренко Н.Т. Афористика – М.: Наука, 1990.

Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М.: ИКАР, 1997.

© Каслова А.А., 2010

Керимов Р.Д.

Кемерово, Россия

СТЕРЕОТИПНЫЙ ОБРАЗ РОССИИ В ГЕРМАНСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Россию и Германию связывают тесные отношения на протяжении последних 300 лет, которые были отмечены как периодами дружественных отношений, так и временами конфронтации, а также двумя кровопролитнейшими мировыми войнами. По итогам второй мировой войны во второй половине XX века сложилась уникальная ситуация, когда на карте мира существовали две Германии: Восточная (ГДР) – первое «государство рабочих и крестьян» на немецкой земле и союзник СССР, который восточные немцы называли «старшим братом», и Западная (ФРГ), которая находилась (и до сих пор находится) в сфере влияния США и НАТО. Формально (с юридической точки зрения) был и третий «осколок» – Западный Берлин, находившийся под особым статусом ООН как бы на автономном положении, хотя он был политически и экономически связан с ФРГ.

В 1989 г. внутригерманская граница между ГДР и Западным Берлином была снята (что в мировой прессе ошибочно выдавали за открытие границы между ФРГ и ГДР), а в 1990 г. три части Германии соединились, в 1991 г. перестал существовать СССР. Таким образом, с 1992 г. наступает новейший период в отношении уже единой Германии и Российской Федерации (как части бывшего СССР). Следует отметить, что немецкое объединение на самом деле было поглощением Западной Германией Восточной части, поскольку вся система и все органы государственной власти ФРГ (единая Германия унаследовала это название от своей Западной части) распространились на «новые земли», заменив органы власти ГДР; то же самое произошло с партийной и судебной системой, с финансовой системой и армией.

В соответствии с этим образ современной России в политической культуре единой Германии в полной мере унаследовал подходы, стереотипы и «комплексы» западногерманской политики периода «холодной войны», что усугубляется в немецком языке в том числе и терминологической проблемой, суть которой состоит в вербальном смешении России и СССР. В толковом словаре Duden (1999) в словарной статье „Russland“ отмечены три значения: „1. a) (hist.) Russisches Reich; b) Russische Föderation. 2. nicht amtliche Bezeichnung für die Gebiete der ehemaligen UdSSR mit traditionell russischer Sprache und Kultur. 3. (ugs. früher) UdSSR“. Первое лексическое значение (1a) представляет собой историзм «Российская империя» и (1b) краткое наименование от официального «Российская Федерация». Второе значение: «неофициальное обозначение областей бывшего СССР с традиционно русским языком и культурой», которое апеллирует к культурной области распространения русской культуры на территории бывшего СССР. Третье значение: «СССР», со стилистической пометой, что оно использовалось в «разговорной речи» и «раньше», то есть в Западной Германии. Хотя оно используется в немецком обиходном языке до сих пор.

Прилагательное «русский» („russisch“) в свою очередь имеет дефиниции „a) Russland, die Russen betreffend; von den Russen stammend, zu ihnen gehörend: *russischer Abstammung sein; wir haben russische Freunde; das Teeservice ist echt russisch; er war in russischer Kriegsgefangenschaft (in der UdSSR in Kriegsgefangenschaft)*; b) in der Sprache der Russen: *russische Literatur; der Text ist russisch abgefasst*“.

Второе значение («созданное) на языке русских (русская литература; текст на русском языке)» указывает на обозначение русского языка. Первое значение: «относящееся к России, русским; исходящее от русских, принадлежащее им (быть русского происхождения; у нас есть русские друзья; чайный сервиз – настоящий русский; он был в русском плену (в плену в СССР)». Последний пример в полной мере отражает смешение понятий: «он был в русском плену» о немецком военнопленном (периода второй мировой войны) на территории СССР.

Таким образом, немцы воспринимали и продолжают воспринимать в качестве русского любого, кто говорит на русском языке, вне зависимости от фактической этнической принадлежности человека. В СССР большинство представителей не русского этноса более или менее сносно могли общаться на рус-

ском языке, потому они все считались русскими. Понятие «советский» („sowjetisch“) по отношению к гражданам СССР и к СССР в целом почти не использовалось и встречалось лишь в составе сложных слов, как, например: „die Sowjetunion“ (Советский Союз), „die Sowjetmacht“ (Советская власть), „das Sowjetland“ (Советская страна). Его часто заменяло прилагательное «красный» (традиционный цвет социалистических и / или коммунистических партий), например: „rote Regierung“ («красное (т.е. коммунистическое, Советское) правительство»), „rote Bedrohung“ («красная (т.е. советская) угроза») и т.п.

Как следствие, в обиходном и иногда и официальном (!) немецком языке исторические события, связанные с СССР, вербализуются с прилагательным «русский», например: русская армия победила Германию во второй мировой войне (на самом деле: Красная армия (РККА)); русские войска (якобы) подавили чехословацкую революцию в 1968 г. (на самом деле в тех событиях участвовали войска Варшавского договора, состоявшие из подразделений СССР, ГДР, Болгарии, Румынии); все достижения советских спортсменов также приписываются РФ.

Таким образом, полное смешение понятий «Россия» / «СССР» и «русский» / «советский» служит тому, что современную Россию не воспринимают как самостоятельное, независимое государство (появившееся 1 января 1992 г.), а как некий перерожденный гибрид СССР, бывшего, но всё же (для ФРГ) идеологического врага «свободного мира», как продолжение СССР, который (с точки зрения немцев) расколол Германию, поддерживал тоталитарные режимы и построил Берлинскую стену (что не соответствует действительности), подавлял свободы внутри своей страны и угрожал другим странам. Этот ярлык в полной мере отражает негативное отношение германских политиков и политики к России, особенно в конце XX в.

Следует отметить, что к концу 90-х гг. XX в. – в начале XXI в. проблема отношений с Россией была на периферии германской политики, и всплывала она только по поводу каких-либо кризисов: чеченского в России, югославского в Европе и т.п. И если позиция России противоречила позиции западных союзников, то ей сразу напоминали о ее «красном прошлом», в связи с чем поднимался вопрос о моральном праве бывшего тоталитарного государства-агрессора препятствовать «демократической агрессии» Запада (в случае с Косово).

Во время правления канцлера Г. Шрёдера (1998-2005)

Российская Федерация в речах немецких политиков Российская Федерация представляла в негативных аспектах как кризисная в экономическом отношении, политически нестабильная страна. Она не рассматривалась в качестве партнера ФРГ и не имела никакого приоритета, приравниваясь по статусу либо к странам третьего мира, либо к азиатским странам с развивающейся экономикой, хотя во время правления Г. Коля (до 1998 г.) России уделялось больше внимания (цитата из речи Г. Коля от 1997 г.: „Die deutsch-russischen Beziehungen ruhen auf einem festen Fundament“ («Германо-российские отношения покоятся на прочном фундаменте»)).

«Охлаждение» отношений в конце 90-х связано с тем, что к тому моменту прошла эйфория в связи воссоединением Германии, на карте мира (но не в умах политиков) престал существовать СССР, ушел в отставку «архитектор» объединения Г. Коль, а новое правительство Г. Шрёдера сразу столкнулось с большими проблемами как внутри страны, так и в ЕС, так что ему (правительству) было уже не до развития отношений с Российской Федерацией.

В середине первого десятилетия XX в. геополитическая ситуация в мире изменилась, в Германии к власти в 2005 г. (переизбрана в 2009 г.) пришла А. Меркель, женщина-политик, родом из Восточной Германии. В своей инаугурационной (на должность федерального канцлера) речи она уделила отношениям с Россией целый отдельный абзац (для сравнения: у Шрёдера это было только одно слово в общем контексте), впервые из всех германских политиков в новейшей истории заявив, что Россия является важным «экономическим» и «политическим» (в плане борьбы с терроризмом и безопасности в Европе) партнером Германии, см.:

„Ich möchte hier beispielhaft die Partnerschaft zwischen Deutschland und Russland als eine strategische Partnerschaft nennen. Russland ist ein wichtiger Wirtschaftspartner. Aber Russland ist genauso ein Verbündeter im Kampf gegen den internationalen Terrorismus und natürlich als Land für die politische Stabilität Europas unverzichtbar. Wir haben ein ganz besonderes Interesse daran, dass der Modernisierungsprozess in Russland gelingt. Wir werden das in unseren außenpolitischen Kontakten deutlich machen“ (А. Меркель, 2005).

Восстановлению прежних политических и культурных связей в последнее время обусловлено несколькими факторами: Россия – важнейший импортер немецких товаров; в ФРГ прожи-

вает более 3 млн. переселенцев из бывшего СССР, уехавших на историческую родину в конце 80-х – начале 90-х; Россия – первая страна в мире по количеству человек, изучающих немецкий язык как иностранный и т.д. Помимо этого, немаловажную роль играют контакты российских и германских политиков на уровне правительств двух стран. Так, президент РФ В. Путин выступил в свое время в Германском бундестаге с речью на немецком языке, став первым иностранным (не считая зарубежных немецкоязычных) политиком во всей послевоенной истории Германии, говорившим с немецкой политической элитой на немецком языке.

В целом нельзя не отметить положительные тенденции в формировании вербального и общекультурного образа России. При этом хочется искренне надеяться на то, что Россия все же когда-нибудь перестанет ассоциироваться в немецком языковом сознании с понятиями «перестройка», «водка» и «икра», а в немецкой политической культуре наконец-то исчезнет отождествление России и СССР.

© Керимов Р.Д., 2010

Клочко Н.Н.
Рига, Латвия

РУССКОЕ «ЧУЖОЕ» В ЛАТЫШСКИХ СМИ

Целью предлагаемого сообщения является рассмотрение коллективного образа русских / русскоязычных жителей Латвии в латышском медийном дискурсе. Материалом для наблюдения послужили титульные СМИ: газеты «Diena», «Neatkarīga avīze», «Latvijas Avīze», «Vakara ziņas», «Lauku avīze» на латышском языке, официальные интернет-сайты, а также материалы национальных теле- и радиоканалов.

Каждая эмоционально-оценочная номинация «русского чужого» в латышских СМИ может рассматриваться как фрагмент «ментального лексикона» нации, осколок национальной языковой картины мира. Для ее понимания необходимо изучение архетипических уровней национального сознания.

Обращение к фольклору – вербализованной архаической картине мира этноса – позволяет увидеть, как и в каких семантических точках накапливалась негативная энергия, в какой системе координат формировалось латышское отношение к русскому чужому. Архаическая картина латышского мира отражает

тот уровень рефлексии, который еще свободен от идеологических наслоений. Она представляет собой жестко заданную систему мировоззренческих и, как следствие, поведенческих ориентаций для каждого из членов национального коллектива.

Фольклорные источники (латышские дайны) подтверждают, что знания-рецепторы о русском сводятся к страху – глубинной эмоциональной и когнитивной основе современного многоуровневого русско-латышского конфликта.

Современное сознание латышей живет, как и столетия назад, стереотипическим видением чужого: все русское воспринимается как агрессивное, примитивное, некультурное, дикое, аномальное и т.д. Современное восприятие латышами *русского чужого* хранит в себе реликты давнего страха, эмоциональные, когнитивные и поведенческие воплощения которого фиксируются в латышском политическом дискурсе, институциональном и медийном, повсеместно. Многоликое русское Зло, которому с момента обретения независимости был объявлен крестовый поход, «опознано» национальными СМИ во всех своих проявлениях. *Русское чужое* предстает в латышском информационном пространстве как чудовищный в своей силе идеологический, политический, социальный, культурный и языковой – глобальный – враг. Наблюдения над вербальными воплощениями «этнического чужого» в латышских mass media позволили выделить группу обобщенных психологических, ментальных и поведенческих характеристик русских, вызывающих у титульных политиков «особую тревогу».

Стойкая русофобия на протяжении двадцати лет независимости Латвии и сегодня остается феноменом, определяющим вектор внешне- и внутривнутриполитической (межнациональной) жизни государства. Помещенный в область идеологии образ *русского чужого* обретает сублимированный негатив, который распространяется на все сферы жизни русскоязычного населения Латвии. Титульные СМИ с особой тщательностью сохраняют «следы» негативных впечатлений, поддерживая и формируя снова и снова в картине современного мира архаический образ враждебного русского чужого. Идеологема «*Русские – враги Латвии*» за два десятилетия независимости республики не потеряла своей эмоциональной силы и по-прежнему многократно и многовекторно тиражируется в национальных СМИ. Зафиксированные в национальной языковой картине мира образы русского «чужого» подчиняются общим закономерностям сенсорно-

перцептивного психического отражения, однако в силу общих закономерностей оценки «чужого» ему «инкриминируются» свойства всего семантического спектра Зла, вплоть до иррациональных характеристик.

Очевидно, что травмированное тоталитарным прошлым национальное сознание работает по принципу бумеранга [Чейф 1983], оперируя своеобразными следами своего опыта. Такой способ подачи информации наглядно иллюстрирует реваншистские настроения национальной политической элиты. Вербальная агрессия служит при этом средством успокоения обеспокоенного национального / националистического сознания. А демонстрацией силы – одной из главных своих привилегий [Лоренц 1990] – власть показывает национальному коллективу свою непримиримость и «праведный гнев» по отношению к врагу, который «все еще силен».

Статус государства Евросоюза требует от Латвии шагов в сторону политической, социальной и культурно-языковой интеграции. Однако находящаяся во власти ментальных стереотипов этнократия стремится к воссозданию этнически чистого, мононационального государства. Она интерпретирует интегративные процессы в терминах ассимиляции, что не может не вызывать у русскоязычных жителей республики негативного к ней отношения.

Национальная совесть, чувство вины, имплицитно присутствующее в русском островном сознании, и усвоенный политический опыт русскоязычного материка (отношения России с Чечней, Грузией и т.д.) не дают вырваться наружу «русскому бунту». Русскоязычные латвийцы противостоят тирании национализма, не скатываясь к погромам. Немалая роль в этом принадлежит русскоязычным СМИ, конструирующим русское коллективное поведение, в том числе речевое, в формах мирного, организованного протеста.

ЛИТЕРАТУРА

Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). – СПб. 2001.

Чейф У. Память и вербализация прошлого опыта // НЗЛ. 1983. Вып. 12.

© Клочко Н.Н., 2010

Кондратьева О.Н., Федянина Л.И.

Кемерово, Россия

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА

«РОССИЯ – ЭТО ДЕЛОВОЙ ПАРТНЕР» В НЕМЕЦКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Одной из наиболее значимых задач современной политической лингвистики является изучение образа России, создаваемого средствами массовой информации. Уже были выполнены подобные исследования на материале российского [Чудинов 2001] и американского [Орлова 2005, Пшенкин 2006] дискурсов. Предлагаемое исследование посвящено особенностям метафорического образа России в германских СМИ, в частности, специфике одной из новых концептуальных метафор «Россия – это деловой партнер». Материалом исследования послужили выступления федерального канцлера Германии А. Меркель, дополительно привлекались материалы немецких СМИ.

Метафорическая модель «политика – это бизнес», столь популярная в европейском и американском дискурсах при концептуализации политической сферы, лишь в последнее время начинает использоваться для описания отношений с Россией. Достаточно длительное время Россия воспринималась на Западе исключительно как враг, соперник или представитель бандитского мира, т.е. осмыслялась посредством военной, спортивной и криминальной метафор. Изменения, произошедшие в нашей стране в последние годы, вызвали определенный сдвиг в восприятии России и, как следствие, произошли изменения и в системе концептуальных метафор, используемых для описания России в прессе.

Отголосками более раннего периода в отношении России и мирового сообщества является высказывание о том, что Россия «дичится Запада», но при этом отмечается, что она уже не является его врагом: ***Russland fremdelt mit dem Westen. Ist aber auch nicht sein Feind*** (<http://blog.boell-net.de>). Таким образом, в России видят не соперника или агрессора, а важного соседа, с которым следует считаться и выстраивать партнерские отношения: ***Russland ist der größte und wohl wichtigste Nachbar Europas sowie ein bedeutender Wirtschaftspartner Deutschlands*** (<http://www.dn8.de>).

Показательно, что согласно данным социологического опроса, приведенным в статье с говорящим названием «Medien prägen das Russland-Bild in Deutschland (Средства массовой информации создают образ России в Германии)», 62% немцев считают Россию надёжным деловым партнёром: *62% der Deut-*

schen halten **Russland** auch für einen verlässlichen **Geschäftspartner** (das sind 10% mehr als im März 2007) (<http://www.russlandjournal.de>).

Восприятие России в качестве важнейшего делового партнера присутствует в выступлениях двух последних федеральных канцлеров Германии – Г. Шредера (1998-2005): **Russland ist einer der wichtigsten Handelspartner Deutschlands** (<http://archiv.bundesregierung.de/>) и А. Меркель (с 2005 г.): **Wir können stabile Partnerschaften mit anderen Ländern aufbauen, allen voran mit Russland, China und Indien** (<http://www.welt.de>).

Говоря о деловых отношениях с Россией, Меркель акцентирует внимание не только на роли России как поставщика энергоносителей: **Es ist richtig, dass Russland Deutschlands wichtigster Energielieferant ist** (<http://www.bundesregierung.de/>), но и на ее поддержке той концепции развития, которую предложила Германия: **Russland unterstützt das Konzept der nachhaltigen Entwicklung, das von der Bundesregierung eingebracht wurde** (<http://www.bundesregierung.de/>).

На заключительном пленарном заседании Петербургского диалога А. Меркель стремилась обратить внимание слушателей на необходимость углубления контактов России с Евросоюзом и значимость подобного сотрудничества для Европы: **Wir als Bundesrepublik Deutschland sind natürlich in die Europäische Union eingebunden. Deshalb wünschen wir uns auch, dass die Kontakte zwischen der Europäischen Union und Russland intensiviert werden. Wir setzen uns dafür ein. Das liegt im deutschen Interesse. Aber wir glauben, dass es auch im europäischen Interesse liegt, wenn Russland und Europa gut zusammenarbeiten** (<http://www.bundesregierung.de/>).

Россию и Германию, по мнению А. Меркель, объединяет стратегическое партнерство, которое проникнуто духом дружеских отношений: **Russland und die Bundesrepublik Deutschland verbindet eine strategische Partnerschaft. Unsere Unterredungen finden im Geiste der freundschaftlichen Beziehungen statt** (<http://www.bundesregierung.de/>). Деловое сотрудничество стран основывается на переговорах и дискуссиях: **Unsere Zusammenarbeit wird natürlich umso erfolgreicher sein, je mehr wir als Europäische Union mit einer einheitlichen Meinung mit Russland diskutieren** (<http://www.bundesregierung.de/>).

Таким образом, концептуальная метафора «Россия – это деловой партнер» становится значимой для немецкого полити-

ческого дискурса. Эпоха конфронтации в отношениях двух стран, установившаяся после Великой Отечественной войны, сменилась эпохой сотрудничества, потенциал метафорических моделей, создававших образ России-врага, начинает изживать себя. Метафора «Россия – это деловой партнер» является результатом спада накала борьбы, поиском компромисса, вытесняет метафоры с ярко выраженным агрессивным потенциалом и характеризуется положительным концептуальным вектором.

ЛИТЕРАТУРА

Орлова О. Г. Актуализация концепта "Russia" ("Россия") в американской публицистике: (на примере дискурса еженедельника "Newsweek"): Дисс. ... канд. филол. наук – Кемерово, 2005. 258 с.

Пшенкин А. А. Метафорический образ СССР / России в американском политическом дискурсе второй половины XX – начала XXI веков: Автореф. дисс.... канд. филол. наук. – Барнаул, 2006. 22 с.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.

© Кондратьева О.Н., Федянина Л.И., 2010

Кислова Л.С.

Тюмень, Россия

ВОСТОК – ЗАПАД: РУССКО-ТУРЕЦКАЯ МЕЛОДРАМА

Миф о России чрезвычайно востребован в Турецкой республике, как и миф о Турции в России, которая представляется туркам страной европейской, но при этом ментально близкой Турции. Россию и Турцию роднит евразийство и, возможно, тяга к мелодраматизму. Турецкие представления о России достаточно поверхностные, и загадочность образа России связана с ее европейским статусом, а прозрачность – со статусом азиатским. Турция, как и Россия, является своеобразным культурным рубиконом между Востоком и Западом. Когда-то Мустафа Кемаль Ататюрк «буквально за волосы втащил патриархальную, религиозную Османскую империю в XX век. Не забыв попутно надеть на нее шляпу» [Павлюк 2009: 58]. Россия и Турция, таким образом, каждая в свое время проходят через глобальные реформы, что становится поворотным моментом в геополитической исто-

рии двух стран. Отношения Турции, во многом мужского пространства, и России – пространства женского – соответственно строятся по принципу отношений мужчины и женщины. И в этом, безусловно, проявляется особый русско-турецкий мелодрама-тизм. В Турции жизненные мелодрамы существуют повсеместно: «Любовь, кровь, смерть, опять любовь <...>, и все обязательно рыдают. С раннего детства они живут внутри бесконечной мелодрамы. Иначе не могут, не привыкли, не желают. Мелодрама дарит необходимый адреналин, придает и без этого цветной средиземноморской жизни блестящие оттенки. Да и нельзя по-другому жить под синим-пресиним небом, под оранжевым солнцем, среди цветущих мандаринов и олив. Нельзя. И жаркая восточная кровь пульсирует в сердечно-сосудистых системах, подгоняемая томительным ритмом свадебных барабанов – давулов. <...> Любовь, кровь, смерть, опять любовь...» [Бортникова 2010: 61-62].

Среди турок распространены смешанные браки с русскими женщинами, воспринимаемые турецкими мужчинами особым образом: русские не кажутся европейками, они представляются туркам скорее евразийками. «В центре исламской сексуальной теории (которая находит соответствие в христианских средиземноморских странах) находится убеждение, что **женщина – это существо, наделенное огромной сексуальной силой**. Проще говоря, женщина обладает физической привлекательностью, которой мужчинам очень трудно противостоять. Для обозначения этого понятия в турецком языке существует слово *фитне* арабского происхождения. Значение этого слова широкое и простирается от “искушения”, “соблазнительной красоты” до “бунта”, “восстания”, “разлада” и “хаоса”. **Женщина принципиально является фитне**, то есть она обладает соблазнительной привлекательностью, которая, если ее не контролировать, быстро приведет к семейным и социальным «раздорам», к общественному “хаосу» [Фернер 2007: 128-129]. Что касается русских женщин, то они, безусловно, способны внести разлад в размеренный уклад жизни турецкого мужчины, как и любые другие европейские женщины, однако женщины из России легко ассимилируются в турецкой действительности, поскольку являются воплощением России, страны загадочной и странной, но не чужой для Турции. Турки восхищаются русскими женщинами, поскольку именно русские способны понять их особый стиль жизни в перманентной мелодраме. Более того, русские женщи-

ны сами существуют в мире мелодрамы: любовь на всю жизнь, смерть от любви. Турецкий и российский менталитеты по определению ничто не может роднить, но некая парадоксальная общность тем не менее существует. Неторопливый, аутентичный турецкий ритм жизни, на первый взгляд, не соотносится с быстрым, чрезвычайно активным, пассионарным ритмом российских городов. Однако русский человек удивительно легко вписывается в восточное пространство и начинает ценить каждое мгновение зыбкой восточной гармонии. Турция представляется ему местом, где можно укрыться от жизненных бурь, погрузиться в состояние покоя и ощутить пряный вкус *другой* жизни. Путеводителями по этой сказочной Вселенной становятся романы Орхана Памука и изящные тексты Эльчина Сафарли. Россия же остается для турок страной удивительных чудес, нереальной северной землей, населенной людьми с абсолютно южным темпераментом.

ЛИТЕРАТУРА

Бортникова Л. Стамбульские хроники, или О серьезном с юмором // Тысяча и две ночи. Наши на Востоке: рассказы и повесть [сост. Эльчин Сафарли] – М., 2010. С. 33-72.

Павлюк С. Ближний Восток: вдоль и поперек. – М., 2009.

Фернер М. Эти поразительные турки [пер. с нем. Н.А. Седёлкиной] – М., 2007.

© Кислова Л.С., 2010

Кошкарва Н. Н.

Челябинск, Россия

РОССИЯ И АМЕРИКА: НОВЫЙ ВИТОК ПРОТИВОСТОЯНИЯ ИЛИ «ПЕРЕЗАГРУЗКА ОТНОШЕНИЙ»?

Многие из нас согласятся с мыслью о том, что отношения двух мировых лидеров (России и США) колеблются от глобального противостояния двух систем до более чем плодотворного сотрудничества в различных сферах человеческой деятельности. Не вызывает сомнения тот факт, что взаимоотношения подобного рода не могут не найти своего отношения в языке, который является отражением социальных процессов, происходящих в обществе. В случае определения вербализованной речемыслительной деятельности человека, включающей в себя не только собственно лингвистические, но и экстралингвистические

компоненты, как дискурса [Красных 2001] анализ такого поведения индивида (или дискурса вообще) может стать базой данных для изучения культурно обусловленного коммуникативного поведения человека [Цурикова 2002].

Н.А. Белоус [2007] отмечает, что развивающийся в настоящее время процесс глобализации стирает границы между народами и этническими группами. При этом, однако, бурное развитие различных форм контактов выражает процесс выработки навыков коммуникации между представителями различных исторически сложившихся культурных моделей. По нашему мнению, это происходит в силу того, что люди, существующие в рамках данных моделей, не всегда имели опыт плодотворного и конструктивного сотрудничества. С изменением общей парадигмы мирового развития представители различных культур получили возможность (а иногда и просто вынуждены) сосуществовать вместе, что не всегда характеризуется наличием кооперативных форм коммуникации, а часто приводит к сбоям и нарушениям в общении. В таком случае в лингвистике на первый план выходит задача по изучению и описанию конфликтных форм взаимодействия.

Не вызывает сомнения тот факт, что при рассмотрении конфликтных форм взаимодействия особенно важной становится связь дискурса с прагматической ситуацией речи. Известно, что важными прагматическими факторами коммуникации являются ситуационные, психологические, социальные факторы общения, а дискурс обращен к ситуации общения в связи с социокультурной обусловленностью правил ведения разговора и адекватной формой выражения мыслей собеседников. Дискурс всегда испытывает на себе влияние социальных, психологических и культурно значимых условий и обстоятельств. Все сказанное выше будет правомерно в той разновидности дискурса, цели участников которого вступают в противоречие с позитивной направленностью общения, – конфликтном дискурсе. Конфликтный дискурс как наиболее эмоциогенный и эмоциоцентрированный тип общения обращен к социальным, культурным, психологическим правилам и стратегиям порождения и понимания речи в тех или иных условиях. Таким образом, дискурс в любой его разновидности рассматривается не просто как последовательность единиц разного уровня, но как процесс и результат взаимодействия языковых форм и значений с системой социально и культурно обусловленных значений в условиях межличностной

интеракции в рамках широкого социального контекста.

Проследим на конкретных примерах реализацию данного взаимодействия. Одним из наиболее часто используемых иллокутивных речевых актов в речи зарубежных политиков (в данном случае США) является оскорбление, которое в случае характеристики своего оппонента реализуется в значении «проявление враждебности против государства». Так, например, еще во время президентских дебатов 2008 г. Б. Обама так характеризовал отношения США с Россией: *«Our entire Russian approach has to be evaluated, because an aggressive Russia is a threat to the stability of the region. Their actions in Georgia were unacceptable. ... It is important that we explain to the Russians that you cannot be a 21st – century superpower and act like a 20th-century dictatorship»*. – *Весь наш российский подход требует пересмотра, потому что агрессивная Россия – это угроза стабильности региона. Их действия в Грузии были неприемлемы. ... Важно объяснить России, что вы не можете быть супердержавой 21 века и вести себя, как диктатор 20 века*». Из приведенного фрагмента видно, что в сознании представителя другой культуры еще сохранился образ России, как «диктатора», «супердержавы», действующей агрессивно по отношению к тем или иным государствам. В речевом плане описание или характеристика действий адресата оскорбления как неадекватных, несоответствующих общепринятым нормам, противоречащих мировым стандартам проявляется в особом наборе языковых средств, которые деструктивно воздействуют на процесс коммуникации в анализируемом типе дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

Белоус Н.А. Структурно-семантические аспекты конфликтного дискурса в коммуникативном пространстве. – М.: Ин-т языкознания РАН; УлГУ, 2007. 247 с.

Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. – М.: ИТДГК Гнозис, 2001.

Цурикова Л.В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации. – Воронеж, 2002. 324 с.

© Кошкарлова Н.Н., 2010

Красильникова Н.А.
Новоуральск, Россия

«ГЕРОЙ ИЛИ ЗЛОДЕЙ?» ОБРАЗ РОССИИ В КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОРАХ

ДИСКУРСА ОБЩЕСТВЕННОСТИ НА САЙТАХ СМИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Метафорическому образу России в когнитивно-дискурсивных исследованиях политического дискурса современные исследователи уделяют большое внимание. Изучением данной проблематики занимались Бозкурт Р., Бойко М. А., Будаев Э. В., Орлова О. Г., Пшенкин А. А., Санцевич Н. А., Чудинов А. П., Шаова О. А., Шарманова О. С. и др.

В 2008 г. мы начали когнитивное исследование дискурса комментариев общественности (public discourse), который сложился на сайтах СМИ Великобритании как реакция на российско-грузинский конфликт (РГК). Нас заинтересовало восприятие России мировым сообществом. В ходе данного исследования мы выявляем метафорические модели, наиболее распространенные в высказываниях людей, комментирующих статьи электронных СМИ в отношении РГК. Концептуальные метафоры, отобранные посредством сплошной выборки, позволяют заглянуть в сознание адресата, и составить представление о его картине мира, отношении к вопросу и сторонам конфликта.

Россия в дискурсе общественности, сложившемся на страницах сайтов СМИ Великобритании, посвященных РГК, чаще представляется в роли агрессора, безжалостного обидчика, который держит в своих руках сильную власть, обусловленную масштабами, ресурсами, политическими и криминальными связями. Россия – это эмоциональный непредсказуемый и непонятный человек, страдающий паранойей, пьянством и алчностью. Традиционным стал образ медведя, концептуализирующий Россию как мощное животное, которое разбудили и которое теперь злится, рычит и готово напасть. В то же время представители мирового сообщества все больше удивляются, зачем злить сильного русского медведя, если можно с ним просто подружиться.

Оригинальны в данном дискурсе исторические концептуальные метафоры, опирающиеся на прецедентные имена и события. Россия видится сквозь призму времен холодной войны или ассоциируется с фашистской Германией.

По-прежнему частотна в представлении России криминальная метафора. Страна воспринимается как «тюрьма наций», из которой пытаются бежать, но беглецов непременно силой возвратят в их камеры. Кроме того жители мира по-

прежнему обвиняют Россию в коррупции, лжи, пропаганде, политических аферах, ведении нечестной игры.

Положительный образ России создается посредством актуализации метафорической модели «РОССИЯ – СИЛЬНЫЙ ЗАЩИТНИК». Она объединяет вокруг себя сторонников России, оправдывающих ее действия, и дистанцирует противников.

Приходится констатировать преобладание в образе России пейоративных концептуальных метафор – страну либо упрекают за советское прошлое, либо обвиняют в раздувании военных конфликтов с целью подчинения территорий, либо боятся ей сопротивляться по политическим или экономическим причинам. Мелиоративные метафоры, одобряющие Россию и характеризующие ее в позитивном ключе, пока остаются в меньшинстве. Выводы об исходе информационной войны очевидны, хотя неутешительны.

ЛИТЕРАТУРА

Бозкурт Р. Актуализация концепта *Россия* в турецких СМИ // Политика в зеркале языка и культуры. – М.: ИЯ РАН, 2010. С. 364-370.

Бойко М. А. Функциональный анализ средств создания образа страны (на материале немецких политических креолизованных текстов) // Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006.

Будаев Э. В. Метафорический образ России в современном мире. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009.

Буданова И. Переговорная практика ЕС и России в контексте «медвежьего» дискурса. ERL: <http://cens.ivanovo.ac.ru/abstracts/budanova-2008.htm>

Красильникова Н. А. «Заложники русского медведя»: метафорическое представление современной России в британских и американских СМИ // Вопросы когнитивной лингвистики 2007. № 1.

Красильникова Н. А. Российско-грузинская война в дискурсе общественности на интернет-сайтах Великобритании // Политическая лингвистика. Выпуск (3)26. – Екатеринбург, 2008.

Орлова О. Г. «ЖИТЕЛИ РОССИИ» как структурный компонент концепта «RUSSIA» (на материале дискурса еженедельника «NEWSWEEK») // Политическая лингвистика 2006. Вып. 18. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. С. 92-99.

Пшенкин А. А. «Метафорический образ СССР/России в американском политическом дискурсе второй половины XX –

начала XX1 веков»: Дисс. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2006.

Рябов О., Лазари А. Миша и Медведь. Медвежья метафора России в дискурсе о грузино-российском конфликте. ERL: <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/mgs/2008/09/m158721.htm>

Санцевич Н. А. Моделирование вариативности языковой картины мира на основе двуязычного корпуса публицистических текстов (метафоры и семантические оппозиции): Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2003. 245 с.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). – Екатеринбург, 2001.

Шаова О. А. Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация (на материале французских газет в сопоставлении с российскими): Дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005.

Шарманова О.С. Грузино-российские отношения в зеркале вторичной не прямой номинации (на примере освещения военного конфликта 2008 в немецкоязычных СМИ) // Политическая лингвистика – 2009. Вып. (2)28. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. С. 96-104.

© Красильникова Н.А., 2010

Куприна Т.В., Смирнова Н.Л.

Екатеринбург, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗИТИВНОГО ИМИДЖА РОССИИ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

(на примере культурно-образовательных бизнес-проектов)

Образ любой страны формируется под влиянием совокупности нематериальных и материальных факторов, комбинация которых может зависеть от конкретно-исторических обстоятельств и актуальной политики. Формирование образа страны идет различными путями, в том числе через спланированные информационные акции.

«В Центральной Европе нет единого образа России», – к такому выводу пришел Петр Вагнер, директор Международного Вышеградского фонда, бывший посол Чехии на Украине, автор исторических работ о России. Он отметил, что ни в одной стране нет однозначного восприятия России, ведь отношение к ней зависит от того, с какой политической платформы дается оценка.

В самой же современной России уже осознана необходимость коррекции сложившегося негативного имиджа и формирования позитивной репутации страны в глазах мирового сообщества, поскольку имидж является одним из важнейших инструментов маркетинга.

Негативный образ России формируется естественным образом или целенаправленно под влиянием экономических, правовых и политических факторов и событий. И только культура России (как, впрочем, любой другой страны), ее богатство и самобытность, способны коренным образом изменить негативное или настроенное восприятие России иностранцами.

Вот почему сегодня практически любой бизнес-проект, финансируемый государством, включает культурно-образовательную составляющую. Обратимся к нескольким проектам, в реализации которых непосредственное участие приняли авторы статьи.

В 2009 году Объединенным музеем писателей Урала был разработан литературно-художественный проект «По всему свету. П.П.Бажов» (передвижной музей), который с успехом был представлен в Италии. В 2010 году по предложению доцента УрФУ Т.В.Куприной как представителя Университета К. Философа в г. Нитра (Словакия) и Высшей школы европейских и региональных исследований в г. Чешские Будейовицы (Чехия) и при поддержке руководства данных университетов проект был реализован в этих странах. Студенты и преподаватели, посетители ряда музеев этих стран услышали П.П. Бажова по-русски и в переводе на их родные языки (итальянский, словацкий, чешский), полюбовались прекрасными уральскими пейзажами (бажовскими и маминскими местами), увидели художественный фильм «Каменный цветок» и живого П.П. Бажова в записи 1943 г.

Еще одним примером культурно-образовательного бизнес-проекта является виртуальная экскурсия на Урал («Там, где когда-то зачем-то Европа // Свиданье назначила Азии...»), разработанная Н.Л. Смирновой и представленная студентам разных специальностей, изучающим русский язык в Прешовском университете в Прешове (Словакия).

Гостиница «Чеховъ» в Екатеринбурге – еще один пример бизнес-проекта с мощной культурной составляющей. Популярность А.П. Чехова за рубежом очень высока. По оценкам Голливуда (2010 год), среди экранизаций литературных произведений

А.П. Чехов занимает 2 место. Во Франции пьесы А.П.Чехова являются самыми востребованными для театральных постановок.

Размещение в гостинице «Чеховъ» экспонатов, которые относятся ко времени пребывания А.П.Чехова в Екатеринбурге (периодические издания тех дней, фотопортреты, рукописи, письма Чехова из Екатеринбурга), является удачным маркетинговым ходом.

Новейший культурно-образовательный бизнес-проект Уральского региона, который сейчас находится на стадии разработки, состоит в использовании аэропорта Кольцово в качестве площадки для организации выставок и размещения на его территории объектов искусства и дизайна.

Практика открытия выставочных залов и даже полноценных музеев на территории аэропортов началась в 1990-е годы. Первая же выставка прошла в Париже в 1950-х.

Размещение объектов искусства и дизайна делается не только из эстетических соображений. Во-первых, это способ повышения комфорта пребывания в аэропорту пассажиров, позволяющий провести интересно время между перелетами. "Современный пассажир — это такой глобальный кочевник, желающий везде чувствовать себя если не как дома, то уж точно чувствовать себя удобно и уютно, без скованности", — говорит Джон Зуковски, куратор Чикагского института искусств и по совместительству организатор многих выставок в чикагском аэропорту имени О`Хары ("Коммерсантъ" № 177).

Во-вторых, это способ позиционирования аэропорта «Кольцово» как полноценного звена международной транспортной инфраструктуры, способного воспринимать общемировые тренды и включаться в глобальное информационное пространство.

В-третьих, это способ продвижения собственно территории, на которой расположен аэропорт. Подчеркнуть статус города Екатеринбурга, его уникальные черты и сформировать положительное представление даже у транзитных пассажиров, среди которых могут быть иностранцы из стран Европы, Азии и Америки, привлечь их внимание, так чтобы в следующий раз Екатеринбург и Уральский регион стали целью маршрута.

В заключение вновь обратимся к мнению Петра Вагнера, бывшего посла Чехии на Украине: «В советское время, когда чехи играли в хоккей против советской команды, само собой разумелось, кто за кого болел. А сегодня наша молодёжь болеет

за того, кто лучше играет». В этих словах чешского дипломата-историка звучит одно из важнейших условий формирования положительного имиджа страны, хотя без субъективности в этом вопросе не обойтись и попытка выстроить отношение к России, особенно в современной внешней политике, без идеологизации и без демонизации – задача непростая.

Культурно-образовательные бизнес-проекты способствуют формированию положительного образа нашей страны, поскольку являются прекрасной возможностью явить миру все богатство интереснейших традиций многочисленных регионов России и помогают нашим партнерам реально понять, что такое Россия и как она на самом деле функционирует.

ЛИТЕРАТУРА

Галло Я. – Сипко Й. Картина России в словацких медиа-текстах: правда или вымысел? // XX Olomoucké dni rusistů. Sb. příspěvků z mezinárodní konference (Olomouc 2.9.-4.9.2009). – Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2009, s. 20-25.

Куприна Т.В. Чехия и Словакия: открывая заново... // Литературный квартал. Журнал Объединенного музея писателей Урала. №7,8 (20-21). 2010. С.18-21.

Сипко Й. В поисках истинного смысла – Hľadanie ozajstného zmyslu. – Prešov: Prešovská univerzita v Prešove, 2008. 445 s.

Смирнова Н.Л. Виртуальное путешествие в преподавании РКИ // Вестник Будапештского университета // Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания. № 23. Будапешт, 2009, с. 100-104.

Исюмов А. Искусство для пассажиров // Приложение к электрон. газете "Коммерсантъ" № 177(3994) от 01.10.2008. URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1030959>

Образ России на Западе исключительно негативный. 2009. URL: <http://asfera.info/news/one-34478.html>

© Куприна Т.В., Смирнова Н.Л., 2010

Лазари де Анджей
Лазари де Эльжбета
Лодзь, Польша

ОБРАЗ РОССИИ
В ПОЛЬСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
ДО И ПОСЛЕ ТРАГЕДИИ 10 АПРЕЛЯ 2010

Я не сторонник «исторической политики», так как чаще всего она становится истерической – как в Польше, так и в России. Историей пускай занимаются историки, политикой – «прикладным искусством», определяющим рациональное будущее, в том числе и в международных отношениях, – непредвзятые политики-дипломаты. Историк может быть романтическим идеалистом; политик должен быть реалистом-утилитаристом и не увлекаться мифами, в которые история часто превращается, особенно в СМИ.

Однако, никто из нас не вырастает на необитаемом острове, каждый – в определенной общности-среде. Культура этой общности-среды формирует мирозерцание наших «Я» и «Мы». Не соглашаясь с Виктором Ерофеевым (*Будь я поляком*, 1995), что между нами (поляками и русскими) «нет общего дискурса», одновременно я согласен с ним, что наша «система понятийности разнится кардинально». Поляки и русские иначе «культурно запрограммированы» – разные книги читали, разные бабушкины рассказы слушали. А прежде всего – слишком часто друг против друга воевали и в диалоге мешает им историческая память.

Сознание жителей России очень отличается от польского. Для нас Наполеон – герой, а Гитлер со Сталиным – бесспорные злодеи. Для русских Наполеон с Гитлером – захватчики, оккупанты, а Сталин – неоднозначная личность, поскольку, несмотря на причинённое им зло (прежде всего самим русским), якобы он победил Гитлера. Бориса Ельцина многие поляки воспринимают как политика, который пытался ввести Россию в круг европейской цивилизации, для россиян же он – символ анархии, коррупции и, прежде всего, уничтожения государства – единственной структуры и ценности, которая объединяет эту многонациональную общность.

Поляки, в отличие от многих россиян, 20 лет тому назад однозначно отреклись от коммунизма. Одновременно они наблюдают, насколько в России все еще популярен Сталин, и этого они не в состоянии понять и тем более оправдать. Если бы россияне отреклись от коммунизма, думаю, не было бы ни катынской, ни многих других проблем, так как вина за коммунистические преступления обременяла бы «безнациональных» коммунистов. Это от непонимания российской действительности кто-то Леху Качиньскому вставил в речь на Вестерплатте (1.09.2009) шовинизм как причину катынского преступления. Чей

шовинизм? Грузинов – Сталина и Берию? А может, несколько более ранний – Дзержинского и Менжинского?

Разница в восприятии истории ведет к тому, что, например, польский „эксперт по восточной политике”, Бартломей Сенкевич, четыре года тому назад заявил на страницах польской версии журнала «Newsweek» (25.06.2006), что он русофоб, горделиво подчеркивая, «что в нашей стране история обычно подтверждает правоту русофобов, а не их противников». Однако после трагедии 10 апреля 2010 г. тот же Бартломей Сенкевич (правнук Генриха Сенкевича) расписался под письмом-обращением к россиянам, благодарящим их за отзывчивость.

Что изменилось и изменилось ли? Ведь не только сострадание россиян повлияло на более дружелюбное отношение поляков к России. По-моему, существенную роль сыграл здесь факт начавшейся десталинизации России, наблюдаемой поляками и радостно ими встречаемой.

В докладе я постараюсь объяснить, как «культурная запрограммированность» поляков влияет на их видение России и россиян.

© Лазари де Анджей, Лазари де Эльжбета, 2010

Лассан Элеонора

Литва, Вильнюс

**«ВОЙНА С ПАМЯТНИКАМИ» КАК БОРЬБА СТЕРЕОТИПОВ
(о некоторых стереотипах восприятия России
в дискурсивном пространстве Литвы)**

Со времен распада государства, именовавшегося Советским Союзом, прошло около двадцати лет. Россия, объявившая себя правопреемником государства одной шестой части суши, тем самым стала наследницей как советской, так и антисоветской мифологии. Бытовавшие в сознании граждан Советского Союза (живущих в разных его республиках) стереотипы интерпретации действительности на территории новых государств продолжают существовать в дискурсивном пространстве СМИ, отражающих идеологизированное сознание различных национально-социальных групп. Определим в данном случае политическую мифологию как набор стереотипов (стереотип – текстуализованный инструмент толкования и объяснения действительности, в силу своей краткости редуцирующий ее сложность), а идеологию – как реализующуюся в поведении (речевом и не-

речевом) мифологию.

Как известно, в странах Балтии (отметим отказ от «советского» именованья – *Прибалтика*) в последнее десятилетие имело место то, что получило название «война памятников», или точнее – «война с памятниками». События в Таллинне с участием «Бронзового солдата», повлекшие общественные беспорядки с человеческими жертвами, в той или иной мере имели аналогию и в других странах Балтии. Так, в Литве с находящегося в центре Вильнюса «зеленого моста» была сделана попытка убрать четыре скульптуры, воздвигнутые в советский период и воплощающие символы советского времени – воинов («На страже мира»), рабочий класс, крестьянство, учащуюся молодежь. Однако скульптуры оказались столь крепко соединенными с мостом, что убрать их можно было, только взорвав мост. Тогда их оставили в покое, снабдив табличкой «памятник советской оккупации». К 65-летию победы Россия предложила Литве отремонтировать скульптуры и получила отказ, прокомментированный в русскоязычных СМИ следующим образом: «Мэр Вильнюса назвал советского воина-освободителя "мумией» (www.krantai.lt/ru/novosti_litvy_ru.html). Часть населения Литвы с сочувствием относится к этим скульптурам, часть – согласна с властями. Причина разных интерпретаций ситуации – различие стереотипов, внедренных в сознание общественных групп. Из советского дискурса пришло выражение «советский воин-освободитель» (метонимическая замена выражения «Советская армия – освободительница от фашизма»). Это выражение несовместимо с характерным для большей части литовского политического дискурса выражением «советская оккупация». И то и другое – вербализованные стереотипы, упрощающие сложность истории. Приход «воина-освободителя» на землю Литвы принес депортацию нескольких сотен тысяч людей (и гибель 100 000), «советская оккупация» вернула Литве Клайпедский край и нынешнюю столицу-Вильнюс. На страницах современной литовской печати сталкиваются эти два стереотипа (русскоязычная использует первый для формирования общественного мнения, большая часть литовской – второй). Так продолжает формироваться общественное несогласие, приведшее в Таллинне к известным последствиям. Стереотип «окупантов» автоматически переносится на Россию, тем более что публичный дискурс России большей частью не свободен от сте-

реотипов советского дискурса.

Еще одним вербализованным стереотипом, широко используемым сегодня на страницах литовских СМИ, отражающих политику консервативных властей, является выражение «геноцид литовского народа». Как известно, выражение использовалось в недавнем прошлом украинскими политиками для интерпретации массового голода на Украине в 1932-1933 гг. *Геноцид* есть достаточно неопределенное понятие (турки, как и Израиль, до сих пор не признают геноцида армян) – неизвестно, как это жестоко ни звучит, сколько должно погибнуть людей, чтобы ситуация была названа *геноцидом*. Но не оспаривается его толкование как «намеренное истребление расовых и национальных групп гражданского населения... с целью уничтожения определенных рас или классов» (Нюрнбергский процесс) Происходившее в Литве носило не антинациональный характер, так как, с одной стороны, выселке подвергались представители и других национальных групп, а с другой – оставшаяся часть населения активно вовлекалась в общественную деятельность. Если считать геноцидом уничтожение класса зажиточных людей – то в Литве он, очевидно, имел место, как собственно, в свое время в России. Но тогда выражение «литовский народ» следует понимать не в этническом смысле, что пока в Литве не является принятым. Так, *геноцид* скорее является метафорой, нежели прямым обозначением имевшей место ситуации, однако формируя стереотип, слово становится инструментом упрощенного представления истории. «Дьявол играет нами, когда мы мыслим неточно» (Мамардашвили). Поскольку политическая жизнь (равно как и повседневная) не может существовать без стереотипов, то единственный способ «борьбы с дьяволом» – это открытое сосуществование разных стереотипов относительно одного явления.

© Лассан Э., 2010

Леонтович О. А.
Волгоград, Россия

**“FROM RUSSIA WITH LOVE”:
КУЛЬТУРНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ И СМЫСЛЫ
В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

Культурные значения представляют собой закрепленное за языковыми единицами содержание, маркированное с точки

зрения его национальной или этнической принадлежности, и выступают как основа для формирования *культурных смыслов* в процессе коммуникации. Если значение *внеконтекстно, не интерактивно и статично*, то смысл, в свою очередь, *контекстуально обусловлен, интерактивен и динамичен*.

Предлагаемый подход к анализу культурных значений и смыслов основан на следующих базовых положениях: 1) коммуникация представляет собой не инструмент, а форму человеческого существования, универсальный социальный процесс, составляющий сущность человеческой жизни; 2) суть коммуникации заключается не в обмене сообщениями, а в совместном творении смыслов ее участниками; 3) все коммуникативные процессы культурно обусловлены; 4) культурные смыслы допускают возможность множественных интерпретаций.

Политический дискурс существует в виде корпуса текстов, объединенных интертекстуальными связями. Цель предлагаемой комплексной методики, включающей элементы дискурс-анализа, дефиниционного, контекстуального, интерпретативного, сопоставительного, семиотического анализа и интроспекции – показать, что формирование культурных смыслов есть результат взаимодействия многочисленных факторов, которые условно можно было бы охарактеризовать по нескольким параметрам: 1) формирование «микросмыслов» на основе культурно-специфических значений; 2) их комбинирование, в результате чего образуются сложные культурные смыслы; 3) логика смыслообразования, формирующая «макросмысл» коммуникации.

Методика демонстрируется на материале прецедентной фразы *From Russia with Love* и ее эволюции в разных культурных контекстах. Алгоритм анализа включает следующие шаги:

Шаг 1. Идентификация эксплицитных культурных значений (в данном случае в качестве культурного маркера выступает топоним *Russia*).

Шаг 2. Выявление выводной имплицитной информации, которая находится за рамками языковых значений (ассоциативная связь с одноименным романом Я. Флеминга 1957 года, фильмом о Джеймсе Бонде 1963 г. и основанной на нем компьютерной игрой 2005 г.).

Шаг 3. Рассмотрение способов языкового выражения (модификации языковой формы: *From Russia With Love! From Russia With Love? From Russia With... To Russia with love / 2 Russia with love. From Russia About Love. From Russia maybe with*

love. From White Russia with Love. Some Russia to Love. From Russia with News. From Russia Without Love. From Russia with Hate! From Russia with Wisdom и т. д.).

Шаг 4. Исследование макро смысла коммуникативной ситуации по ряду параметров:

- **макроконтекст интеракции** (пик холодной войны – потепление – новый виток холодной войны);
- **адресант / адресат и их коммуникативное поведение;**
- **сфера общения;**
- **локус и время осуществления коммуникации;**
- **картирование мира** (концептуализация и категоризация действительности: свои / чужие: определение свободы, демократии и т. д.);

Шаг 5. Анализ логики смыслополагания: помимо простой суммы культурных знаний следует учитывать «процедуру смыслополагания», «конфигурацию смыслов», своего рода «прибавку» к смыслу частей, которая «не прикладывается к основной части (отдельные смыслы отдельных слов), а трансформирует их» [Смирнов 2001: 138-139].

Суть предлагаемого подхода заключается в том, что он: 1) предполагает обращение к генезису культурных смыслов; 2) позволяет рассматривать их в широком контексте; 3) учитывает интертекстуальные связи; 4) обеспечивает холистический подход к дискурсу.

ЛИТЕРАТУРА

Смирнов А. В. Логика смысла: теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры. — М: Языки славянской культуры, 2001.

© Леонтович О.А., 2010

Ли Минь

Чанчунь, КНР

Руженцева Н.Б.

Екатеринбург, Россия

ЧТО ВЫ УЗНАЛИ ВЧЕРА ИЗ СМИ?

**(информационные приоритеты китайских студентов
и их речевое представление)**

По данным социологических опросов, приблизительно 90% россиян интересуются информацией в печатных и электронных СМИ. Н.Арнольд в книге «Тринадцатый нож в спину

российской рекламе» приводит в алфавитном порядке список основных тем, которых касается пресса. Это: автомобили, войны, деньги, дети, животные, жизнь ближайших соседей, катастрофы / криминал, мода, политика, предсказания / прогнозы, продукты питания / комфорта, профессиональные знания / жизнь, развлечения / возможности отдыха, секс, скандалы, спорт, стиль жизни авторитетов, юмор / сатира [Арнольд 1997]. В свою очередь, К.В. Антипова и Ю.К. Баженов, с позиций отношения зрителей и читателей к рекламе, дифференцируют потребителей информации на «вовлеченных», то есть тех, кто находится под влиянием рекламной информации, реагируют на нее в потоке массовой информации» (24%) и «любопытных» – «тех, кто в той или иной степени интересуются СМИ, но это никак не отражается на их потребительском поведении (65%) (Антипова, Баженов, 2002). Эти же авторы выстраивают иерархию тематических предпочтений тех и других. «Вовлеченные» – экономика, быт, полезные советы, экология, международные отношения, культура, эстрада и спорт, политика. «Любопытные» – быт, полезные советы, все, что связано с заботами дня, экология, эстрада и спорт, международные отношения, экономика, политика, культура (там же).

Без сомнения, приведенные выше данные весьма условны и во многом зависят от возраста опрашиваемых, их национальности и ряда других не менее важных факторов. Однако мы считаем подобные опросы и обобщение их результатов очень важными для совершенствования межкультурной коммуникации и для успешного диалога культур народов разных стран. Поэтому в группах китайских студентов (КНР, Цзилиньский институт русского языка, 3 курс, базовый уровень обучения русскому языку) нами был проведен опрос на тему « Что вы узнали вчера их СМИ?». Цели данного опроса состояли в следующем:

- выявить степень интереса китайских студентов к России;

- выделить их тематические приоритеты, то есть ту информацию о России, которая наиболее интересует китайскую молодежь;

- зафиксировать эти ответы на письме и проанализировать их с позиций речевых недочетов, характерных для китайцев в высказывании-ответе на вопрос.

Тематические приоритеты, связанные с интересом китайских студентов к жизни народов разных стран, распределя-

ются примерно следующим образом: 40% ответов на вопрос о том, что студенты узнали накануне из СМИ, относятся к общественно-политической и культурной жизни Китая; 20% – к жизни России, 20% – к жизни США и Европы; 10% – это информация о погоде и 10% – это разнообразная, не привязанная к той или иной стране тематика (образовательная, коммерческая, технологическая, медицинская и др.).

Достаточно высокий интерес китайских студентов к общественно-политической и культурной жизни России объясняется, без сомнения, тем, что в качестве респондентов выступали студенты Цзилиньского института русского языка, для которых русский язык является основным иностранным языком и которые связывают с ним свою будущую профессиональную деятельность и хотят продолжить образование в России. Содержание информации о России, которую студенты получили из СМИ, в том числе из Интернета, и которая закрепились в их памяти можно с известной долей условности представить в виде следующих тематических блоков:

1. Российская культура («российские музеи бесплатно открывают для всех двери»; «я слушал замечательную российскую музыку»; «певец Витас», музыкальная группа «Сестры», «развлекательные программы по русскому каналу», спектакли в Москве).

2. Российская история («Петр 1 являлся первым российским императором»).

3. Города и регионы России («Я узнал из журнала, что Екатеринбург – это красивый город»; «В 1933 году правительство начало строительство московского метро»).

4. Российское образование (год основания МГУ; университет в Санкт-Петербурге, материалы о русском языке в Интернете).

5. Российская погода («Я услышал новость, что сегодня в России хорошая погода»; «Я услышал по русскому радио, что днем будет снег»).

6. Российская политика, политические деятели («Вчера я услышал по радио, что Дмитрий Медведев и Владимир Путин вместе катались на лыжах в горах»; «По радио сказали, что президент России Дмитрий Медведев и президент США Барак Обама по телефону обсудили программу предстоящей встречи»).

7. Связи между Россией и Китаем («Президент России Дмитрий Медведев будет участвовать в Шанхайской мировой

выставке»).

8. Российская экономика («95% людей считают квартиры в Москве слишком дорогими»).

9. Российские СМИ («газета «Аргументы и факты»; газета «Известия»; журнал «Крестьянка»; журнал «Вокруг света»; «Русское радио»; канал НТВ; радио «Европа-плюс»; канал ТНТ).

10. Спорт («следующие зимние олимпийские игры пройдут в Сочи»; «Афинский герой» (гимнаст Алексей Немов).

Анализ ответов с позиций частотности упоминания китайскими студентами той или иной российской реалии свидетельствует о том, что наибольший интерес у них вызывает российская культура и российские политические деятели. Именно эти реалии в первую очередь привлекают внимание китайской молодежи и закрепляются в их памяти. Так, о предполагаемом приезде известного певца Витаса говорилось более чем в 10 работах из 58, а о российском премьере и президенте – в 8 работах. Кроме того, привлекают внимание и хорошо запоминаются китайцами российские источники массовой информации – в большинстве работ, написанных без предварительной подготовки, указан конкретный источник информации, на который ссылаются студенты.

Следующей целью данной публикации является выявление типовых ошибок, допущенных студентами при ответе на поставленный преподавателем вопрос. Вопросоответная форма восходит к диалогической разговорной речи, поэтому в работах студентов были допущены не только ошибки, вызванные недостаточным знанием лексики, грамматики и синтаксиса русского языка, но и ошибки, обусловленные влиянием устной формы речи. Отметим, что при анализе ошибок нами были использованы как высказывания, тематически связанные с российской реальностью, так и высказывания, не касающиеся последней. Это обусловлено тем, что дополнительный объем материала позволяет усилить достоверность выводов о возможности дифференцировать типовые ошибки в речи китайских студентов и недочеты (отступления от нормы книжных стилей), сделанные под влиянием разговорной речи.

1. Типовые ошибки, связанные с недостаточным усвоением китайскими студентами графической, лексической и морфолого-синтаксической систем русского языка, его орфографии и пунктуации.

- Орфографические ошибки, в том числе неуместное употребление или неупотребление заглавных букв (бесплатно, провЕнция, «по радио сказали, что Известный режиссер снимал новый фильм»; сериал «вместе смотреть метеорный дождь»).

- Пунктуационные ошибки: «В журнале я читала, что: новая прическа идет мне». Весьма частотной является такая пунктуационная ошибка, как постановка запятой в придаточном предложении не перед союзом, а после союза: «Вчера я прочитал в газете что, в Чанчуне построили новые красивые дачи». Характерной для китайских студентов является и такая ошибка, как неоправданная постановка запятой после первого слова в предложении: «Позавчера, я прочитал в журнале, что в Японии построили новую электростанцию».

- Графические ошибки (пропуск, ненужная вставка или подмена букв): НАЧАЛИКОМ (вместо НАЧАЛЬНИКОМ); «ПОСПИЛИ» (вместо ПОСТУПИЛИ); «будет хоРодно на улице»; «сейГодня».

- Лексические ошибки, связанные а) с неточным словоупотреблением: «Китайский фильм получил БОЛЬШОЙ приз кинофестиваля» (вместо ГЛАВНЫЙ); «Америка с другой страной подписали контракт об использовании ядерной энергии РЕЗОННО» (вместо ЧТО ОЧЕНЬ ВАЖНО / АКТУАЛЬНО); «Очень жаль, что многие из них исполнили (песни) хорошо. Но не УДАЛИСЬ (вместо НЕ ПОЛУЧИЛИ ПРИЗОВ); «В конце сериала ПРЕМЬЕРША (вместо ГЕРОИНЯ) и герой вместе БЛАГОДЕНСТВИЕ» (вместо БЛАГОДЕНСТВУЮТ); «Когда я ВСТРЕЧАЮ проблему (вместо СТАЛКИВАЮСЬ С ПРОБЛЕМОЙ), я всегда найду ответ в Интернете»; б) с нарушением лексической сочетаемости: «САМЫЕ СЛЕДУЮЩИЕ новости»; «В Пекине БУДЕТ ИДТИ жара»; в) с деформацией фразем: «Российские музеи бесплатно ОТКРЫВАЮТ ДВЕРЬ для всех» (вместо ОТКРЫВАЮТ ДВЕРИ для всех).

- Ошибки в словообразовании и формообразовании: «международный ПУТЕШЕСТВОГО островок» (вместо «МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОСТРОВOK ПУТЕШЕСТВИЙ»); «НЕЗАБЫЕМОЕ» вместо «НЕЗАБЫВАЕМОЕ»; «РАЗВЛЕЧЕННАЯ программа» (вместо РАЗВЛЕКАТЕЛЬНАЯ программа).

Однако подавляющее большинство ошибок в высказываниях-ответах на вопрос связано с недостаточным знанием грамматико-морфологической и синтаксической систем русского языка. В рамках одного предложения зачастую наблюдается це-

лый комплекс таких ошибок, ср.: «В Олимпийские игры китайский фигурное плавание получил приз» (вместо: «На Олимпийских играх китайская команда по фигурному плаванию получила приз»). Представим типологию этих ошибок.

- Ошибки в употреблении предложно-падежных форм: «Я узнала из газеты, что ВОДИТЕЛЕЙ нужно слушать спокойную музыку в автомобиле»; «Россия будет избирать ПРЕЗИДЕНТ»; «путешествовать НА России»; «В Египте еще не было СВЕТОФОР, поэтому на улице часто происходили КАТАСТРОФУ»; «большая часть ЛЮДИ»; «В ТЕЛЕВИЗОРЕ я смотрела хорошие передачи»; «Вчера В ПЕКИН шел большой снег».

- Ошибки в употреблении форм числа: «Я прочитала в журнале, что каждому человеку НУЖНЫ следить за здоровьем».

- Ошибки в употреблении рода: «воспитывать НАШ ВОЛЬ» (вместо НАШУ ВОЛЮ); «ГЛАВНЫЙ РОЛЬ» (вместо ГЛАВНАЯ РОЛЬ); «В России есть известная певица. ЕГО зовут Витас».

- Ошибки в согласовании (ЭТОТ напряженное соревнование); «Каждый человек дорожит СВОИМ жизнью»; «на ЦЕНТРАЛЬНОМ площади города»; «любят книги со СЛОЖНЫМ СИТУАЦИЮ»; «ЭТО фильм добился больших успехов»; «три ЗОЛОТОЙ МЕДАЛЬ»; «КИТАЙСКАЯ конькобежец».

- Ошибки в управлении: «В газете мы читали О ПОСЛЕДНЕЙ НОВОСТИ»; «Команда Н. ВЫИГРАЛА КОМАНДУ Х»; «президент НАШЕГО СТРАНА».

- Полное разрушение структуры словосочетаний, ведущее к разрушению предложения: «По радио сказали, что «СПАРТАКИАДА ЦЕРЕМОНИЯ ЗАКРЫТИЯ»; «ЕСТЬ МНОГИЕ ПОПУЛЯРНЫЕ МУЗЫКОВ»; «Многие дети ИГРАТЬ В КОМПЬЮТЕР ИНТЕРНЕТЕ».

Самое большое количество ошибок в речи китайских студентов – это ошибки в употреблении глагольных форм. Они связаны с категориями времени, вида, числа, лица, рода в прошедшем времени, а также с формой инфинитива: «По радио сказали, что, когда водители СЛУШАЛИ (вместо СЛУШАЮТ) быструю музыку, – это очень опасно»; «Вчера я слышал по телевизионному каналу, что в 2004 году наша красивая земля будет УНИЧТОЖИТЬ»; «Каждый день эта кошка СОПРОВОЖДАЕТ ее, поэтому я хочу ПОМОГАТЬ ей ИСКАТЬ кошку» (вместо СОПРОВОЖДАЛА, ПОМОЧЬ и НАЙТИ); «нам надо ОДЕВАЕМ черную одежду»; «китайские спортсмены ВЫИГРАЛ все золотые меда-

ли»; «китайская команда ПОЛУЧИЛИ 5 золотых медалей»; «слушать музыку, когда ВОДИТЬ машину»; «Олимпийские игры ПРОЙДЕТ в Сочи»; «Я ЧИТАЛА ЖУРНАЛ, УЗНАЛ, ЧТО...»; «Я СМОТРЕТЬ телевизор, узнала, что...»; «Утром я СЛУШАЮ радио и УЗНАЛ, что...».

Возможны и иные, достаточно специфичные для китайской аудитории, ошибки в глаголах и глагольных формах:

*Ошибки в приставочных глаголах: «Цены на дома будут ВОЗВЫШАТЬ» (вместо ПОВЫШЕНЫ); «Я узнал, что весь мир ВВАЗНУЛ в экономический кризис» (вместо ВВЕРГНУТ); «58 звезд ВСТУПИЛСЯ (вместо ВЫСТУПИЛИ) на церемонии»; «Завтра в Китае ПРОИЗВОДЯТСЯ (вместо ПРОВОДЯТСЯ) соревнования»; «95% людей ЧИТАЮТ (вместо СЧИТАЮТ) в Москве квартиры слишком дорогими».

*Ошибки при употреблении возвратных глаголов: «Узнали из газеты, что выставка ОТКРЫЛА» (вместо ОТКРЫЛАСЬ); «Соревнование по баскетболу ПРОВОДИЛ до последнего этапа» (вместо ПРОВОДИЛОСЬ); «Фильм НАЗЫВАЕТ (вместо НАЗЫВАЕТСЯ) «Кто я»».

* Ошибки в употреблении глаголов БЫТЬ / ЕСТЬ: «Если вы будете читать несколько часов в неделю, то вы сможете ЕСТЬ (вместо ИМЕТЬ) хорошее настроение»; «Сегодня ЕСТЬ идет снег и дует ветер».

*Смешение глаголов с разным лексическим значением: «Я еще узнала, что в России БУДЕТ ВОЗВОДИТЬ налоговые поступления» (вместо БУДУТ УВЕЛИЧИВАТЬСЯ); «Я узнал, что в Москве УСТРОЯТ спектакль» (вместо ПОСТАВЯТ).

*Ошибки, связанные с причастиями, деепричастиями, причастными и деепричастными оборотами: «ПОСМОТРЕТЬ новости, можно узнать о последних событиях»; «ЧИТАТЬ журнал, можно узнать о модных костюмах»; «Я нашел новые компьютерные игры, ЛЮБЯЩИЕ ПАРЕНЬ» (вместо КОТОРЫЕ ЛЮБЯТ ПАРНИ).

Достаточно большое количество ошибок в проанализированных работах пришлось на употребление союзов и предлогов; отмечены и некорректные синтаксические структуры высказываний.

*Ошибки, связанные с употреблением союзов, в том числе неоправданное употребление или удвоение союзов: «По радио мы узнали, ЧТО о погоде»; «Вчера я нашел в Интернете, ЧТО КАКАЯ сегодня погода». Возможно также неоправданное услож-

нение простого предложения: «В прошлом году я увидел по первому каналу телевидения, ЧТО О ЛЮБВИ ФИЛЬМ»; «Вчера я УСЛЫШАЛ по радио, ЧТО СЛУШАЛ замечательную российскую музыку».

*Ошибки, связанные с употреблением предлогов, в частности, «превращение» приставки в предлог, неоправданный пропуск предлога: «программа ПЕРЕД стоящей встречи»; «МЕДЛЕННОЙ МУЗЫКЕ водитель ведет машину очень внимательно и спокойно (вместо ПОД МЕДЛЕННУЮ МУЗЫКУ).

* Ошибки в порядке слов, иногда ведущие к двусмысленности высказывания: «Сегодня утром я услышала по радио, что надо выбирать хорошую музыку В АВТОМОБИЛЕ»; «Вчера я посмотрел ТЕЛЕВИДЕНИЯ КАНАЛ» (вместо КАНАЛ ТЕЛЕВИДЕНИЯ); «Я узнал из Интернета, что первое метро построили в Лондоне В МИРЕ» (вместо ПЕРВОЕ МЕТРО В МИРЕ).

*Разрушение структуры простого и сложного предложений: «Прочитала в газете, журнале, Интернете МОЖНО УЗНАТЬ МНОГО СОБЫТИЙ».

* Недостаточность речи: «Вчера я увидела по первому каналу телевидения... (что?)»;

« Я прочитал в журнале «Крестьянка...» (что?)».

*Избыточность речи: «В Интернете я нашла хорошие материалы, ЭТО о русском языке».

2.Недочеты, обусловленные влиянием устной разговорной речи.

Приведенные ниже высказывания следует, на наш взгляд, не считать ошибочными, а квалифицировать как недочеты, возникающие под влиянием устной речи: ее ситуативности, интонационных особенностей, более свободного, чем в письменной речи, порядка слов, смысловых пропусков, допускаемых под влиянием общей апперцепционной базы разговаривающих и т.д. Эти и другие особенности разговорной речи позволяют многим ее исследователям считать разговорные нормы менее жесткими, чем нормы, бытующие в книжных стилях (Сиротинина, Солганик, Ширяев и др.). К таким недочетам относятся:

- Придаточное, изолированное от главного предложения (пауза между главным и придаточным предложениями детерминирует их неоправданный разрыв на письме): «В журнале я читала, что новая прическа идет мне. Потому что у меня широкое лицо и идет эта прическа».

- Пропуск союза между главным и придаточным, харак-

терный для разговорной речи: «В новостях сказали, один известный артист женится»; «Я услышала по радио, завтра хорошая погода»; Вчера я услышала по радио, что сегодня в кино города идет новый фильм, называется «Веселая жизнь».

- Пропуски слов, в том числе эллипсисы: « По радио сказали, что завтра... очень хорошая погода». Следует заметить, что эллипсисы могут быть как нормой разговорной речи, так и ошибкой. В приведенном примере пропуск глагола БУДЕТ – это норма разговорной речи, так как на время действия указывает наречие ЗАВТРА. Ошибкой мы считаем эллипсисы в том случае, когда пропуск глагола-сказуемого ведет к неоднозначному истолкованию смысла предложения или временной отнесенности высказывания, например: «Я увидел по первому каналу телевидения, что... чемпионат мира по футболу» (чемпионат прошел? чемпионат состоится? чемпионат проходит в настоящее время?); «Я нашла в Интернете, что в субботу (был? будет?) ясный день».

- Разговорный порядок слов: « Вчера я прочитала в газете, что завтра новый фильм БУДЕТ ИДТИ В КИНО» (вместо ЗАВТРА В КИНО БУДЕТ ИДТИ НОВЫЙ ФИЛЬМ).

Думается, что прямая корреляция между тематикой ответов и типовыми ошибками в речи китайских студентов отсутствует, хотя этот вопрос требует дальнейшего исследования. Однако можно с уверенностью утверждать, что типовые ошибки в высказываниях-вопросах не тождественны типовым ошибкам в высказываниях-ответах. Сходная направленность ошибок наблюдается на лексическом уровне языковой системы – и в вопросах, и в ответах преобладают ошибки, связанные с неточным словоупотреблением. Но в вопросительных предложениях, которые нами были исследованы ранее, преобладают синтаксические ошибки – разные типы деформаций на уровне словосочетания и простого и сложного предложений. В ответах же преобладают грамматические ошибки, детерминированные слабым знанием грамматико-морфологической системы русского языка и непониманием специфики морфологических категорий, особенно глагольных. Сказанное требует дальнейшего изучения и дидактического отражения в специализированных коррекционных учебных пособиях для китайских студентов, изучающих русский язык.

Что касается культурологической составляющей нашего исследования, то данные опроса свидетельствуют об известной

односторонности интереса китайских студентов к России – стране изучаемого языка. Их тематические приоритеты гораздо уже, чем у среднего российского потребителя информации, и это касается не только информации о российской действительности, но и всего информационного массива популярных СМИ. Студенты задерживают внимание преимущественно на новостях культуры (кино, шоу-бизнеса), помнят имена ведущих политических деятелей, спортивные события. Конечно, материал учебных комплексов в какой-то мере восполняет эту односторонность, однако и учебного материала, и той информации о России, которые студенты получают из СМИ, недостаточно, чтобы они имели достаточно полное представление о современных российских реалиях. Отсюда вытекает необходимость введения на занятиях по русскому языку для китайских студентов дополнительного лингвокультурологического материала, ориентации их на чтение российской прессы и т.д. В целом, кроме основного курса русского языка, в практику преподавания последнего обязательно, на наш взгляд, должен быть введен лингвокультурологический факультативный курс, знакомящий студентов с новыми российскими реалиями. Такой курс, сделанный, например, на материале российского газетно-журнального дискурса, имеет явную практическую направленность и, без сомнения, будет способствовать становлению профессиональной компетенции будущих преподавателей русского языка и переводчиков.

ЛИТЕРАТУРА

- Антипова К.В., Баженов Ю.К. Паблик рилейшнз. – М., 2002.
Арнольд Н. ПР – тринадцатый нож в спину российской рекламы. – М., 1997.
Сиротинина О.Б. Что и зачем нужно знать учителю о русской разговорной речи. – М., 1996.
Солганик Г.Я. Стилистика русского языка. – М., 1996.
Ширяев Е.Н. Культура разговорной речи // Культура русской речи. – М., 1998.

© Ли Минь, Руженцева Н.Б., 2010

Манаенко Г.Н.

Ставрополь, Россия

РОЛЬ ДИСКУРСА МАСС-МЕДИА В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Процесс коммуникации – это не просто обмен и передача знаний, но и воздействие на партнера по общению, выведение вовне коммуникативных интенций говорящего, а также координация индивидуальных систем знания (опыта) говорящего и слушающего, т.е. взаимодействие сознаний как минимум двух субъектов. Человек как существо социальное живет в реальном мире, однако ориентируется в нем и совершает свои действия на основании тех представлений о действительности и ее описаниях, которые вырабатывались на протяжении всей истории. Эту область человеческого бытия и определяют как информационное пространство, которое аккумулирует колоссальные мировые запасы интеллектуальной энергии.

Вся совокупность факторов, определяющих отношение человека к результату осознанного отражения им социальной информации, а также сама эта информация, взятая в единстве с процессом ее отражения и промежуточным результатом – информацией семантической, – характеризуют *контекст* коммуникационного процесса. На уровне индивидуального сознания контекстом является *отношение* отдельного человека к окружающему его миру – к природе, общественной жизни, социальной информации и формам ее движения. Диалектическое единство сознания и языка проявляется в том, что контекст, будучи процессом и преходящим промежуточным результатом развития и взаимопереходов знаковых форм отражения социальной информации, есть вместе с тем процесс и преходящий промежуточный результат осознанного отношения человека (общества) к содержанию социальной информации и к формам знакового ее отражения. На уровне социума контекстом является *содержание* и *форма* социальной информации, отраженные всеми формами общественного сознания – наукой, религией, искусством и т.д. – на данном этапе исторического развития общества. При этом именно господствующая идеология, обладающая государственной властью, формирует границы, инфраструктуру, ресурс и – самое главное – содержание информационного пространства, определяющего нашу жизнь в реальном мире.

В рамках информационного пространства реализуются все коммуникативные дискурсы как общепринятые модели вербального поведения людей, опосредующие социальные процессы. Любой дискурс порождает текст – конкретный материальный объект, отображающий специфику взаимодействия людей при создании информационной среды в той или иной сфере дея-

тельности. Наиболее существенными в плане формирования идеологической основы информационного пространства выступают политический, педагогический (учебный) и научный дискурсы. Считается, что публицистический дискурс (масс-медиа) определяет содержание информационного пространства в уже заданных указанными дискурсами параметрах и системах ценностей и норм.

Олицетворением политической власти традиционно выступает государство. Поэтому средства массовой информации рассматриваются как некая соединительная ткань между государством и гражданским обществом, как институт политического опосредования, формирующий информационное пространство для осуществления государственной власти. Т.А. ван Дейк считает, что масс-медиа предписывают не столько, «что» люди должны думать, а то «как» они должны думать. Отсюда следует тезис о «четвертой власти» и борьба представителей разных идеологий в условиях демократического общества за средства массовой коммуникации и информации. На этом основании можно утверждать, что СМИ, усвоив функцию перераспределения власти в социальной системе, способны формировать гражданское общество. Такое представление об информационных процессах продуктивно коррелирует с понятием информации в психологии, описывающей ее как процесс обмена в ходе совместной деятельности различными представлениями, идеями, интересами, чувствами, установками, то есть суть процесса управления сводится к целенаправленному воздействию на социум посредством информации как основы целесообразной психофизиологической деятельности.

Однако все публицистические тексты всегда отображают особенности дискурса масс-медиа, т.е. исторически, социально и идеологически обусловлены, т.к. факт выступает как вторичное явление по отношению к событию. При этом следует разграничивать дискурсивно обусловленную подачу информации и информацию, сопряженную с задачами пропаганды, что определяет публицистические тексты как предназначенные для манипулирования общественным сознанием. Последнее характерно прежде всего для тоталитарных государств. Так или иначе, любой публицистический текст всегда субъективен, т.е. это всегда «картина дня» «нашими глазами». Факты, их отбор и порядок представления – это всегда «целесообразное» для данного социума, его группы, личности. Таким образом, любому публи-

цистическому тексту свойственна волюнтаристичность.

Если текст дискурса масс-медиа не создан в целях пропаганды, в любом случае он выступает как средство формирования позиции социума по отношению к событию и факту, тем самым характеризуясь аксиологичностью. И наконец, представленная в публицистических текстах информация – это всегда знание и его оценка, основанная на выражении эмоций и использовании образных средств, которые в комплексе предстают как актуальные, т.к. в дискурсе масс-медиа освещаются события и доминируют темы злободневные для определенного социума в определенный момент его существования и реализованные в координатах *Здесь и Сейчас* с опорой на оппозицию *Мы – Другие*.

© Манаенко Г.Н., 2010

Мартьянова И.А.

Санкт-Петербург, Россия

ДИНАМИКА ОБРАЗА РОССИИ В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ У. ЧЕРЧИЛЛЯ

Сэр Уинстон Черчилль был последовательным антикоммунистом. На этом основании официальной пропагандой был создан миф об экстравагантном британском премьер-министре – противнике не только советского политического строя, но и Советского Союза (после «Фултонской речи»), а следовательно, и России. Так ли это?

В военно-политическом дискурсе У. Черчилля образ России имеет ряд констант: *выдержка России; ее неиссякаемые стойкость и мужество; великолепные русские армии; боевое товарищество* России и Великобритании; признание того, что в обеих мировых войнах *наибольшие жертвы перенес русский народ* [здесь и далее цитаты, набранные курсивом, приводятся по изданию: Черчилль 2003].

В основе создания образа лежит оппозиция старая / новая Россия. Разумеется, после октябрьского переворота *Россия* для Черчилля – это именно *старая Россия*, которая *безвозвратно погибла*. Само слово *новая*, в силу присущей ему положительной оценочности, не употребляется Черчиллем по отношению к России. В работе «Мировой кризис» (1923-1929 гг.) фигурируют *безымянное чудовище, призрак, изгой среди других народов*. Ее образ создается через отрицание: *Мы видели госу-*

дарство без нации, армию без отечества, религию без бога.

Обличительный пафос исчезает в речах эпохи Второй мировой войны. Черчилль – прежде всего политик: он помнит о прошлом, которое *с его преступлениями, ошибками и трагедиями отступает в сторону*, но живет настоящим и работает на будущее.

Уже в двадцатые годы Черчиллем была поставлена задача понимания России. Парадоксальным образом оно оказывается возможным, если она предстанет *в старом обличье деспотизма одной личности*. Черчилль недвусмысленно готов если не принять, то понять Россию как *военную диктатуру*, но не как *коммунистическое государство*. В его риторике образ страны неотделим от образа ее вождя, образ современной ему России – от образа Сталина (как образ российской империи – от образа Петра Первого).

Гитлер для Черчилля – это *малообразованный преступник, дьявол, исчадие зла, ненасытное в своей жажде крови и разбоя*. Ему представляется унижительной сама попытка сравнения фюрера с Наполеоном. Сложнее обстоит дело со Сталиным. Сначала его фигура вообще не выделяется Черчиллем в *верховном большевистском комитете – этой нечеловеческой или сверхчеловеческой организации, в сообществе крокодилов, обладавших образцовыми интеллектами*. Затем, *после московских казней*, Сталин предстает как товарищ по преступлениям *отцов русской коммунистической революции, архитекторов рациональной Утопии* и их палач. Так же, как и Гитлер, он *диктатор*, но, в отличие от фюрера, диктатор, от которого *в любой момент может зависеть защита жизни нации*.

Кардинальные риторические изменения произошли после *нападения Гитлера на русский народ*. *Товарищ Сталин, Генеральный секретарь своей партии* становится для Черчилля *моим товарищем по военному времени маршалом Сталиным*. В условиях военной необходимости сильной государственной власти им ставится знак равенства между Советским правительством и Сталиным, *вождь большевистской партии* становится в риторике Черчилля *воином-вождем*. Казалось бы, тем самым подчеркивается только военный аспект их взаимоотношений, однако Черчилль неоднократно актуализировал их личностный характер.

Высокий трагический образ России создается Черчиллем в речи, произнесенной 22 июня 1941 года (Сталин, как известно,

обратился к советскому народу позже). Черчилль не использует официальное название нашего государства, он говорит о *России и русском народе, русских крестьянах, рабочих и солдатах, о каждом русском, борющемся за свою землю и дом.*

В России Черчилль видит *старого великого союзника*, находя разные способы его номинации: наряду с *Советской Россией*, появляется парадоксальная *Русская республика*, в конце и после войны Россия – одна из трех *великих держав*. Без какой-либо отрицательной коннотации звучит в его речах официальное название страны – *Союз Советских Социалистических Республик*.

В послевоенной риторике Черчилля последовательно дифференцируются *Советская Россия, Советское государство* – и *героический русский народ*. Но без России, в любом ее обличье, невозможно, по его замыслу, создать *Соединенные Штаты Европы*.

Таким образом, на руинах старой, безвозвратно погибшей России в военно-политическом дискурсе У. Черчилля развивается ее новый образ *великой державы*, которая, несмотря на политические противоречия (даже несмотря на «железный занавес»), является необходимой составной частью европейского и мирового сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

Черчилль У. Мировой кризис. Автобиография. Речи. – М.: Изд-во Эксмо, 2003.

© Мартыанова И.А., 2010

Mykhaylenko V. V.

Chernivtsi, Ukraine

PROLEGOMENA TO RUSSIA'S "READINGS" DYNAMICS

The background of a further interpretation of Russia's componential taxonomy is an encyclopedic definition. RUSSIA is a country in eastern Europe and western Asia. She is on the UN Security Council. In the past the term referred to the Russian Empire, and the former state that included several republics that are now independent. Russia was also the largest part of the former Soviet Union [The World Book Encyclopedia, Vol.16]. The components adherent to the country's nominations as that of the geographical entity are quite objective – largest country, abundant natural resources, valuable resources, vast deposits, harsh cold climate. Then come associa-

tions with Russia due to her political, economic, and social structure expanded controlled economy and government by the CPSU, the largest armed forces, scarcity of housing, widespread shortages of food, lack indoor modern conveniences, expensive goods, increased crimes and environmental pollution, wearing plain simple clothes. One nation's perception study of another nation through nominations in language is still quite rare and unique. A.P.Chudinov [2001; 2003] considers the political concept system plays the main role in building up a country's image which is verbalized in human being's consciousness [Чудинов 2001]. The objective of the present paper is to give a multifaceted description of Russia's nomination volume avoiding an American patchwork

The time span chosen for the semantic analysis of Russia as a place name must be:

the starting point –

the stagnant superpower (as the USSR) in the 1980s (“weak” Russia);

the transitional period – “the chaos and the political, economic and social downfall in the aftermath of the dissolution of the Soviet Union” in the 1990s, rivalries among competing political-economic cliques and among would-be leaders (Stuart D. Goldman, Congressional Research Service. Updated July 8, 2003);

the present time – the gradual comeback to the great power status in the first decade of XXI c.;

strengthening the central government, reviving the economy, integrating Russia into the global marketplace, and modernizing the military; market-oriented economic reforms and western-oriented foreign policy [Cf.:Bo Petersson 2010].

We can distinguish the following periods in Russia's identity relations with the world since 1991: till 1992, 1993-2001, 2001-2005, and 2005-present. It was Liberal identification with the West in the first period, supplanted by a Centrist identification and also by an idealized Soviet past and emerging Russian uniqueness. 9/11 made her Centrist trend basic and the other superpower in the Global War On Terror. Since 2005 there has been dis-identification with Europe and the USA and a growing stress on Russia has emerged (Ted Hopf, Ohio State University, 2007). Thus Russia was understood as a part of a universal civilization of modern liberal market democracy. Gradually Russia joined G-7 and landed as a G-8 country. Consequently it is one of the G-20's nations. On this way the components of authoritarianism, corruption, individualism, nationalism, strong

centrism, Orthodox Church prevailing, etc. can be interpreted by the various recipients due to their political inclinations and Russia's development. A close correlation between information presented in mass media and the country's live events give rise to the social cognition [Dijk 1988: 153].

When the country is likely to be a superpower there come critical fragmentary analysis, for instance, Phil Baty surveying the development of sciences in Russia underlines that Russia's annual research output has fallen from 29,000 papers in 1994 to 27,600 in 2008 (See: The Times. 4 February 2010). In his survey the nomination of Russia attracts such negatively charged lexemes as "shocking" decline, a small and dwindling share of world activity, punching below its weight, ageing scientists, looming collapse, poor showing in world university rankings. The old trick of Sovietologists – give many details, facts and make your readers believe that their generalization is sure to be based on the true. However Russia strives to be "a fully-fledged participant of the collective political leadership in the post-crisis world" (Dmitry Medvedev, President, Russia) – powerful, reliable, responsible, daring, stable, successful, collaborative i.e. "a dream country for anyone who seeks success and ready to secure a comfortable business environment for foreign investors", collaborating in fields such as nuclear and space technologies, aircraft manufacturing, nanotechnology.

President Medvedev had just created a new commission in the Kremlin to promote a positive image of Russia abroad. The commission not only will be pro-active in playing a role in Russian decision-making processes but will also anticipate and prepare to manage negative stories about Russia. However, Russia's policy and deeds must speak much louder than the commission's decrees.

REFERENCE

Гришина О.А. Актуализация концепта Америка в современном русском языке: автореф. дисс...канд. филол. наук. – Кемерово: Кемеровский госуниверситет, 2004.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): монография – Екатеринбург, 2001. 238 с.

© Mykhaylenko V. V. , 2010

Михайлова О.А.
Екатеринбург, Россия

ОБРАЗ РОССИИ

В КАРТИНЕ МИРА УРАЛЬСКИХ СТУДЕНТОВ

Цель нашего экспериментального исследования – выявить признаки концепта *Россия*, актуальные для современных молодых россиян. В анкетировании приняли участие студенты разных факультетов Уральского государственного университета. Испытуемым предлагалось закончить следующие высказывания:

- 1) *Россия – это...*;
- 2) *..., как в России*;
- 3) *Это Россия, но ...*;

4) Приведите наиболее типичные прилагательные к слову *Россия*.

По результатам эксперимента все полученные ассоциаты распределяются по четырем тематическим группам: территория, природа, страна / государство, народ.

Территория России в языковом сознании уральских студентов представляет собой «двухслойное» пространство – внешнее, объективное и внутреннее, личное. Самые многочисленные ответы связаны с объективным признаком – большой площадью, занимаемой Россией. При описании личного пространства преобладает ассоциат *Родина* с яркой положительной оценкой. Актуализируются также понятия «патриотизм», «честь», «совесть», «долг перед Родиной».

Большинство ассоциаций, характеризующих природу России, также имеют явную положительную коннотацию. Несмотря на то что наши респонденты живут на Урале, который является горным краем, ландшафт России, по представлениям уральских студентов, *равнинный*, *ровный*. Практически отсутствуют ассоциаты *горы*, *возвышенности*, зато частотны ответы *реки*, *поля и леса*. Описание многообразия животного и растительного мира России не представлено в ответах респондентов, но ярким диагностическим пятном являются ответы *медведи*, *медведи на улицах*, подтверждающие стереотипное представление о России, а также *береза* как символ России. К стереотипам относятся и ассоциаты *мороз*, *холодная зима*.

Россия как страна представлена, прежде всего, признаком *многонациональная*. Самым типичным, по результатам анкетирования, является двойственное отношение к современной России: сознание ее величия и боль за существующее состояние страны. Это относится и к экономике, и к политике, и к сфере

культуры.

Традиционно существующая оппозиция «Россия – Запад» также присутствует в картине мира уральских студентов: *уровень жизни все равно ниже, чем у буржуев (американцев)*.

Яркий образ России создается через характеристики ее граждан. Признаки, характеризующие россиян, полярны. С одной стороны, это *люди добрые, хорошие, открытые, талантливые, великодушные, умные*. А другие ответы открывают совсем иную сторону: *толпы отморожков, страна подхалимов, тут живет много уродов, в том числе и моральных*. В некоторых ответах прямо выражена мысль, что в россиянах странным образом совмещаются совершенно противоположные черты: *щедрость и нужда; покой и порыв; холод и сердечная теплота*.

Результаты анкетирования позволяют выделить основные ценности в жизни россиян и главные национальные особенности русских: религиозность, соборность, гостеприимство, органичным продолжением которого является, в частности, любовь русских к коллективному пению, объединяющему и сближающему людей.

В целом, образ России в картине мира уральских студентов совмещает в себе и традиционные представления о нашей стране, и новые черты, свидетельствующие об изменении «русского архетипа» в наши дни.

© Михайлова О.А. , 2010

Михайлюкова Т.А.

Кемерово, Россия

ОБРАЗНЫЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА КЕМЕРОВО

Современную лингвистику отличает пересечение наук и направлений. Политическая лингвистика немислима без концептуальных исследований. Исследование концепта позволяет узнать особенности его структуры и специфику его объективации в языке.

Как пишет М.В. Пименова, «Классификация знаний носителями языка осуществляется на основе разных моделей представления опыта. Пропозициональные модели вычленяют элементы, определяют их свойства, указывают на взаимосвязи этих предметов с другими. Например, **время** в русском языке измеряется единицами (*час, минута, год*). Эти единицы имеют характеристики краткости, длительности, незначимости (*мгновен-*

но пролетел год; настал твой час; незаметно прошел день). Взаимоотношения между единицами времени основываются на принципе включенности.

Второй тип моделей процесса категоризации – это схематизация опыта. К схематическим представлениям относятся дименсиональные характеристики (*вес, объем, длина, ширина, высота, траектории движения*). **Время** в русском языке определяется признаком длины (*долгий час ожидания*), объема (*в двух часах езды*), высоты (*возвышенная минута*).

Третий и четвертый типы – это метафоризация и метонимизация. Метафорические модели позволяют пропозициональным и схематическим моделям одной области использоваться в структуре представления знаний другой области. **Время** уподобляется деньгам (*тратить свое время на других*)» [Пименова].

Данная статья посвящена рассмотрению последних двух способов моделирования концепта *Кемерово* в русском языке.

«Исследование теории концептуальной метафоры и описание ее конкретных моделей в различных видах дискурса является одним из интенсивно развивающихся направлений когнитивной лингвистики. Новая теория метафоры не отказалась от всего лучшего, что было в традиционных (идуших еще от Аристотеля) учениях о метафоре. Она просто предложила использовать при исследовании метафор принципы когнитивной лингвистики, и это позволило увидеть новые грани в хорошо известном феномене» [Чудинов 2005: 52].

Современные ученые-когнитивисты, такие как Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, М. Джонсон, Ю.Н. Караулов, Е. Киттей, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф, А.П. Чудинов и др., рассматривают метафору как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования, оценки и объяснения мира. Человек не только выражает мысли, используя метафоры, но и мыслит метафорами, познает при помощи метафор тот мир, в котором он живет. Также человек стремится в процессе коммуникативной деятельности преобразовать существующую в сознании адресата языковую картину мира. При таком понимании необходимо обращение к самым сложным когнитивным способностям человеческого разума – воображению, интуиции, абстрактному мышлению и, прежде всего, инференции, а значит, возможностям вывода нового знания в ходе решения текущей проблемы и способности к умозаключениям на основе имеющихся данных.

Метафоричность – это естественный путь творческого мышления, а не отклонение от главной дороги к познанию мира и не прием украшения речи. Метафору зачастую образно представляют как зеркало, в котором вне зависимости от чьих-либо симпатий и антипатий отражается национальное сознание [Чудинов 2001].

Метафорообразование представляет собой сложное, упорядоченное, не хаотично-стихийное, когнитивное явление, и «картина узуальной метафоризации вполне может быть описана двухпараметровыми семантическими моделями, включающими 1) мотивирующие перенос наименования признаки и 2) направления, или типы метафорического переноса» [Лагута]. Оказиональные, индивидуальные метафоры образуются по тем же моделям.

Рассмотрим концепт *Кемерово* с позиций его образных признаков:

ВЕГЕТАТИВНЫЙ ПРИЗНАК: КЕМЕРОВО – РАСТЕНИЕ

При концептуализации *Кемерово* используются традиционные способы переосмысления абстрактных понятий. Среди них особое место занимает вегетативный признак. *Кемерово*, как растение, цветет и растет (*Цвети, мой город, цвети и процветай. Кемерово, №24*), зеленеет («*Зеленый сад – зеленый город*». *Кемерово, №41*) и т.д.

ВИТАЛЬНЫЙ ПРИЗНАК: КЕМЕРОВО – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО

Еще один традиционный способ описания абстрактных явлений относится к витальному признаку. Как все живые существа, город *Кемерово* живет («*Живи, мой город, многие лета*» – *под таким девизом будет работать сценическая площадка у областной филармонии. Кемерово, №24*) и развивается (*Кемерово, как и в целом весь наш край, в последние годы динамично развивается. Кемерово, №13*), имеет возраст (*Кемерово готовится отметить свое 90-летие. Кемерово, №4; Семирикова Евдокия Петровна – ровесница Кемерово, 7 мая отметила свое 90-летие. Кемерово, №20*), свою историю (*В истории города. Кемерово, №39*).

АНТРОПОМОРФНЫЙ ПРИЗНАК: КЕМЕРОВО – ЧЕЛОВЕК

Антропоморфная группа концепта *Кемерово* является одной из самых вариативных и многочисленных. Она включает в себя все признаки, которые относятся к человеку. *Кемерово* описывается в образах гостеприимного или не гостеприимного

хозяина (Кемерово встретил нас сорокаградусным морозом. <http://Ruscorpora.ru>), дарителя (Все ветераны получат сувениры от города. Кемерово, №35), получателя подарков (Этот подарок городу от ОАО «МДМ Банк» выполнил скульптор Олег Павлов. Кемерово, № 36), обладателя какой-либо собственности (Бронзовый диплом XVII международного фестиваля «Зодчество-2009» в Москве завоевал документальный цикл «Архитектурное наследие Кемерова».1915-1963. Кемерово, №44), в образе учителя («Уроки города». Кемерово, №43; В школах регулярно проходят уроки города. Кемерово, №39), человека, который занимает призовые места в различных спортивных и культурных мероприятиях, а также выигрывает различные гранты (Лидер – Кемерово. Кемерово, №40; Столица Кузбасса среди городов региона получила больше всего федеральных грантов. Кемерово, №39).

ИНТЕРПЕРСОНАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ

Эта группа признаков концепта Кемерово включает в себя все признаки, касающиеся родственных отношений, реализуемых через оппозицию «свой-чужой» (Родному городу. Кемерово, №40; Родной город – наша общая задача, №43; И наш город никогда не будет для него чужим. Кемерово, №28; Родился он в Томске, но родным для него стал Кемерово. Кемерово, 39.).

МАТЕРИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ: КЕМЕРОВО – ВЕЩЕСТВО

В этой немногочисленной группе исследуемый концепт представлен единичным примером (В этой Госпремии – частичка нашего города. Кемерово, №28).

ПРЕДМЕТНЫЕ ПРИЗНАКИ: КЕМЕРОВО – ПРЕДМЕТ

В этой группе признаков столица Кузбасса определяется как какое-либо имущество, собственность. Это значение выражается с помощью местоимений мой, свой, наш (Свои замечания и предложения относительно содержания дорог может высказать любой кемеровчанин и гость нашего города. Кемерово, №44; Сегодня в нашем городе завершится международный турнир «Кубок Кузбасса» по хоккею с мячом среди юношеских команд. Кемерово, №44; Все больше и больше людей хотят видеть свой город чистым. Кемерово, №37; Состоялось подведение итогов городского конкурса «Мой город – моя семья». Кемерово, №42). Кроме того, в систему предметных входят артефактные признаки (Город в его рисунках – графическая летопись лучшего, что создано в архитектуре Кемерова. Кемерово, №48).

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ПРИЗНАКИ

Под этими признаками понимают те, которые представляют концепт *Кемерово* с точки зрения пространственных характеристик. Встречаются образные признаки города как микропространства и макропространства, доходящие до космических объемов. К первой группе относятся признаки столицы Кузбасса как дома. В таком доме можно жить, он должен быть комфортным, чистым, уютным (*Город комфортный, уютный и удобный для жизни. Кемерово, №46; В Кемерове проживает 161 участник боев в Белоруссии. Кемерово, №40; За чистый город. Кемерово, №37*). К макропространству относят космические объекты (звезды, планеты и т.д.). В анализируемых нами печатных СМИ *Кемерово* представляют в образе планеты (*Планируется, что внешнее оформление Кемерово будет отражать основную тему Нового года. Символом города будущего должна стать «Планета Кемерово». Кемерово, №42; Планета Кемерово. АиФ в Кузбассе, №44*).

СОМАТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ: ВНЕШНОСТЬ

Как любой предмет или живое существо, *Кемерово* имеет свой внешний облик (*Они (скульпторы) делают облик города уникальным. АиФ в Кузбассе, №44; Красивый город – счастливые мы. Кемерово, №46; В Кемерове немало мест, которые стоит как-то видоизменить, сделать привлекательнее. Кемерово, №39*).

Весь собранный материал по образным признакам исследуемого концепта в количественном и процентном соотношении представлен в приведенной ниже таблице.

Образные признаки концепта *Кемерово*

ОБРАЗНЫЕ ПРИЗНАКИ	КОЛ-ВО	%
ВЕГЕТАТИВНЫЕ	5	2,7
ВИТАЛЬНЫЕ	27	15
АНТРОПОМОРФНЫЕ	42	23,3
ИНТЕРПЕРСОНАЛЬНЫЕ	17	9,4
МАТЕРИАЛЬНЫЕ	1	0,5
ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ	52	29
СОМАТИЧЕСКИЕ	12	6,7
ПРЕДМЕТНЫЕ	24	13,4

Подводя итоги, следует отметить, что наибольшее количество в собранном исследовательском материале составляют пространственные признаки концепта *Кемерово* (29 %), на втором месте по количеству находятся антропоморфные образные признаки, реализующие метафору «Кемерово-человек» (23,3 %). Это вполне объяснимо и закономерно: Кемерово как город занимает некоторую территорию, отсюда его пространственные признаки. Кемерово как город, в котором живут люди, метонимически переосмысливается в образе человека.

Следующими в данном списке преобладающих признаков являются: витальные признаки исследуемого концепта (15 %); предметные (13,4%), интерперсональные (9,4%) и соматические (6,7 %) признаки. Малой продуктивностью отличается метафора «Кемерово-вещество» (0,5%).

ЛИТЕРАТУРА

Лагута О.Н. Метафорическое «мировидение» русскоговорящих // Мир человека и мир языка: коллективная монография; [отв. ред. М.В. Пименова]. – Кемерово: ИПК «Графика». 373 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 2).

Пименова М.В. Особенности репрезентации концепта *чувство* в русской языковой картине мира // Мир человека и мир языка: коллективная монография; [отв. ред. М.В. Пименова]. – Кемерово: ИПК «Графика». 373 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 2).

Чудинов А.П. Развитие системы моделей политической метафоры // *Welt in der Sprache*; [Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova] – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2005. 540 S. S. 52-61. (Reihe «Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik». Bd. 11).

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): монография – Екатеринбург, 2001.

© Михайлюкова Т.А., 2010

Мохова Е. К.

Сургут, Россия

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РОССИИ В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В современном мире, когда Россия становится все более значимым и весомым субъектом международных отношений,

имиджевый фактор приобретает для нее более чем важное значение. Это в полной мере относится и к ее отношениям со странами Латинской Америки, которые в наши дни прочно вошли в обиход российской внешней политики [<http://dlib.eastview.com/browse/doc/18617919>].

В данной работе мы рассмотрим метафорический образ России в латиноамериканском политическом дискурсе. Он характеризуется образностью, которая обусловлена активным использованием наглядных языковых средств. Тексты официальных речей современных латиноамериканских политиков изобилуют помимо прочих образных средств и большим количеством метафор. Метафора – основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможность использовать потенциал структурирования сферы-источника при помощи новой сферы [Чудинов 2001: 19].

На сегодняшний день Россия воспринимается как друг, единомышленник для латиноамериканских стран. Один из самых ярких сторонников российской политики венесуэльский президент Уго Чавес определяет Россию как брата. Ср.: *"Hemos hecho todo lo posible y vamos a seguir insistiendo en la OPEP y mas alli, con países hermanos productores como Mexico y Rusia, para que busquemos el equilibrio en los precios y no sigamos sujetos a los saltos de los precios ni a las cadas", indicy (Hugo Chavez, Acuerdo de Caracas es un paso más hacia la integración latinoamericana)*.

Высокую оценку в Латинской Америке получили укрепляющиеся контакты с Россией, созданными для противодействия новым угрозам и вызовам современности. Взаимоотношения с Россией представляются как диалог культур, дружеское взаимодействие. Ср.: 1) *Este esfuerzo conjunto nos permite escribir una página más en las excelentes relaciones de amistad y cooperación entre Rusia y México* 2) *No hay duda alguna de que a pesar de la distancia geográfica, los pueblos de México y Rusia siempre han tenido un respeto y una simpatía mutua que hoy se refrendan, ante la decisión de la Federación Rusa de proseguir con este diálogo cultural entre nuestros países a través de esta exposición, que pisa en nuestro país, por primera vez, América Latina (Felipe Calderón, la ceremonia inaugural de la exposición Zares)*.

Большая часть соглашений, которые подписаны или намечены между странами, касаются сотрудничества в военной сфере [<http://www.apn.ru/opinions/article21075.htm>]. Например,

президент Боливии Ево Моралес воспринимает Россию как мощную военную державу, которая несет силу и может способствовать решению многих проблем в Латинской Америке. Ср.: *Las relaciones con Rusia siempre han sido buenas. Yo pedí en esta reunión con el primer ministro de Rusia que haya una mayor presencia de Rusia en Latinoamérica, que Rusia vuelva con fuerza a Latinoamérica* (Evo Morales).

Россия ассоциируется не только с военной мощью, но и с культурным богатством. Страна является зеркалом “ослепительных народных традиций” и ценностей. Ср.: *Es un honor para México que este museo que alberga el esplendor de nuestro pasado abra sus salas para que en él se exhiban los tesoros artísticos de la deslumbrante cultura del pueblo ruso* (Felipe Calderón, la ceremonia inaugural de la exposición Zares).

Яркий след в культурных связях оставили выступления в латиноамериканских странах замечательных мастеров русского искусства и культуры – певцов Ф. Шаляпина и Н. Фигнера, балерины А. Павловой, художника В. Верещагина, шахматиста М. Чигорина [<http://dlib.eastview.com/browse/doc/18617919>]. Поэтому, по словам мексиканского президента Фелипе Кальдерона, Россию является “колыбелью для великих людей”. Ср.: *Rusia ha sido la cuna de grandes artistas que han asombrado al mundo. Es la tierra de Alexander Pushkin, quien escribió: por mucho tiempo me recordará con amor el pueblo, porque con la lira he despertado buenos sentimientos y he ensalzado la libertad* (Felipe Calderón, la ceremonia inaugural de la exposición Zares).

В рамках когнитивного подхода данные метафоры объективируют знания политиков стран Латинской Америки о России. Большинство метафор, используемых в латиноамериканском политическом дискурсе, обладают положительным потенциалом и формирует дружеское отношение к России. Метафоры родства, дружбы и войны определяют Россию как сильного союзника и помощника для Латинской Америки.

ЛИТЕРАТУРА

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. – Екатеринбург, 2001.

© Мохова Е.К., 2010

Надскакула О.
Лодзь, Польша

«ЧУЖОЙ ИЗ ВОСТОКА» – СТЕРЕОТИП РОССИИ В ЕВРОПЕ

В современном мире во время глобализации, диффузии культур, попытка понимания других традиций, знакомство с иными обычаями становится первым и необходимым шагом для противодействия последствиям «столкновения цивилизаций», предвиденных Сэмюэлом Хантингтоном. С другой стороны, оппозиция «Свои – Чужие», «мы – они» сохраняет свою актуальность. Образ «Чужого» играет важную роль в создании коллективной национальной идентичности общества. Исходя из анализа различных западных статей, рассматривается в докладе в какой степени Россия является «чужим» элементом для коллективной идентичности стран Запада. Определение «Чужих» совершается в процессе категоризации. В качестве идентификаторов категоризации могут выступать различные параметры, например, система норм и ценностей. К основным характеристикам «Чужих» можно отнести их противопоставленность нормам, ценностям, легитимности, их дегуманизацию. С этой точки зрения «Свои» – воплощение Добра и человечности, «Чужие» – воплощение Зла, хаоса, тьмы. «Свой» значит близкий, безопасный, оцениваемый положительно, «чужой» – плохой, опасный.

Во многих случаях оппозиция «Свои – Чужие» принимает вид противопоставления Запада и Востока. Это связано с подчёркиванием различий, цивилизационной пропасти, которая разделяет два культурных сообщества. Шире о восприятии Востока писал известный американский культуролог палестинского происхождения Эдвард Уади Саид в своей монографии «Ориентализм». Этот термин определяет Восток не в географическом (East), а культурологическом смысле (Orient). Автор показывает с какой точки зрения Запад рассматривает незападную часть мира. Колонизация Востока означала для европейцев не только экономическое владение им, но и его осмысление. Для Запада Восток является Другим, чужим миром, который очень отличается от собственного. С этой точки зрения ориентализм является западным методом установления господства над Востоком, его перекройки и доминирования над ним [Пашаян: <http>].

Сегодня актуальным кажется не такой вопрос: находится ли Россия в Европе?, а Сколько Европы есть в России – в смысле европейских ценностей? Здесь можно повторять за Ф. Заннекким, что чужие, это те, кто выступают как носители иных

ценностей [Шулакевич: http].

Способен ли Запад понять Россию, или точнее Способен ли Запад принять Россию как часть Европы? Оценка зависит от того – как определяем «Другого» и место России в этом контексте. Многие западные эксперты рассматривают ее отличие как что-то ненормальное, что надо исправить. Можно сказать, что это европоцентристская точка зрения: навязать другому наши идеи, цели, ценности.

ЛИТЕРАТУРА

Пашаян Аракс Ориентализм как дискурс. ERL: <http://www.noravank.am/ru/?page=analitics&nid=310>

Шулакевич М. Границы как проблема современной культуры. ERL: <http://www.polit.ru/research/2008/09/17/szulakiewicz.html> – 2008

© Надскакула О., 2010

Нахимова Е.А.

Екатеринбург, Россия

МИФОЛОГИЧНОСТЬ ОБРАЗА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА В МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Мифологичность – традиционная черта как зарубежной, так отечественной массовой коммуникации. В соответствии с концепцией Е.И. Шейгал и ее последователей, современные мифы – это «принимаемые на веру стереотипы массового сознания», для которых характерны гиперболичность, аксиоматичность, неверифицируемость, внерациональность [Шейгал 2004: 133-136; Немирова 2010: 128-129], а также динамичность, зависимость от социального этапа развития общества и его идеологии. Названные свойства в полной мере проявляются в социальном восприятии, с одной стороны, образов политических лидеров России в зарубежном восприятии, а с другой – образов зарубежных политиков, представленных в российских СМИ.

На каждом этапе развития страны портреты политических лидеров заметно преобразуются, на первый план выносятся то одни, то другие поступки, качества личности, детали биографии. Наши современники (как и их предшественники) обращаются к опыту прошлого не только в стремлении к истине и справедливости, но и в поисках аналогов, прецедентов, которые помогут

понять и решить современные проблемы [Нахимова 2008а, 2008б, 2009а, 2009б].

Мифологемы *Сталин*, *Рузвельт* и *Черчилль* принадлежит к числу ведущих мифологем, относящихся к эпохе Второй мировой войны. Обращаясь к их образам, одни политики и журналисты подчеркивают политическую мудрость, решительность в борьбе с фашизмом и верность союзническим обязательствам, а другие стремятся выделить негативные качества – подозрительность, несвоевременное выполнение обещаний, стремление получить односторонние преимущества для своих стран.

При оценке подобных представлений следует помнить о том, что *Сталин*, *Рузвельт* и *Черчилль* были людьми своего времени, а их союз не был основан на единомыслии.

Показателен следующий факт. В 2008 году российское телевидение провело конкурс «Имя России», в процессе которого была поставлена задача по итогам массового голосования телезрителей определить национального лидера, человека наиболее значимого для отечественной истории, вызывающего максимальные народные симпатии. Удивительно, что значительная часть голосовавших упоминала Сталина как человека, который оказал значительное влияние на развитие нашей страны.

© Нахимова Е.А., 2010

Немирова Н.В.

Сыктывкар, Россия

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ О РОССИЙСКОЙ КРЕМНИЕВОЙ ДОЛИНЕ В ЗАРУБЕЖНЫХ СМИ

Составное наименование «Кремниевая долина» является прецедентным и восходит к названию «Силиконовая долина» («Кремниевая долина, англ. Silicon Valley) – регион в штате Калифорния (США), отличающийся большой плотностью высокотехнологичных компаний, связанных с производством компьютеров и их составляющих, особенно микропроцессоров, а также программного обеспечения, устройств мобильной связи, биотехнологии и т. п.... Оригинальное английское название долины происходит от использования кремния как полупроводника при производстве микропроцессоров... Русскоязычный вариант названия «Силиконовая долина» возник из-за схожести написания английских терминов silicon (кремний) и silicone (силикон)» [Си-

ликоновая долина]).

Политический миф, к числу которых относится миф о российской Кремниевой долине, является, по представлению современных политологов, «превращенной формой» «политического сознания, в котором знание и понимание фактов политики замещается образами, символами, вымыслами, легендами и верой в них» [Кравченко 2001: 580].

Одной из основных функций политической коммуникации является когнитивная, суть которой, по определению А.П. Чудинова, в использовании «языка для концептуализации мира, создания личностной, а затем и групповой (партийной) политической картины мира» [Чудинов 2007: 81]. Политическая мифологизация является способом «категоризации и объяснения политической реальности» [Чудинов 2007: 82]. Политические мифы «конструируют ...интерпретацию событий и высказывания», поэтому они обладают такой важной когнитивной характеристикой, как «интерпретирующее основание модели» [Дейк, Кинч 1987: 157].

В процессе политической мифологизации важную роль играют прецедентные феномены, которые используются в качестве репрезентантов различных категориальных элементов структуры когнитивной модели, выделенных Т. ван Дейком, таких как обстановка, обстоятельства, участники, событие, действие.

Инновационный российский проект рассматривается в зарубежных СМИ как разновидность модернизации: «Модернизация – мысль не новая. Россия думает о ней со времен Столыпина, Ленина, Сталина, Горбачева. Модернизация – это хорошо, но никто не знает, как ее проводить. Метод кнута больше не работает», – замечает Marie Jégo в аналитической статье «Кремниевая долина по-русски» (1 марта 2010, Источник: «Le Monde» (перевод П. Яничек)), размещенной на сайте «xPressa.ru».

Контаминация прецедентных имен, употребленных метонимически, для обозначения определенной эпохи в истории России, а также связанных с ней экономических преобразований в жизни государства, позволяет автору выразит сомнение в возможности осуществления инновационного проекта в России.

В развернутой цитате из статьи не названного автора «Создание «инноградов» в России таит проблемы», опубликованной в «Frankfurter Allgemeine» 02.06.2010 (подготовка Н. Королевой), высказана та же мысль: «Идея «Иннограда» не столь креативна, как кажется на первый взгляд. Закрытые научные

городки существовали в Советском Союзе. Подобные Сколково технопарки и особые экономические зоны есть и сейчас. Но результатов мало. Причина тому – российская действительность».

В мифе о российской Кремниевой долине центральное место отведено его участникам, и прежде всего тем, кто, как предполагается, должен, а главное – может осуществить необходимые инновационные преобразования. Marie Jago иронически замечает, что найти таких «исследователей, техников и инженеров» «легче легкого, ведь имя им легион... только все они – за границей». Использование ПВ, восходящего к «Новому завету» [Берков 1005: 200-201] позволяет автору создать необходимую тональность контекста.

Таким образом, политический миф о российской Кремниевой долине относится к разряду мифов-прогнозов; с аксиологической точки зрения, по классификации П. Гуревича, относится к мифам-кошмарам, причем система аргументов в анализируемых публикациях, как правило, носит ретроспективный характер.

ЛИТЕРАТУРА

Frankfurter Allgemeine: Создание «инноградов» в России таит проблемы. ERL: <http://www.dw-wold/de/dw/article/0,,5641454,00.html?maca=rus-Inopressa-hresseschau-368-html>

Jago Marie Кремниевая долина по-русски. ERL: <http://xpressa.ru/translate/740-kremnievaya-dolina-po-russki.html>

Берков В.П., Мокиенко В.М., Шележкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка – М.: АСТ: Астрель: Русские словари, 2005. 623 с

Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. – М.: Прогресс, 1988. С.153-211.

Кравченко И.И. Миф политический // Новая философская энциклопедия: В 4-х т. [Институт философии РАН] – М.: Мысль, 2001. Т.2. С.580-581.

Силиконовая долина // Википедия. ERL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Кремниевая_долина

Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учебное пособие [2-е изд., испр.] – М.: Флинта: Наука, 2007. 256 с.

© Немирова Н.В., 2010

Орлова О. Г.
Кемерово, Россия

КРАСНАЯ РОССИЯ

Красный – это цвет, ассоциируемый с советской историей России. Это красный флаг, прежде всего, это также и «красные», т.е. коммунисты. Однако впервые упоминание красного в связи с Россией в «The New York Times» происходит гораздо раньше известных событий и связано с рассуждениями о российских территориях. «*It <...> commemorates the successive addition of "Little Russia", (the territory of the Ukraine and Don Cossacks,) Red Russia, (the western portion,) South Russia, which includes the Black Sea coasts, and Asiatic Russia, or Siberia and Turkestan, to the original "Great Russia", formed by the vast plain extending from the White Sea to the Dnieper*» (NYT May 28, 1883). Славяне использовали цвета для обозначения сторон света. Историки упоминают тотемное божество Святовит у славян, в статую которого включался поделенный на четыре части четырехугольник: север обозначался белым цветом (отсюда Беларусь), запад – красным (Червона Русь), юг – черным, восток – зеленым. Возможно, что использование определенного цвета в привязке к стороне света связано было и с временами года: неслучайно Святовит называется и богом земледелия, творцом мира и всего живого, верховным богом (http://www.aratta-ukraine.com/sacred_ua.php?id=57 (дата обращения: 21.07.2010)). Известно также, что у славян червец (личинки этого насекомого) использовался для изготовления красной краски, поэтому червонный обозначает красный. Червона Русь – это средневековое название территории (известной также как Восточная Галиция до I Мировой войны), на которой располагались города Львов, Галич, Перемышль, Санок, Холм. Сегодня разные ее части принадлежат Польше, Украине, России. Именно об этих западных частях и идет речь в выше приведенном фрагменте публикации. В основном же, как уже было сказано, «красный» обозначает советского (русского) коммуниста, Советский Союз. Корреспондент газеты «The New York Times» У. Дюранти несколько раз в своих статьях о Советском Союзе использовал эпитет *red* в отношении России: «*Red Russia of Today...*» (NYT June 14, 1931), «*Red Army is held...*» (NYT June 25, 1931).

Поскольку мы обращаемся к политическому дискурсу, следует рассмотреть значение красного в политике. «В 1789 году красный был отнят как регальный цвет у короля и стал символом санкюлотов и якобинцев, носивших красные шапочки и

шарфы. В 1832 и 1848 годах красный цвет был символом восставших революционных масс во Франции и Германии. А после 1871 года (Парижская коммуна) красный становится символом пролетарского международного революционного движения. И именно в этом значении он был заимствован в 1876 году русскими революционерами. С 1898 года красное знамя становится партийным знаменем РСДРП. С 1917 года красный цвет – это символ коммунизма и пролетарской революции» (<http://symbol.grimuar.info/красный-цвет-66.html> (дата обращения: 21.07.2010)). В 1923 году Конституция СССР устанавливает красный или алый цвет полотнища для государственного флага. Итак, красный флаг – это символ революционной борьбы против эксплуататоров, в религиозном дискурсе это значение подкрепляется смыслами «жертвенность», «мученичество за веру», «пролитая кровь», в языке геральдики – «война», «сила», «храбрость», «любовь».

Однако в современном политическом дискурсе сохраняется традиция ассоциировать с красным не коммунизм вообще, а именно русских коммунистов. В 1907 году Д. Ф. Фрейзер написал книгу под названием “Red Russia”. Вот что этот автор пишет о России начала XX века: «*Turmoil, tumult, madness. Barbarism forgetting to behave any longer like civilization. A Titanic surging to and fro of tides of savage oppression and desperate resistance. A strange, wildly commingled struggle of traditional despotism, Oriental fatalism, newborn love of liberty, inherited servility, race hatred, greed, lust, love of revenge, brutal, wanton, senseless cruelty and misunderstood philosophy, a confusion of superstition and advanced Socialism, of Paris fashions and incredible ignorance and bigotry, of trolley cars and picture post cards and the knout. A riot of inarticulate ideas*» (NYT June 22, 1907). К сожалению, нет возможности утверждать, что в межкультурном политическом дискурсе конца XIX – начала XX века совершенно точно не существовали выражения типа «красная Франция», «красная Италия» (относительно истории Италии говорят «красные годы», Красная гвардия). Можно предположить, что события в России «потрясли мир» настолько, насколько органичным оказалось восприятие красного именно в связи с Россией. Современные американские политические журналисты активно используют символику красного (флага), наделяют его определенными политическими смыслами и прямо противопоставляют своему флагу и, соответственно, своим ценностям: «*There are enough good people who believe in*

the flag and the Bible to seize and control the Government of America! ...We must make our choice in the presence of atheistic Communist influences! It is Tammany or Independence Hall! It is the Russian primer or the Holly Bible! It is the Red flag or the Stars and Stripes! It is Lenin or Lincoln – Stalin or Jefferson!” That rousing call to action against a president could be stripped straight from the Web sites of today’s Tea Party protesters , and it brought lusty cheers from 10,000 Americans, outraged over what they perceived as invasive federal power» (WP Nov. 10, 2009). Важно отметить также и временную отнесенность противопоставлений: авторы обращения апеллируют к высшим американским ценностям, связанным с историей образования штатов (Джефферсон, Линкольн, звезды и полосы, Библия), и, соответственно, к таким реалиям из истории России, которые им кажутся адекватно ценными (красный флаг, Ленин, Сталин).

© Орлова О.Г., 2010

Панкратьева Н.И

Екатеринбург, Россия

РОССИЯ ГЛАЗАМИ БЫВШИХ РОДСТВЕННИКОВ

После распада СССР в 1991 году одна большая страна поделилась на 15 независимых государств. С тех пор прошло почти 20 лет, и когда-то близкие родственники сейчас являются соперниками и более того, выступают против «большого» брата – России. Нам хочется определить каковы стереотипные представления о России в странах Балтии и СНГ на материалах переведенных публикаций за 25 августа этого года портала «ИноСМИ.ру» (в режиме реального времени публикуются переводы и обзоры информационно-аналитических материалов иностранных СМИ, отражающих реакцию мирового сообщества на события, происходящие в России).

Выделим некоторые стереотипы: для Украины Россия является другом, чему уделяет особое внимание Дмитрий Медведев в поздравительной речи в честь Дня Независимости Украины. Он делает акцент на «многовековых традициях добрососедства, общие духовные корни, славные страницы совместной истории», далее он отмечает «взаимный настрой на конструктивное решение всех без исключения вопросов на принципах равноправия и учета интересов друг друга». Поздравление Украине направляет и Владимир Путин: «Россияне и украинцы объеди-

нены многовековыми узами дружбы, добрососедства и взаимовыручки, выдержавшими не одно суровое испытание. Искренне рады тому, что Украина встречает свой праздник в обстановке политической стабильности и экономического роста».

Отношения между Россией и Белоруссией являются достаточно натянутыми и сложными. Так, обозреватель «Белорусского партизана» считает, что между Россией и Беларусью в скором будущем может разгореться новая нефтяная война. Основой для этого может стать то, что российская сторона не хочет, чтобы Беларусь извлекла выгоду из беспрошльного импорта российской нефти даже после создания единого экономического пространства в 2012 г. Отмечается также, что экспорт нефтепродуктов из Беларуси продолжает катастрофически сокращаться: за полгода он упал на 40,6% – до 4 млн. 611,8 тыс. тонн. По этой причине сложно сказать, найдутся ли у белорусских НПЗ резервы для наращивания экспорта нефтепродуктов в страны-импортеры Молдову, Латвию и Литву.

Для Латвии уже много лет остается щекотливым вопрос о последствиях пакта Молотова-Риббентропа и о признании факта оккупации. В СМИ Латвии отмечается: страна в надежде на визит президента Валдиса Затлерса в Москву на какое-то время может приглушить вопрос об оценке последствий пакта. Работа по согласованию визита ведется, конкретные даты еще не известны. В ходе визита Затлерс планировал предложить создание совместной Латвийско-российской комиссии историков. Предпосылкой успешной работы такой комиссии является доступность архивов обеих стран. Однако отмечается, что недавно пресс-секретарь МИДа России Андрей Нестеренко весьма жестко указал, что Москва не собирается давать дополнительный доступ к российским архивам, который, по словам министра иностранных дел Латвии Айвиса Рониса был бы большим шагом в направлении признания Россией оккупации стран Балтии в 1940 году. «Для нас этот вопрос (оккупации) закрыт, и возвращаться к нему мы не намерены. Любые спекуляции официальной Риги на этот счет способны лишь привнести серьезный раздражитель в российско-латвийские отношения», – сказал Нестеренко. Подготовка к визиту президента Латвии в Москву длится уже четыре года. Первое официальное приглашение в Ригу было направлено в 2007 году.

Армянские СМИ продолжают комментировать итоги визита в Армению президента России Дмитрия Медведева. Армяно-

российское соглашение о продлении сроков пребывания в Армении российской базы и расширения ее полномочий вызвало в Армении рассуждения о суверенитете и независимости. Говорят даже, что соглашение превратило Армению в абсолютного вассала России и одну из ее губерний. По мнению автора, соглашение не принесло ничего нового России и никак не увеличило ее влияние на Армению. Не расширение полномочий базы определяет или предопределяет российское влияние. Просто Россия еще чуточку оформила свое влияние в Армении. Отмечается, что вот уже более полутора десятка лет большая часть населения Армении живет за счет родственников, работающих в России. Так что, Армения «пропитана» Россией от быта до политики, и это не новость.

Отношения России с бывшими странами СССР остаются неоднозначными: каждая из стран борется за свой суверенитет и независимость, но как показывает действительность, отраженная в прессе стран Балтии и СНГ, дружба с Россией является для них неотъемлемым условием существования.

© Панкратьева Н.И., 2010

**Перегудова Ю. Г.
Ряпосова А.Б.**

Нижний Тагил, Россия

РОССИЙСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ

Внешний образ государства формируется через деловые связи, путём культурного обмена (театр, музеи, выставки, кино, музыка), но наиболее мощный и действенный фактор формирования общественного мнения о стране – средства массовой информации, с их помощью ломаются устоявшиеся и создаются новые стереотипы, формируется имидж того или иного объекта.

Нами были проанализированы публикации в таких печатных СМИ США, как The Wall Street Journal, The New York Times, The Washington Post, The Washington Times, The Christian Science Monitor, USA Today, National Review за период с января 2009 г. по апрель 2010 г.; их общее число составило 156 текстов, посвящённых российской проблематике. В 49 публикациях (31% от общей выборки) американские журналисты характеризуют первых лиц нашей страны, Д.А. Медведева и В.В. Путина, оценивают их стиль руководства, политические действия и заявления. Сразу огово-

римся, что в цели нашего исследования не входило сравнивать реальную ситуацию в России с её представлением журналистами США. Мы не будем оценивать, насколько объективны / необъективны, достоверны / недостоверны, правомерны / неправомерны публицистические материалы (такие выводы в компетенции политологов, экономистов, социологов и юристов).

Итак, содержательный анализ текстов позволил выделить несколько ключевых тезисов, транслируемых печатными американскими СМИ:

1 тезис: «В России сохраняется власть В.В. Путина и его авторитарный стиль правления («путинизм»), демократия отсутствует».

Ср.: ...under Mr. Putin, Russia has strayed far from the democratic model. It is a place where journalists and human rights activists are murdered with impunity, political and business opponents are thrown in jail and independent media have been seriously degraded... (...при Путине Россия далеко отклонилась от демократической модели: там безнаказанно убивают журналистов и правозащитников, сажают в тюрьму политических противников и конкурентов по бизнесу, при этом независимость СМИ сильно пошатнулась...) The New York Times. December 5, 2009].

The most striking quality of Putinism, though, is its hostility to free expression... (самая поразительная особенность путинизма – это его неприязнь к свободе выражать свое мнение) [The Wall Street Journal. August 18, 2009].

Welcome to the third stage of Putinism ... Now we're at Stage Three, in which Mr. Putin morphs into Hugo Chávez, as high-handed as before but with a populist twist... (Добро пожаловать в третью стадию путинизма ... Теперь мы добрались до третьей стадии, когда Путин переродился в Уго Чавеса: он столь же тяжёл на руку, как и раньше, но в нём появилось нечто популистское...) [The Wall Street Journal. June 10, 2009].

2 тезис: «Президент РФ Д. А. Медведев придерживается либеральных взглядов и пытается править самостоятельно, но ему это плохо удается».

Ср.: ... Medvedev's supporters, adherents of temperate economic reforms and lawyers are powerless... Committed democrats don't trust Medvedev... For now, Medvedev is weak...(сторонники Медведева – приверженцы умеренных экономических реформ и юристы – бессильны. Убеждённые демократы Медведеву не доверяют... На данный момент Медведев слаб) [The New York

Times. October 8, 2009].

3 тезис: «Между Д. Медведевым и В. Путиным произошел раскол, политики делят власть».

В американских СМИ стала появляться информация о противостоянии российского президента премьер-министру. Журналисты транслируют идею о конфронтации между двумя российскими лидерами.

Ср.: ...Until recent months, it's been assumed that Mr. Putin still runs Russia; that his protégé, President Dmitry Medvedev, is his political lapdog. Mr. Medvedev, however, appears to be straining at the leash. Will he eventually slip his collar? In speeches, he sounds as if he wants to steer Russia away from the Putin model... (...До недавнего времени считалось, что Россией правит премьер-министр Владимир Путин, а президент Дмитрий Медведев, его протеже, служит ему, как собачонка. Однако, похоже, он хочет сорваться с цепи. Неужели он когда-нибудь сбросит ошейник? Его речи звучат так, будто он хочет отдалить Россию от модели Путина...) [The Christian Science Monitor. November 24, 2009].

Таким образом, в дискурсе печатных СМИ США представлена следующая политическая ситуация: в современной России делят власть действующий президент-либерал Д. Медведев и бывший президент, жёсткий, авторитарный руководитель В.Путин; у Медведева мало шансов на успех, так как он слабый политик; реальная власть у премьер-министра В. Путина, которому удалось установить в России свой режим правления – «путинизм» (ср. сталинизм), чрезвычайно далёкий от мировых демократических ценностей.

Журналисты используют сильные эмоционально воздействующие средства влияния на адресата речи – сравнения, окказионализмы, экспрессивно-оценочную лексику, театральные и зооморфные метафоры, с помощью которых создают яркие отрицательные образы российских политических лидеров.

© Перегудова Ю. Г., Ряпосова А. Б., 2010

Пименов Е.А.

Кемерово, Россия

СПЕЦИФИКА НАЦИОНАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПОВ: ПРОБЛЕМА ПРЕДВЗЯТОГО МНЕНИЯ

Наиболее значимыми считаются науки, находящиеся на

стыке разных отраслей знания и в современной лингвистике появляются такие новые направления, что представляет их особую ценность. Объединение национального и социального фактора в изучении языковых явлений привело к тому, что вторая половина двадцатого века ознаменовалась появлением новых подходов и методов исследования в гуманитарных науках. Среди таких новых направлений, претендующих уже сейчас на статус самостоятельной отрасли языкознания, выступает политическая лингвистика.

Особенности видения мира отдельным человеком и народом в целом – это результат длительного исторического развития нации. Проблема предвзятого мнения выступает одной из центральных в рамках этнопсихологии и этносоциологии. В каждом языке отражен некий круг стереотипов суждения, которые формируют предвзятое мнение определенного носителя языка.

Предвзятое мнение – это чья-либо точка зрения (или угол зрения) на что-либо, кого-либо, которая существует как бы сама по себе, внешне не является объективно мотивированной, и с большими трудностями может быть объяснена носителем определенного языка (как правило, со ссылками на интуицию, на существующее общественное или же общепринятое мнение). Понятие предвзятого мнения пересекается определенным образом с понятием личной пристрастности.

Так, в русском языковом сознании существует стереотип образа студента (студент может быть ленивым, трудолюбивым, старательным, умным, глупым и под.). В немецком языке в стереотипе образа студента полностью отсутствует понятие ленивого человека – немецкий студент (как и английский, и американский) ленивым быть не может. Стереотип солдата в немецком и русском языках различен (ср.: немецкий солдат – аккуратный, подтянутый, дисциплинированный; русский солдат – голодный, несчастный, вынужденный отбывать военную службу).

Предвзятое мнение может меняться в зависимости от языковой ситуации, исторических и социальных изменений в обществе (ср.: стереотип рабочего до революции и после нее в России; стереотип профессора 40-50-х годов XX века и 90-х годов XX века).

В поле исследования предвзятого мнения попадают категории типа «свой / чужой». В соответствии с подобными категориями человек формирует свои собственные речевые стратегии и тактики, строя свое общение, основываясь на национальных

стереотипах мышления. В категорию «свой» в разных языках входят разные понятия (ср. в русском: *в свое время узнаешь, свои люди – сочтемся, свой народ, наши враги, мои друзья*). Понятия, входящие в категорию «свой», могут переходить в категорию «чужой», и наоборот (ср.: *наш президент перестал быть нашим президентом; близкие родственники – дальние родственники*; в случае развода супруги определяют свое положение по отношению друг к другу как *«мы стали чужими»*).

Национальная специфика реализации категории «свой – чужой» проявляется в политической (социальной) сфере: в России во времена президентства Б.Н. Ельцина (особенно это касается второго срока президентства), как представляется, вряд ли кто говорил *наше правительство, наш премьер-министр* и т.п. (скорее такие выражения заменяли *Москва, правительство*), но ср.: *наша область, наша деревня, наш город, наш губернатор, наш университет*, выделяя, таким образом, сферу чужого, дистанцируясь от нее.

Нормы национального (этнического) и межнационального речевого поведения, схемы восприятия и культурные ценности – все это область исследования политической лингвистики, которая, таким образом, включает в себя и интеркультурную коммуникацию.

В настоящее время наблюдается тенденция исследования менталитета и ментальности народа (ментальность, по В.В. Колесову – это мирозерцание в категориях и формах языка). И это, очевидно, не является простой игрой с терминами, поскольку менталитет представляет специфику отражения мира (как внешнего, так и, что очень важно, внутреннего мира человека), специфику, которая детерминирует свои способы реагирования (то есть поведения, в том числе и речевого) достаточно большой общности людей. Однако это имеет и обратную силу: знание этноспецифики отражения мира (то есть менталитета), которая детерминирует поведение людей, предполагает и прогнозирование поведения определенного этноса и возможность сознательной манипуляции этим этносом.

Само понятие менталитета представляет собой концепт, имеющий определенные составные части. К числу таких концептуальных компонентов следует, по всей видимости, отнести такие категории, которые должны исследоваться в первую очередь: темпоральность, локативность, инструментальность, адресатность, совместность, неопределенность / определенность

действия, категория «свой / чужой» и т.д.

В XX веке заметна традиция рассмотрения языка как орудия создания, развития, хранения (в виде текстов) культуры и в то же время как её части, так как с помощью языка творятся произведения материальной и духовной культуры. Язык начинает восприниматься как путь, по которому можно проникнуть не только в современную ментальность, но и в далекие во времени представления людей на мир, на общество и на самих себя.

© Пименова Е.А., 2010

Пименова М.В.

Кемерово, Россия

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПТАХ

Поле политической лингвистики охватывает различные сферы общественной жизни, к числу которых прямое отношение имеет идеология. Зарубежная лингвистика практически не обращается к описанию этой области знания. Идеологией традиционно называют систему идей, представлений, понятий, взглядов, характеризующую какую-либо социальную группу, класс, политическую партию, общество и отражающую их отношение к действительности. Однако понятие *идеологии* шире, оно включает в себя религиозные системы, экономические теории и учения, а также философские учения и течения, концепты культуры и искусства.

Класс идеологических концептов образуют:

1) концепты систем философских идей, взглядов, учений и их представителей (*неоплатонизм, позитивизм, гностицизм; гуманизм*);

2) концепты систем экономических идей, взглядов, учений (*глобализм; технократия; рынок; ЕЭС*);

3) концепты систем социально-политических идей, взглядов, учений (*марксизм; империализм; фашизм; коммунизм; тоталитаризм; либерализм; терроризм; сепаратизм; национализм; расизм; сегрегация*);

4) концепты систем религиозных идей, взглядов, учений (*православие; суннит, шиит*);

5) концепты политических партий, движений, течений (*партия; большевизм*);

6) концепты культуры и искусства (*модернизм; абстракционизм*).

I. Многие философские системы определили на века развитие научной мысли в разных странах (*В принципе, позитивистская идеология непрерывного поступательного развития науки предполагала, что хотя эти модели и являются чисто гипотетическими положениями («гипотезами»), полученными путём индуктивных обобщений, однако по мере уточнения они достигают такого статуса эмпирической обоснованности и общепризнанности, что могут рассматриваться как неизменные «законы природы».* Куренной. Наука в современном мире // «Отечественные записки», 2003). Другие системы выражают общий смысл исторического периода (*Но если это так, то в этих категориях идеология классицистского Возрождения – это идеология возрождения человечности.* Иоанн Мейендорф. Духовное и культурное Возрождение XIV века и судьбы Восточной Европы). Общая ориентация человеческого общества XX века – гуманизм (*Развитие процесса пошло по общегуманистическому руслу, проложенному просветительской идеологией, ориентированной на гуманизацию общественного сознания.* Петрова. В.М. Васнецов. «Снегурочка». Нетрадиционный анализ в традиционном историческом контексте // «Наш современник», 2004.07.15).

II. Экономические теории представляют определенную систему идей на развитие общества (*Проблема не в рынке – его современная роль не ставится под сомнение ни в теории, ни в практике, – а в адептах «идеологии рынка».* Чернышев. Фермопилы.ru // «Эксперт», 2004.12.13). Не всегда эти теории получают поддержку в обществе, потому что идеи, положенные в их основу, противоречат национальной ментальности (*Обличая ложь глобализма, мы должны заявить, что глобализм – это антихристианская идеология.* Митрополит Агафангел. Да поможет Господь Бог России! // «Наш современник», 2004.04.15; **Меркантильность – вот главная движущая сила и идеология рынка.** Николаев. В поисках капитала // «Вечерняя Москва», 2002.02.07; **Письма обнаруживают чудовищный диссонанс насаждаемой сегодня в России идеологии «всеобщего обогащения» и реальной жизни.** Кузин. Красные пути. Об альманахе «Красные холмы» // «Октябрь», № 2, 2001). На стыке двух веков XX и XXI возникла новая экономическая идеология – **глобализм (Имя новой идеологии – глобализм, а авторы и спонсоры его – в немалой степени широкие круги, воспитанные Советом по внешним сношениям.** Нарочницкая. Аналитические институты –

глаза, уши и мозг Америки // «Наш современник», 2004.03.15).

III. Времена социалистического строя определенно характеризуются соответствующим выбором системы политических взглядов. «Привязка» идеологии к советскому политическому строю наглядно представлена во многих контекстах (*В 1920-1930-е годы старые вещи уничтожаются как чуждые советскому строю и идеологии, как «признак обывательщины»*). Шпаковская. Старые вещи. Ценность: между государством и обществом // «Неприкосновенный запас», 2004.01.15).

Фундаментом устройства одной части стран мира может быть определенная политико-идеологическая система. Много идеологических концептов этой сферы появилось в XX веке: *марксизм, тоталитаризм, фашизм, сепаратизм, терроризм (О коммунизме, который ещё полвека назад вполне обоснованно претендовал на роль мировой идеологии, все настолько крепко забыли, что впору вспомнить известный анекдот про «неуловимого Джо»: «Что, никто не может его поймать?»* Панов. Пролетарии, разъединяйтесь // «Коммерсантъ-Власть», № 7, 1998). Другая часть концептов появилась ранее: *расизм, сегрегация (Другие пути решения проблем означают возврат к идеологии расизма и практике колониальной эпохи*. Абашин. Либеральный расизм (2003) // «Независимая газета», 2003.06.24). Многие идеологии правящих слоев других стран мало известны в России: *пантюркизм в Турции (Наконец, одно из самых главных положительных последствий исламизации Турции и Азербайджана заключается в отказе турецкой правящей элиты от идеологии пантюркизма, которая представляет существенную опасность для России, населенной немалым числом тюркоязычных народов*. Алексеев. История болезни (2003) // «Спецназ России», 2003.08.15).

IV. Многие страны строят свою политику, основываясь на религиозных учениях и течениях (*Полюсом мира стали Соединённые Штаты Америки, но эта однополярность предоставляет некую свободу для стран третьего, четвёртого порядка, стран с религиозной идеологией, транслирующими её как главную составляющую своего государственного устройства*. Козлова. Свобода совести и светскость государства: проблемы и решения // «Адвокат», 2004.12.01). Некоторые государства используют свои национальные религии как основы государственной системы (*В духовном отношении, в значении ярко вспыхнувшей в пределах его русской нравственно-*

религиозной идеологии – он никогда не умрет в истории возрождения великой Святой Руси. Алексеев. Героизм обреченных // «Спецназ России», 2003.04.15).

Идеология описывается религиозными предикатами (*исповедовать / проповедовать идеологию*). Идеология выражала ранее понятие мировоззренческой религиозной системы. Сейчас в описаниях систем мировоззрения прослеживается наследие исходных форм и способов их вербализации, а у концепта *идеология* появляются теоморфные признаки 'воскрешение', 'поклонение', а также признаки 'религия', 'культ'.

V. Свою идеологию имеют партии, движения и политические течения (*Прошло 100 лет большевистской идеологии в России*. Федоткин. Власть и оппозиция // «Советская Россия», 2003.07.03; **С внятной идеологией у нас только две политические партии: коммунисты и СПС**. Рыклин. Пусть игра стоит свеч // «Еженедельный журнал», 2003.04.08). Такую идеологию синонимично именуют *политической платформой*.

VI. *Идеология* является контекстуальным синонимом *культуры* (*Тогда в мире конкурировали идеологии развития, представленные двумя культурами: англосаксонской и советской*. Архангельская. Страна в отсутствие любви // «Эксперт», 2004.12.06). Однако такой понятийный признак *идеологии* словари современного русского языка не отмечают. В русской языковой картине мира вся области политики и идеологии оценивается чрезвычайно негативно (*политика – грязное дело*). При этом сама политика признается искусством (*искусство политики*), а идеология – культурой. Использование артефактных метафор переводит политику и идеологию в современном мире из области искусства и культуры в область знания и ремесла (ср.: *создавать политику; выработать / разработать идеологию*).

© Пименова М.В., 2010

Полякова И.С.

Екатеринбург, Россия

**ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ОБРАЗА РОССИИ
В ДИСКУРСЕ АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТИКА
(на материале обращений К. Райс, 2005-2009)**

Россия – страна, расположенная в Восточной Европе и Северной Азии, является крупнейшим государством мира, со-

стоит в ряде международных организаций (ООН, СНГ, ЕврАзЭС, ШОС...) и несет особую ответственность за поддержание международного мира и безопасности, выступает в качестве государства-продолжателя СССР... (по материалам электронной энциклопедии Wikipedia.org). Вряд ли можно утверждать, что именно такое восприятие России присуще всему мировому обществу. Изменяющаяся политическая и экономическая ситуация влияет и на формирование образа нашей страны за рубежом.

Наше исследование затрагивает проблему конструирования образа России в американском политическом дискурсе. Были проанализированы около 1380 выступлений Кондолизы Райс, датированные 2005-2009 годами, то есть приходящиеся на период ее нахождения в должности Государственного секретаря США. Интерес именно к этому политик уобусловлен тем, что с 1989 по 1991 год она являлась старшим директором отдела по делам СССР и Восточной Европы Совета национальной безопасности США. Это свидетельствует о том, что политик обладает необходимыми знаниями для построения образа СССР и России на основании фактов и их анализа, а не на базе сложившихся стереотипов.

В основе исследования лежит анализ прецедентных имен – топонимов, антропонимов, хрононимов, названий организаций и событий. Прецедентное имя, вслед за Д.Б. Гудковым, мы определяем как «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило относящемуся к числу прецедентных, или с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная; имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определенных качеств» [Гудков 2003: 108]. Прецедентное имя включает в себя набор образов, актуализируемых в сознании адресата при его воспроизведении в речи. Методом сплошной выборки мы выделили 1670 прецедентных имен в дискурсе Кондолизы Райс. Прецедентные имена, которые имеют отношение к России (реалии, географические объекты, политические структуры и т.д.) составили 22% от общего числа. Придерживаясь общепринятой классификации прецедентных имен по сфере-источнику мы отнесли интересующие нас прецедентные имена к следующим сферам: «Политика», «Война», «Журналистика».

Самой многочисленной из них является сфера-источник «Политика», представленная 56% от общего числа. Здесь мы

выделяем:

прецедентные антропонимы: Gorbachev (Горбачев М.С.), Lavrov (Лавров С.В.), Putin (Путин В.В.), Stalin Сталин И.В.), Lenin (Ленин В.И.).

топонимы: The Soviet Union (Советский Союз), Russia (Россия).

названия международных организаций: The Trojka (Тройка), The Quartet (Квартет), Group of Eight, G-8 (Большая Восьмерка).

советизмы: The Kremlin (Кремль), The Red Army (Красная армия), Communist Party (Коммунистическая партия).

Прецедентные имена со сферой-источником «Война» составляют 25% от общего числа. Сюда мы отнесли те военные конфликты, в которых Советский Союз (Россия) принимал непосредственное участие и повлиял на развитие событий, а именно World War II (Вторая Мировая Война) и Cold War (Холодная война).

Соответственно прецедентные имена со сферой-источником «Журналистика» представлены 19%. Сюда относятся названия СМИ: радиостанция Ekho Moskvу (Эхо Москвы), газета Novaya Gazeta (Новая Газета) и имя известного журналиста А.С. Политковской.

Анализ высказываний, содержащих вышеперечисленные прецедентные имена показал, что образ Советского Союза как врага и агрессора постепенно трансформируется в образ России – страны с развивающейся, но еще недостаточно окрепшей демократией, страны, нуждающейся в помощи. Данный тезис подтверждает неоднократно используемая Кондолизой Райс фраза: *«I want to be very clear. It (Russia) isn't the Soviet Union. You know this place. This Russian Government is not the Soviet Government and sometimes people overstate this to say things have gone all the way back. They have not gone all the way back. And one of the issues is how to help ensure personal freedoms, how to help ensure that civil society can continue to operate»* (Transformational Diplomacy: Question-and-Answer Session, Secretary Condoleezza Rice, Washington DC, January 18, 2006). (Буду предельно точной. Россия – это не Советский Союз. Вы знаете эту страну. Правительство России это не Советское правительство, однако, иногда преувеличивают говоря, что все вернулось назад, все осталось по-прежнему. Ничего не осталось по-прежнему. Но одна из до сих пор существующих проблем – проблема личной

свободы, и наша задача обеспечить возможность ее решения, чтобы гражданское общество могло полноценно функционировать).

ЛИТЕРАТУРА

Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: Гнозис, 2003.

Wikipedia.org

© Полякова И.С., 2010

Полякова Л.С.

Магнитогорск, Россия

ОТРАЖЕНИЕ КОНФЛИКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ГРУЗИИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ

В последнее время отношения России и Грузии переживают сложный период, периодически звучат обвинения в адрес друг друга. Обе страны стремятся представить себя, особенно в зарубежных СМИ, в выгодном свете, а своего противника – в негативном, привлекая, тем самым, на свою сторону союзников. После военного конфликта с Абхазией внимание к отношениям России и Грузии привлекло все международное политическое сообщество. Россия однозначно высказала свое мнение: Грузия – это агрессор, уничтожающий мирное население. Именно поэтому перед Михаилом Саакашвили стояла задача убедить мировую общественность в своей правоте и одновременно очертить Россию, представив ее агрессором по отношению к Грузии.

В сложных взаимоотношениях двух государств Россия всегда стремилась подчеркнуть, что в основе конфликта находится только личность М. Саакашвили, а не сама Грузия, об этом прямо высказывался и В. Путин на встрече в редакции «Комсомольской правды»: «Саакашвили приходят и уходят, а Грузия остается». Данное выражение является калькой знаменитой фразы Сталина о том, что «Гитлеры приходят и уходят, а Германия остается», поэтому для большого числа слушателей, особенно политиков и историков, стало ясно, что фраза содержит послание – М. Саакашвили также страшен как и Гитлер.

В отличие от российских политиков, Президент Грузии ведет тонкую словесную игру, используя различные коммуникативные тактики, с помощью которых создает из России образ врага всей Грузии и грузин, но не себя лично. Так, для выступ-

лений Президента Грузии характерно частое использование тактики дискредитации. Например, рассуждая о болезненной для Грузии теме о запрете ввоза вина и минеральной воды в Россию, подчеркивает, что запрет России был нужен для того, чтобы *показать грузинскому народу, насколько он будет жалок, если запретить ввоз в Россию производимых в Грузии продуктов*, в результате достигается нужный эффект: Россия воюет не лично с ним, а с простым грузинским народом. Кроме того, подобное высказывание задевает самолюбие грузин, т.к. политик называет их *жалкими*, подчеркивая, что это Россия хочет видеть их такими.

Представляет интерес и спиралевидное развитие темы «врага», включающее тактику высмеивания. Так, М. Саакашвили цитирует рекламный текст, с которым познакомился в поездке по Украине: *вон я в Киеве видел рекламу: «грузинское вино запрещено в России – хорошо, что мы на Украине»*. В данном отрывке отражена не только юмористическая зарисовка рекламного хода, но и создается образ России, над которой смеются. При этом, Украина выступает уже в качестве союзника Грузии; и имплицитно подчеркивается: а в других странах грузинское вино любят, значит оно хорошее и запрет на его ввоз носит исключительно политический характер. Более того, М. Саакашвили связывает данный шаг России с дружескими отношениями Грузии с западными странами: *нас воспринимают как часть целого враждебного лагеря. И за это нас надо наказать*. Использование противопоставления «свой-чужой»: *враждебный лагерь*, сниженной лексики: *попадаем под раздачу* способствуют созданию негативного образа России.

Еще больший простор для создания образа врага в лице России дает М. Саакашвили конфликт с Южной Осетией. Рассказывая о Южной Осетии и Абхазии Президент Грузии использует зримые, яркие образы, риторические вопросы: *кто разрежет эту землю на лоскутки, вместе соберет и назовет их Южной Осетией?, мы родились без руки и ноги* (имеется в виду, что Грузия после распада СССР не получила всех территорий на которые претендовала), сравниваются размеры России и Южной Осетии: *мы маленькая страна, а в огромной России*. Очень органично М. Саакашвили использует концепт «агрессия» по отношению к России: *в огромной России находятся люди, которые хотят нас еще разделить – это какой-то садизм*. При этом вывод – *садизм* – приобретает оценочное суждение.

Важно отметить, что свою позицию М. Саакашвили отстаивает исключительно эмоционально, образно, при этом точка зрения политика излагается простым языком, интервью рассчитаны на простого обывателя, рядового слушателя или читателя, поэтому его заявления значительно быстрее находят отклик, чем этого хотелось бы российским политикам. Возможно, успех М. Саакашвили на международной арене кроется не только в нелюбви России Западом и Америкой, но и в умелом манипулировании сознанием его слушателей.

© Полякова Л.С., 2010

Попова Э.Ю.

Екатеринбург, Россия

ЗАРУБЕЖНЫЕ СМИ О РОССИИ И РОССИЙСКИХ ПОЛИТИКАХ

Средства массовой информации играют важную роль в формировании общественного сознания. Они имеют возможность прямо обратиться к общественности. Образ России в сознании зарубежной аудитории во многом зависит от позиции влиятельных изданий, от их оценки внешней политики, экономики и внутренней жизни государства. Сергей Ходанович в статье «Политический образ России» отмечает: «Детальное изучение международных полос ведущих зарубежных СМИ позволяет выявить несомненную связь внешнеполитического курса конкретного государства, отношений этой страны с Россией и оценки российской политики в национальной печати. Пресса исходит прежде всего из национальных интересов своего государства, традиций внешней политики». Многие российские обозреватели отмечают, что в последнее время, что образ нашей страны в зарубежных СМИ, в общественном мнении Запада выглядит более негативно, чем во времена «холодной войны». Несмотря на то, что Россия признала демократические ценности Запада и активно участвует в мировом политическом процессе, несомненно, отстаивая и свои собственные интересы, западные СМИ объявили России новую «информационную войну». Ольга Малеева в статье «Имидж России в зеркале зарубежных СМИ» (журнал «Обозреватель») определяет цели информационной войны, вызванные, по ее мнению, прежде всего американскими и английскими СМИ: закрепить за Россией негативный образ; изолировать от цивилизованного мира; выдавить из Европы; лишить иностранных инвестиций; утвердить в мировом общественном мнении известный тезис З.Бжезинского "Россия – лиш-

няя страна"; создать предпосылки для установления в России удобного Западу политического режима, способного выполнить волю мировых держав в осуществлении удобного внешнеполитического курса; предоставить им контроль над использованием энергетических ресурсов [Малеева].

Изучение информационных материалов зарубежных СМИ позволяет согласиться с выводами О. Малеевой. Не отрицая того, что существуют издания, дающие объективную картину и российской политики, и внутривнутриполитической жизни России, не скрывающие трудностей современной жизни страны, отметим, что большинство материалов зарубежных СМИ, носят негативный характер. Агрессия в отношении России проявляется, в том числе, и через языковую агрессию.

О России. Японское издание «Japan Times» в материале «Инвестировать в Россию сейчас? Забудьте об этом» рисует картину современной России. Автор статьи Дэвид Уолл использует весьма красочные выразительно-образительные средства, создавая образ России, Однако все эти средства с исключительно отрицательной коннотацией, нередко можно рассматривать их даже как пейоративы: *«Повсюду рушится инфраструктура, а производственный сектор неэффективен и находится в упадке... Ситуация с образованием ухудшается даже в тех областях, где Россия традиционно была ведущей: в математике, превратится в отчаяние..., отсутствие надежды, отсутствие амбиций находит свое отражение в демографии. В России уменьшается численность населения - мужчины умирают от чрезмерного потребления алкоголя в свои лучшие рабочие (или, точнее, нерабочие) годы, женщины не заводят детей или откладывают их рождение на потом, а другие женщины уезжают из России на Запад. В стране свирепствует ВИЧ-инфекция/СПИД... Создается опасная политическая ситуация».* Для усиления воздействия на читателя автор использует повторы: *Россия рушится, страна без надежды, без амбиции... большие группы людей по-прежнему пьют на улице, в то время как милиция проходит мимо, игнорируя их. Повсюду валяются пустые пивные бутылки; они даже гремят на полу вагонов метрополитена в утренние часы пик».*

Прежде всего необходимо отметить одну из важных особенностей восприятия российской действительности, которая

характерна в большей степени для западной печати ('Нью-Йорк Тайме', 'Тайме', 'Экономист', 'Тайм', 'Монд', 'Либерасьон', 'Вельт', 'Цайт'), чем для российской. В большинстве публикаций о России главная роль отводится Президенту Дмитрию Медведеву и премьер-министру Владимиру Путину. Если речь идет о западной прессе, то можно утверждать, что Президент фактически отождествляется с Россией. Что же касается внешней политики, то почти везде встречаются указания на непосредственные действия Президента России. Так, например, испанская газета «Rebekion», в статье «Рост насилия ставит Кремль под удар» от 17 августа 2010 года утверждает, *«что в большинстве северокавказских республик отсутствует демократия, попираются основные права и свободы (нарушение прав человека приобрело там постоянный характер), а коррупция проникла во все сферы жизни. Граждане не имеют ни малейшей возможности участвовать в их политической, общественной и экономической жизни»*, при этом обвинение звучит в адрес российского руководства: *«На официальном уровне не говорится о тяжелой обстановке, сложившейся на Северном Кавказе, однако президент России Дмитрий А.Медведев и глава кабинета Владимир В. Путин выступили в Москве с инициативами по ее «корректировке»*.

В последнее время к голосам западных СМИ добавились и голоса СМИ ближнего зарубежья, которые отнюдь не добавляют положительных характеристик имиджу России. Эстонская газета «Eesti Päevaleht», рассуждая о последних событиях в России, связанных с лесными пожарами, использует саркастические (если не издевательские выражения) в адрес российского премьера: *«Лидер России, премьер-министр Владимир Путин лично летает тушить лесные пожары (надеемся, что этот лес не оставили гореть специально для него) и каждый день с усердием наблюдает, как продвигается строительство новых домов на месте сгоревших дотла. Для этого он приказал установить в своем кабинете веб-камеры на двух строительных площадках. Его бдительный взор, очевидно, единственное средство в России, которое заставит чиновников шевелиться»*.

Однако Ольга Малеева утверждает, « что на зарубежном информационном пространстве складывается неоднозначный имидж нашей страны.

С одной стороны, он в результате смешения реальных факторов с политическими вымыслами подается в неприглядном, отталкивающем виде; а с другой – имидж России под влиянием объективной информации ряда журналистов и политологов, части "независимых" СМИ, а также российских информационных средств предстает в более привлекательном виде (без черного пиара)» [Малеева].

Какое же представление получает зарубежная общественность о России? Об этом можно лишь делать предположения, вероятно, стоит согласиться с автором из Обозревателя, что представление весьма неоднозначно.

ЛИТЕРАТУРА

Малеева О. «Имидж России в зеркале зарубежных СМИ» // Обозреватель [http:// www. rau.su](http://www.rau.su).

© Попова Э.Ю., 2010

Рахаева О. В.

Лодзь, Польша

ОБРАЗ РОССИИ В ПОЛЬСКОМ КИНО. ИСКУССТВО И ПОЛИТИКА: ВЗАИМОСВЯЗЬ И ВЗАИМОВЛИЯНИЕ

Образ России, её представителей и русско-польских (с польской точки зрения, конечно, польско-русских) отношений издавна был важным элементом польского политического, общественного, исторического и культурного дискурса. Текущая политическая ситуация влияла на то, как образ России присутствовал в польском обществе: был ли частью официальной государственной политики (Польша как часть Российской империи, Польша в 1945-1989), элементом не всегда добровольной «польско-советской дружбы» или, совсем наоборот, главной составляющей образа врага (1920-е и 30-е годы). Официальному положительному образу России часто сопутствовал неофициальный: или отрицательный, или положительный, но людей, а не государства.

После 1989 года в образе России в польском обществе сочетались и желание «рассчитаться» с бывшими «лучшими друзьями» и рассказать о запрещённой раньше истории, и смена внешнеполитических ориентиров. Но, пожалуй, впервые не было единой четкой идеологической линии (ни на уровне официальном, ни ином), которой следовало придерживаться.

Это нашло отражение и в искусстве, которое часто занимается важными для общества темами, представляет существующие идеи или создаёт новые, а иногда бывает попросту политически ангажированным. Важную роль тут играет кинематограф, который, будучи на стыке элитарной и массовой культур и средств массовой информации, вбирает в себя то, что интересует практически все слои общества, и одновременно является средством трансляции определённых, в том числе политических, идей.

«Русская тема» была важным элементом польского кинематографа с самого начала его существования. Антицарские и антибольшевистские (параллельно с советскими антипольскими) агитки межвоенного периода, батальные полотна о польско-советской дружбе (достаточно вспомнить «Четырёх танкистов и собаку») и тематическая разнородность кино после 1989 года: тут и фильмы 90-х, где Россию представляют главным образом персонажи преступного мира и полусвета, и патриотические блокбастеры (от «Пана Тадеуша» до «Катыни»), где Россия предстаёт в роли врага и оккупанта, и мелодрамы («Малая Москва»), в которых возможной оказывается польско-русская любовь. Все эти и многие другие линии связаны и с исторически сложившимся в Польше образом России, и с недавним общим советским прошлым, и с польским видением современной России. А подтверждением политической и общественной роли этих фильмов (главным образом, представлений об их роли) служит российское восприятие «Катыни» Вайды и совсем не кинематографические дискуссии вокруг показов.

© Рахаева О.В., 2010

Романова Т.В.

Нижний Новгород, Россия

ОБРАЗ РОССИИ

В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В. ПОЗНЕРА: «ЗАПАДНИК» ИЛИ «СЛАВЯНОФИЛ»?

Владимир Владимирович Познер, известный советский и российский тележурналист, президент Академии российского телевидения (1994-2008). В 1990-1991 годах в США были изданы две книги В. Познера: автобиографическая «Parting With Illusion» и «Eyewitness: A Personal Account of the Unraveling of the Soviet Union» – о распаде СССР. Журналист вел такие телеви-

зионные передачи как «Времена», «Король ринга», «Одноэтажная Америка», 17 ноября 2008 года на канале ОРТ состоялась премьера его авторской передачи «Познер». Существует расхожее мнение, что В. Познер в своих устных и письменных текстах пропагандирует Запад, тем самым уничтожая Россию (например, см. книгу С. Смирнова «Времена лжи с Владимиром Познером», – М.:ЭКСМО, 2005).

На основе анализа речевых особенностей мы попытаемся определить цель и содержание манипулятивных приемов, используемых В. Познером, попытаемся объяснить, можно ли говорить о его «анти-русских» настроениях. Материалом анализа были тексты телевизионных передач «Познер», «Времена» и книга «Одноэтажная Америка» (написана в соавторстве с И. Ургантом и Б. Каном).

Мы ограничились рассмотрением метафоры как одного из эффективных средств манипуляции в речи В.В. Познера. Опираясь на когнитивную теорию, в частности на механизм выделения сферы-донора и сферы-мишени, мы получили определенную «сегментацию» метафор на смыслы и реалии. Общее количество проанализированных метафор: 50 – из книги «Одноэтажная Америка», 85 – из телепередач).

Сферы-доноры метафор в письменной и устной речи практически совпали. «Излюбленные» автором сферы-доноры для письменного текста: биолого-медицинская (14), бытовая (8), культурно-историческая (5), военная (5), научно-практическая (3); для устного текста: бытовая (28), биолого-медицинская (19), социальная (13), экономическая (7), строительство (6). Манипулятивный потенциал метафор выявляется через своеобразие сфер-мишеней. В письменном тексте акцент делается на культурную и общественную жизнь Америки: экономику (*американский автомобиль стал локомотивом всей американской экономики*), политику (*доллар бьет патриотизм с такой же неутомимой логикой, с какой мифологический ковбой отправлял на тот свет «плохого парня»*), культуру (*если главную улицу Нью-Йорка, Бродвей, называют «Великим Белым Путем», то главная улица Вегаса, так называемый Стрип, – это великий белый путь в квадрате. Если говорят о Нью-Йорке, что это город, который никогда не спит, то Вегас – это город, который никогда не спит в кубе. Это мировая столица игорного бизнеса, мировая столица китча, мировая столица шоу-бизнеса, магнит, притягивающий ежегодно вчетверо больше*

туристов, чем Гранд Каньон); популярны метафоры, подчеркивающие высокий уровень жизни американцев. Сказанное, позволяет сделать вывод, что в тексте книги «Одноэтажная Америка» якобы скрывается подсознательная «реклама» Соединенных Штатов, так как коннотативный фон метафор положительный. В то время как метафоры, сферой-мишенью которых являются политика, экономика, культура, общественное устройство России (телепередачи «Познер», «Времена»), акцентируют негативную коннотацию, недобрую иронию (**постоянное место жительства этой коллекции** (о коллекции яиц Фаберже, принадлежащей Вексельбергу); **властелин колец** (о Лужкове).

Думается, что, говоря как о России, так и о Западе, В.В. Познер объективно оценивает положение дел, не определяя приоритетов, позволяя слушателю или читателю самому сделать вывод. В стратегическом смысле тележурналист не является пропозиционером политики Запада, не пытается навязать что-то России. В текстах В. Познера нет метафор, построенных на сопоставлении России со странами Запада. В. Познер достаточно объективно метафоризирует достоинства и недостатки разных политических систем, экономической и общественной структур. Что касается книги «Одноэтажная Америка», то в отличие от предтекста Ильфа и Петрова здесь не сравнивается Америка и Россия, а констатируется самобытность Америки.

© Романова Т.В, 2010

Рудик И. Н.

Житомир, Украина

МАНИПУЛИРОВАНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ КООРДИНАТ

Целью участников политической коммуникации, как известно, является получение и удержание власти, и основным средством её достижения считают манипуляцию. Последнюю определяем как **вид умышленного и скрытого психологического воздействия, целью которого является возбуждение у адресата неосознанных и безосновательных для него убеждений, желаний и эмоций**, где убеждения, желания и эмоции выступают своеобразными «рычагами», посредством воздействия на которые манипулятор осуществляет контроль над объектом манипуляции.

Одним из самых эффективных средств «оптимизации»

контроля над массовым адресатом в политической коммуникации является стимуляция наглядно-образного мышления личности, что позволяет воздействовать одновременно на её убеждения и эмоции. К инструментам стимуляции наглядно-образного мышления можно отнести, прежде всего, разнообразные стилистические средства и образные фразеологические единицы.

Примечательно, что выбор этих лингвистических ресурсов в значительной степени обусловлен экстралингвистическими факторами, важнейшим среди которых в контексте глобального политического пространства является, на наш взгляд, геополитический статус страны. Так, например, при анализе материалов о Северной Корее обращает на себя внимание тяготение авторов статей различных изданий к уничижительному изображению лидера этой страны Ким Чен Ира:

(1) *The little that is known about Kim Jong-il, North Korea's leader, conjures up a **caricature of a diminutive playboy**, a **comic picture at odds with his brutal regime**. Diplomats and escaped dissidents talk of a **vain, paranoid, cognac-guzzling hypochondriac**.* (BBC)

(2) *Kim Jong Il is no **madman**. We don't have access to his **shrink**, of course, but there's absolutely no evidence to suggest that he's **irrational**.* (Foreign Policy)

(3) *Kim Jong Il has always been **pretty wacky**, with his **bouffant** hair and awkward habit of kidnapping actresses while starving his people, but at least **the diminutive Dear Leader** was someone you could talk with now and then. Today, with **a stroke-damaged Kim** apparently **in eclipse** and North Korea erupting out of control again, Barack Obama has a serious problem.* (Newsweek)

Приведенные примеры 1-3 объединяет употребление разговорной, коллоквиальной лексики и слэнгизмов (*cognac-guzzling, playboy, pretty, wacky, madman, shrink*), которые явно контрастируют со статусом лидера; использование иронии; употребление оскорбительной, негативно окрашенной лексики (*caricature, diminutive, vain, paranoid, hypochondriac, stroke-damaged, irrational*).

В другой статье издания Newsweek лидера Северной Кореи ещё и причисляют к *негодьям* (*rogues*), наряду с Уго Чавесом (Венесуэла), Робертом Мугабе (Зимбабве) и Махмудом Ахмади-нежадом (Иран).

Причина такого неприязненного описания отчасти кроется в небольшом росте Ким Чен Ира: в соответствии с информацией

службы ВВС он составляет лишь 157 см. Однако издание The Guardian указывает на рост Российского Президента Дмитрия Медведева (162 см), который позволяет изданию сопоставить двух политиков. При этом в описаниях Д. Медведева западными СМИ не находим ничего подобного с образом северно-корейского лидера, ни единой ссылки на его рост или внешность вообще:

(4) *Medvedev, a lawyer reared in glasnost-era liberal St. Petersburg, has adopted a more open and modern style. He surfs LiveJournal, Russia's biggest social-networking site, and said last week that he reads opposition Web sites daily, and that they make him "want to get up and start working, working and working." He arranges to "spontaneously" drop in at cafés and restaurants to chat with customers about things like rising prices and petty corruption.* (Newsweek)

Как видим, внимание читателя фиксируют на образовании и образе жизни президента, его «современности» и готовности к диалогу. Кроме того, пример (4) содержит цитату описываемого государственного деятеля, чего не случилось в анализируемых статьях о Ким Чен Ире, и что, очевидно, свидетельствует об авторитетности источника цитирования.

Проекции образа лидера страны обнаруживаются и в образе самой страны. Так, описание Северной Кореи сводится к утрированию её физических «изъянов»:

(5) *Those North Koreans who have never crossed the border have no way to make sense of their **tribulations**. There is no Internet. Television and radio receivers are soldered to government channels. **Even** the party official's wife lacks a telephone and **mourns** her lack of contact with the outside world.* (New York Times)

В то же время Россия в аналогичном контексте представлена, хоть и не без метафор, преимущественно с экономических позиций:

(6) *"We are used to the fact that Russia **grows** every now and then," concluded Polish Prime Minister Donald Tusk. "[Europe] should not give too much meaning to this declaration." Of course there is no upside to dismissing Russia altogether, humiliating it and treating it as a **paper bear**. ... If he (Medvedev – IR) succeeds in these kinds of **nuts-and-bolts** reforms, like **curbing Russia's voracious and corrupt bureaucracy** and introducing the rule of law, he may make his country more functional and richer. A thriving real economy, and a constructive new relationship with the West, would make Russia more truly powerful than any amount of **macho missile threats**.*

Таким образом, манипулирование в сфере позиционирования страны и её лидера в глобальном политическом пространстве носит далеко не линейный характер, а, скорее, размещается в собственной системе координат x, y , где абсцисса x указывает на положение страны на оси «свой – чужой», а ордината y – на оси «цивилизованный – нецивилизованный». Судя по результатам представленного исследования, Россия в этой политической системе координат находится во II четверти (чужой, цивилизованный), а Северная Корея – в III четверти (чужой, нецивилизованный).

© Рудик И.Н., 2010

Рябов О.В.

Иваново, Россия

МЕДВЕЖЬЯ МЕТАФОРА РОССИИ КАК ОРУЖИЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Метафоры, подкрепленные бомбами, способны убивать, заметил Дж. Лакофф, анализируя репрезентации Войны в Заливе. Действительно, в качестве значимого фактора международных отношений в последние годы активно исследуется их язык. Как оружие конфронтации сверхдержав рассматривается и система образов, символов и метафор Холодной войны.

Медвежья метафора, утвердившаяся в западноевропейских культурах в период XVI-XVIII веков, является одной из наиболее важных для образа России в мире. «Русский медведь» был призван служить «символическим пограничником»: идентичность Запада конструируется в немалой степени через исключение России, и, очевидно, данный символ играет важную роль в обосновании положений и о цивилизационной чуждости России, и об ее отсталости. Медвежья метафора способствовала приписыванию русским черт, которые используются в дискурсе Модерности для маркировки Другого: варварство, лень, деспотизм, неспособность к прогрессу, непредсказуемость. Наконец, «медведь» был призван акцентировать такую характеристику России, как агрессивность.

Цель доклада, построенного на анализе текстовых и аудиовизуальных источников США и СССР 1945-1991 годов, заключается в исследовании основных способов включения медвежьей метафоры России в дискурс Холодной войны, в выявлении семиотики и аксиологии «русского медведя».

Идентичность Америки с середины 1940-х годов в значи-

тельной степени определялась ее ролью последнего оплота в борьбе с «мировым злом»: противостояние коммунистической России рассматривалось как главная историческая миссия. Коммунистическая Россия репрезентировалась как Иное, как низшее и как опасное. Это достигалось при помощи различных дискурсивных практик: использовались оппозиции нормального и девиантного, цивилизованного и варварского, западного и восточного, свободного и тоталитарного, человеческого и нечеловеческого. Медвежья метафора активно включалась в производство этих оппозиций.

Самые различные аспекты конфронтации двух сверхдержав получали «медвежье измерение». Как правило, «русский медведь» служил аллегорией российского государства, сравнительно редко символизируя народ, противопоставленный правителям. Россия превращалась в медведя, когда воспринималась как империалистическая держава, претендующая на мировое господство (первые послевоенные годы, 1980-е). Медведь при этом олицетворял грубую силу; в тот же период, когда СССР вызывал наибольшее опасение в США (мировой коммунистический заговор, маккартистская «охота на ведьм»), привлекались по преимуществу другие животные метафоры, например, спрута.

Медвежья метафора выполняла многообразные функции: мобилизации значений, по преимуществу негативных, закрепленных за образом «русского медведя»; гомогенизации Врага; его дегуманизации. Наконец, использование медвежьей метафоры выступало одним из способов эссенциализации противоречий между Россией и Западом, репрезентации их как вечных и неустранимых. Одна из задач американской пропаганды заключалась в том, чтобы представить Холодную войну в качестве не соревнования капитализма и социализма, а сражения между «свободным миром» и «империей Зла», причем акцент делался на цивилизационных противоречиях; советскость при этом фактически отождествлялась с русскостью. Russian Bear использовался в качестве «противоядия» в борьбе с «мягкой силой» основного соперника, позволяя позиционировать СССР как не универсальную модель для трудящихся всего мира, а всегнаншего новую реинкарнацию царской России с ее империализмом.

Советская сторона реагировала с раздражением на использование медвежьей метафоры на Западе и вместе с тем

пыталась «приручить медведя». Наиболее известным «ответом Чемберлену» стал проект олимпийского Мишки; те черты, которыми он наделялся – сила, миролюбие, борьба с поджигателями войны, защита слабых, – соответствовали идеальному образу Советского Союза.

Окончание Холодной войны также сопровождалось активным использованием медвежьей метафоры. «Медвежье измерение» получают дезинтеграционные процессы в СССР; территория России уподобляется телу медведя. Смена политического режима в России предсказуемо находит выражение в таком образе – «медведь умер».

Вместе с тем, подобный «оптимизм» оказался недолговечным, и медвежья метафора на протяжении 1990-х постепенно возвращается во внешнеполитический лексикон США, выступая в роли фактора сегодняшней системы международных отношений.

© Рябов О.В. , 2010

Сарафанова О. Л.
Екатеринбург, Россия

АДАПТАЦИЯ РЕКЛАМЫ В АСПЕКТЕ ПОЛИТЛИНГВИСТИКИ

На необходимость лингвокультурной адаптации текста по политическим соображениям и в соответствии со стереотипами, существующими о представителях разных культур, а также автостереотипами неоднократно указывали многие исследователи [См.: Сырова <http>]. В данной работе нам хотелось бы прокомментировать несколько примеров подобной адаптации рекламных текстов.

Рекламная кампания часов элитной марки швейцарских часов «Tissot» имеет по крайней мере четыре разные версии с адаптацией на французском, английском, арабском и польском языках. Например, в тексте, адресованном арабам, идеологически окрашенное слово «гражданин» было заменено на более нейтральное «житель», так как в арабском мире первое неизбежно вызывает ассоциации с политическим строем, не свойственным арабским странам (демократия, республика), тогда как для европейцев и русских слово «гражданин» окрашено положительно (ср. выражение «гражданин мира», «поэтом можешь ты не быть, а гражданином быть обязан» и т. д.) и адаптация не

потребовалась [Guidere http].

Аналогично у россиян особые ассоциации могут вызывать некоторые, на первый взгляд, «невинные» и стилистически нейтральные лексемы по известным только нам, в силу жизненного опыта, причинам. Невнимание к ним может привести к коммуникативной ошибке в неадаптированном рекламном тексте.

Такой ошибки избежали копирайтеры рекламного агентства «PR2B», которому было предложено адаптировать для носителей русскоязычной культуры слоган для продажи сантехники фирмы «Jacuzzi» «Water that moves you» без потери эмоциональной составляющей. Трудность заключалась в том, что, согласно опросам специалистов в области рекламы, в сознании европейцев и русских существуют два противоречивых стереотипа, связанных с водой. В сознании европейцев актуализирован архетипический образ воды как очищающей и обновляющей силы, дающей жизнь, и восприятием образа «текущей воды» как времени и вечности, что связано с понятием «статус». Для россиян, которым «посчастливилось» испытать все бытовые трудности советского времени, «вода» – это часто катастрофа, связанная с ее отключением в квартире, а «движущаяся» и «текущая» вода – принципиально неремонтируемый кран советской сантехники; обе идеи, естественно, патриотических чувств не вызывают. Поэтому после проведенных исследований копирайтеры предложили вариант «Мир, где время не властно», утвержденный впоследствии владельцами компании.

Касаясь также вопроса о необходимости адаптации российской рекламы к иностранным рынкам скажем, что в свете политических отношений, складывающихся у России со странами СНГ, кампании с символами России будут совершенно неуместными в большинстве стран бывшего Советского Союза. Так, например, только для российской аудитории будет актуален слоган пива с использованием гидронима: «Балтика» там, где Россия». Этот слоган – реверанс российским покупателям от фирмы «Baltic Beverage Holding» (Швеция). Использование его в рекламных кампаниях, рассчитанных на представителей других культур, чревато политическим скандалом.

ЛИТЕРАТУРА

Сырова А.А. О проблемах адаптации и стандартизации рекламы // Журнал маркетинг в России и за Рубежом. URL: <http://www.phlygnikova.ru/Surnalnie-publikazii/Adaptazia-reklami/index.html>

Guidere M. The Translation of Advertisements: from Adaptation to Localization Studies and Applied Linguistics from the University of Paris-Sorbonne, Lyon 2 University. URL: http://www.pr2b.ru/services/branding/brand_slogan/

© Сарафанова О.Л., 2010

Скворцов О. Г.

Екатеринбург, Россия

**РИТОРИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
В ИССЛЕДОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕТАФОР
СФЕРЫ «LIGHT / DARKNESS»**

Историография исследования семантической сферы «Light / Darkness» во многом повторяет историю теоретической эволюции лингвистической науки. Одни специалисты обращались к исторической динамике развития обозначений света и темноты, к этимологическим истокам соответствующих слов и историческому развитию их семантики, другие стремились выявить общие закономерности развития указанной семантической сферы в различных языках, третьи брали на вооружение методологию риторики и стилистики. Многие исследования связаны компонентным и дискурсивным анализом, эвристиками когнитивной и гендерной лингвистики и другими методологическими подходами. Важную роль в исследовании сферы «LIGHT / DARKNESS» сыграли представители риторического направления, которое преобладало в американской политической лингвистике середины прошлого века. При рассмотрении этого направления необходимо разграничивать по меньшей мере три научных школы: риторическое направление в его традиционном для США варианте, риторическую критику и риторическую метафорологию Майкла Осборна и его последователей.

Представители традиционной риторики анализировали политические тексты, опираясь преимущественно на идущую из античности теорию риторических фигур и тропов. В большинстве подобных публикаций рассматривались официальные устные выступления президентов и других политических лидеров. В

рамках этой теории значительное место уделялось описанию наиболее ярких и прагматических значимых метафор, среди которых важное место занимали и метафоры из сферы «LIGHT / DARKNESS». Изучались также и иные образные средства (метонимия, эпитеты, сравнения, антитеза и др.). Позднее специалисты по риторике стали обращаться не только к «public address», но и к телеречи, радиоречи, к текстам печатных СМИ.

В середине XX века в американской риторике произошел «идеологический поворот», следствием которого стало возникновение направления, получившее название риторическая критика [Rhetorical Criticism]. Новые подходы были сформулированы в книгах Эдвина Блэка и Мари Николс. В то время как традиционная риторика анализировала то, насколько используемые риторические формы эффективны для достижения поставленной цели, то критическая методология призвана определить, как «риторический текст формирует ожидания и нормы того, что считать желаемым и нежелаемым в определенном обществе». Приверженцы этого направления подчеркивали, что необходимо показать скрывающуюся за риторикой идеологическую символику и интенции ораторов; выяснить, как риторика влияет на культурные стереотипы, и как эти стереотипы отражаются в риторике. Соответствующая методика во многом основывалась на детальном анализе конкретных текстов

Создателем совершенно нового направления в рамках риторической школы стал Майкл Осборн, который сделал вывод о том, что в политической речи независимо от времени, культуры и географической локализации коммуникантов неизменно присутствуют архетипичные метафоры (archetypal metaphors). Политики, желающие в чем-то убедить адресата, используют образы природного цикла, света и тьмы, жары и холода, болезни и здоровья, мореплавания и навигации. Такие метафоры опираются на универсальные архетипы и служат основой для понимания людьми друг друга и в то же время создают основу для политического воздействия и убеждения.

К архетипическим метафорам исследователь отнес образы природного цикла, жары и холода, болезни и здоровья, мореплавания и навигации, света и тьмы. Такие метафоры опираются на универсальные архетипы и служат основой для понимания людьми друг друга и в то же время создают основу для персуазивного воздействия на аудиторию.

Теория архетипичных метафор, как и другие достижения

риторического направления в американской лингвистике, по-прежнему используются зарубежными специалистами при изучении политической коммуникации. На современном этапе развития науки указанная теория все более обогащается эвристиками, методами и приемами когнитивистики, но следует учитывать и тот факт, что американская когнитивистика на этапе своего зарождения использовала многие достижения риторического направления.

© Скворцов О.Г., 2010

Собиянэк К.

Лодзь, Польша

ОБРАЗ РОССИИ И ЕЕ СТЕРЕОТИПОВ В ПОЛЬСКОМ СОЗНАНИИ

на примере публицистических текстов Анджея Де Лазари

«Почему именно с Польшей у России возникают столь непростые отношения?»

Слишком близко мы друг от друга живем, слишком часто друг с другом воевали и, как муж с женой после развода, не хотим видеть в нашей истории ни капли своей вины»

А. Де Лазари

Анджей де Лазари – доктор гуманитарных наук, профессор; польский политолог, историк философии и идеи, филолог, советолог, публицист и переводчик; преподаватель Лодзинского университета; руководит Междисциплинарным центром советологических исследований, редактор серии «Идеи в России» и одноименного русско-польско-английского лексикона (т. 1-5, Варшава-Лодзь, 1999-2003). Под его редакцией вышли многочисленные научные труды интердисциплинарного характера, в том числе «Польская и русская душа. Современный взгляд» и «Каталог взаимных предубеждений поляков и русских» [de Lazari 2006], в которых представлены статьи польских и российских ученых, занимающихся изучением взаимных стереотипов.

В чрезвычайно богатом списке научных и публицистических текстов Анджея де Лазари представляет широкому кругу читателей свою точку зрения на тему России, Польши, сложных

польско-русских и русско-польских взаимоотношений, комментирует существенные для обоих народов текущие события политического и социокультурного характера, предлагает свою концепцию «культурной запрограммированности», подкрепленную многолетними исследованиями вышеупомянутых вопросов, учитывая этнополитический, исторический, культурный и социокультурный контексты.

В центре моей работы находятся избранные публицистические тексты профессора, раскрывающие образ России в польском восприятии, анализирующие причины такого восприятия и исследующие влияние стереотипов, глубоко укоренившихся в сознании поляков, которые формируют польское мировоззрение и детерминируют оценку современных явлений. Одним из вопросов, который мы планируем затронуть, являются проблема русскости, российскости и советскости в польском восприятии [Де Лазари А.: [http](http://)], причины «путинофобии» [de Lazari 2009] и русофобии [de Lazari 2006: 5-27], которые замечает автор перевода романа «Энциклопедия русской души» В. Ерофеева. На наш взгляд, они существенны для польского восприятия России и, в дальнейшем, русских. К тому же, они способствуют раскрытию мифов и стереотипов, функционирующих в польском мышлении, которые находят свое отражение в высказываниях политиков, журналистов и обыкновенных людей.

Следует при этом подчеркнуть, что «критический русофил» является независимым мыслителем, который плывет против модного течения и смело высказывает свое мнение вовремя и не вовремя. Он пытается более объективно посмотреть на польско-русские отношения и проникнуть вглубь замеченной проблемы, нередко обличая пороки своих сограждан. Мы убеждены в том, что презентация выводов А. де Лазари представляет собой интересный и достойный подробного анализа материал для исследования, требующий научного комментария, который, надеемся, способствовал бы развитию, правда в небольшом объеме, польско-русского и русско-польского диалога.

ЛИТЕРАТУРА

Захарова Т. Анджей де Лазари: «Меня раздражают политики и журналисты, которым нужен враг» // *Gazeta w Petersburgu. Polski miesięcznik w Sankt Petersburgu*. № 9 (111) 2009. ERL: <http://www.gazetapetersburska.org/pl/node/558>

Де Лазари А. Русскость, советскость и российскость в польской культурной запрограммированности. Зарисовка во-

проца. ERL: <http://www.gyulakiraly.hu/pdf/AndrzejdeLazari.pdf>
De Lazari A. Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan [pod red. Andrzeja de Lazari] – Warszawa 2006.
De Lazari A. Putinofilia i putinofobia // Przegląd. nr 36/2009.
ERL: <http://www.przegladytygodnik.pl/index.php?site=artykul&id=15612>
© Собиянэк К., 2010

Стрельников А. М.
Нижний Тагил, Россия

РОССИЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ: ВЗГЛЯД ИЗВНЕ

Многие из нас оценивают себя с превалирующим использованием положительного характера нормативной оценки. Если мы и подмечаем собственное несовершенство, то с легкостью прощаем его, оправдывая тем, что легко сможем измениться, если захотим. При этом отличия других людей подмечаются острее и подвергаются более разнообразным типам оценки, и не всегда с положительным характером.

То же самое можно отнести к области российской политики. Живя в российской политической среде и испытывая на себе ее воздействие, мы понимаем ее несовершенство и даже активно критикуем ее, но находим силы для ее оправдания. В этой связи интересной представляется оценка российской политической реальности иностранцами. Обратимся для этого к материалам иностранной прессы – европейским и американским периодическим изданиям, датированным августом 2010 года.

Люди, делающие политику в России, находятся в центре пристального внимания зарубежных корреспондентов. Так, газета Le Point называет премьер-министра «*Несгораемым* Владимиром Путиным». Метафора, вынесенная в заголовок, разворачивается в тексте статьи, посвященной проблеме лесных пожаров летом 2010 года и бездействию государственных властей в сложившейся ситуации. «Жители пострадавших от пожаров населенных пунктов чувствуют себя *брошенными на произвол судьбы*», пишет Керстин Хольм, корреспондент немецкой газеты Frankfurter Allgemeine Zeitung. Голоса недовольных россиян до-

носятся до британских журналистов как «*дым подземного торфяного пожара*» [Financial Times]. «Обоим политикам, стоящим во главе государства, не хватает способности *извлекать уроки* из подобных катастроф», – считает Кристиан Нееф, корреспондент Der Spiegel.

Одной из главных тем материалов иностранной прессы, касающихся России, является тема демократии, а точнее, ее отсутствия в нашей стране. Главной «*головной болью Кремля*», по мнению американского Newsweek, являются не лесные пожары, не вялая политическая оппозиция, а «коррупцированная, неспособная и жестокая милиция», в связи с чем «президент систематически *восстанавливает основы полицейского государства*». Критике подвергается и внутренняя политика по отношению к субъектам федерации. По мнению корреспондентов Frankfurter Allgemeine Zeitung, «в течение нескольких лет *Кремль вел затяжную борьбу* по урезанию автономных прав обеих республик (Татарстана и Башкортостана)».

Российская экономика также подвержена пристальному вниманию зарубежной прессы. Le Mond утверждает, что «*рынок коррупции* в России равен 50% ВВП». Утечка мозгов и чиновничий рэкет наносят огромный ущерб экономике страны. Newsweek называет молодых талантливых специалистов, бежавших за границу, «*поколением изгнанников*». На этом фоне президент «*ополчается против новой опасности* – роста розничных цен, а правительство принимает меры для их *обуздания*» [The Wall Street Journal].

Тон статей, в которых иностранные корреспонденты упоминают достижения России, зачастую бывает ироничным. «Избранием первого чернокожего политика Россия *бросает вызов* неонацистам. *Проблеск надежды* для реформаторов: страна с самым высоким в мире уровнем преступлений на расовой почве поверила в уроженца Бенина», – под такими заголовками в британской The Sunday Times вышла статья, повествующая об избрании в поселковый совет Новозавидово уроженца Бенина. Однако в конце статьи корреспондент не забыл упомянуть о количестве преступлений на расовой почве, совершенных в России за последние годы.

Как показал анализ, наиболее частотными темами публикаций зарубежных СМИ в указанный период явились: природные катастрофы, управление страной, политика, экономика и преступность. Набор метафор можно назвать традиционным; сфе-

рами-источниками метафорической экспансии явились война, болезнь, неживая природа, мир криминала. Следует отметить взаимосвязь между описываемыми событиями и частотностью использования метафор с определенной источниковой сферой. Так, вне зависимости от тематики статьи, иностранные журналисты активно использовали метафору огня и пожара для описания российской действительности в августе 2010 года.

Выходя за тезисный формат и проведя более широкий обзор иностранной прессы, пишущей о России, можно выявить ряд устойчивых мнений, затрагивающих различные аспекты жизни нашей страны: Россия недостаточно богата, чтобы заботиться об окружающей среде; страной управляет В. В. Путин, являющийся для молодежи лидером и символом успеха и единства, а Д. А. Медведев помогает ему; в стране господствует коррупция, в основе которой лежит сотрудничество силовиков с чиновниками; политики лгут и держат граждан страны в неведении; в России постоянно нарушаются права человека; у России сложная ситуация на Северном Кавказе; прогресс в вопросах демократизации, свободы выражения и социальной справедливости в России недостаточен.

© Стрельников А.М., 2010

Сурина А. В.

Екатеринбург, Россия

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА ПРОТИВ РОССИИ В ВООРУЖЁННОМ КОНФЛИКТЕ МЕЖДУ ГРУЗИЕЙ И ЮЖНОЙ ОСЕТИЕЙ

Информационные атаки Грузии против Южной Осетии и Абхазии началась задолго до начала боевых действий. В этой информационно-психологической войне на одной стороне активно выступали Грузия, США, Великобритания, а на другой – самопровозглашенные республики.

События, произошедшие 8 августа 2008 г. в Южной Осетии, и развернувшаяся одновременно с ними информационная война привели к выводу: психологические операции, проводимые Грузией и стоящими за ней силами против России в период войны в Южной Осетии, чётко соответствовали схемам англосаксонской модели и психологического управления конфликтами. За информационными и психологическими атаками грузинских внешнеполитических и военных ведомств и поддерживающих их западных

СМИ угадывался индивидуальный почерк спецслужб США, по одним характерным особенностям которого можно точно установить, кто именно стоит в этой войне за М. Саакашвили. В этом почерке можно было выделить и приверженность к традиционным для англосаксонской культуры идеологическим шаблонам, и использование отработанных на других театрах военных действий – в Иране, Афганистане, Югославии – тактических схем проведения психологических операций, и особую организацию работы СМИ по освещению конфликта и производству политических комментариев, аналитики, пиар-новостей.

На постсоветском пространстве психология и идеология американского образа жизни пользуется заметной популярностью среди значительных масс населения, вытесняя и разрушая при этом традиционные социокультурные отношения и системы ценностей, и англосаксонские технологии при таких условиях отличаются высокой эффективностью.

Грузинская сторона регулярно устраивала антироссийские провокации с целью оказания влияния на мировое общественное мнение. Например, обсуждение падения «российской» ракеты на территорию Грузии с привлечением международных экспертов, скандал вокруг сбитого беспилотного аппарата грузинских ВС над территорией Абхазии, арест российского вооружения, якобы запрещённого к использованию в зоне конфликта, у миротворцев и др. Начиная с 9 августа 2008 года массовой хакерской атаке подверглись новостные агентства, освещающие события с российской стороны. В частности, на следующий день жертвами атаки хакеров стало РИА «Новости», что затруднило работу практически всех служб агентства. Кроме того, хакерской атаке подверглись сайты ИТАР-ТАСС, ИА REGNUM, Lenta.ru, газеты «Известия» и «Твой день», а также радиостанция «Эхо Москвы».

В рекордно короткие в мировом общественном мнении сформировался негативный образ России как милитаристской авторитарной страны, возглавляемой бывшими сотрудниками КГБ и стремящейся к немотивированной агрессии в направлении любых своих соседей, особенно стран, вставших на демократический путь развития.

Взволнованная этой новой угрозой, американская и европейская общественность начала быстро спланировать вокруг политических сил, требующих резкого ужесточения отношений с Россией «во имя мира и всеобщего спасения». Фактически побе-

дившая в западном общественном мнении точка зрения на Россию как на нового мирового агрессора обеспечила широкое одобрение последующего ввода натовской эскадры в территориальные воды Грузии и, несомненно, одобрила бы большинством голосов прямое военное вмешательство, если бы оно состоялось.

Одной из основных целей организованной США информационно-психологической войны против России была подготовка европейского общественного мнения к вводу в Грузию «миротворческого» корпуса НАТО и вовлечение его в вооруженное столкновение с российскими миротворцами, осуществляющими операцию по принуждению Грузии к миру.

© Сурина А.В., 2010

Тагильцева Ю.Р.

Екатеринбург, Россия

ПРОЕКТ «СОЧИ 2014» КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА СТРАНЫ

Олимпиада 2014 г. – отдаленное событие, но сколько уже мнений она порождает, порой столь диаметрально противоположных, неоднозначных.

Итак, в данной работе мы рассмотрим приемы работы с образом Сочи – 2014 для решения имиджевых задач, направленных на реализацию связей с международной и российской общественностями, а также как это реализуется в системе электронных СМИ.

Начнем прежде всего с официальной точки зрения. «Олимпиада 2014» является многоуровневым проектом, способствующим решению многих стратегически важных задач и проблем государства.

Одной из первых стратегических задач, стоящей перед этим событием, - это создание положительного имиджа государства, государства, способного, несмотря на мировой финансовый кризис, продемонстрировать свою мощь и независимость. Об этом свидетельствуют строительные объекты, которые, по замыслам архитекторов, должны превзойти все ожидания своей масштабностью, амбициозностью и совершенством в техническом решении.

Во-вторых, данный проект нацелен на объединение российского общества – поиск одного из вариантов общенациональной идеи олимпиады. Так, на сайте «Олимпийские игры Сочи 2014 – блог олимпиады» можно принять участие в конкурсе

разработки талисмана, логотипа олимпиады, а также лучшего поста о том, как данное событие может повлиять на молодежь России, что одновременно свидетельствует и о попытке пропаганды здорового образа жизни в данной среде.

В-третьих, в рамках данного проекта пытаются возродить студенческое движение, под эгидой «Россия молодая», – привлечение студенческих строительных отрядов (хотя там и так принимают участие множество строительных компаний), перед которыми ставится опять же масштабная цель.

В-четвертых, организаторами олимпиады планируется данное мероприятие сделать одним самым культурным в истории олимпийских игр. Так, каждый последующий год (а их до олимпиады осталось 4) будет проходить под знаком одного из видов искусств: 2010 – год кино, 2011 – год театра, 2012 – год музыки, 2013 – год музеев. Подобное видение мероприятия говорит о его масштабности и желании выделиться даже из ряда подобных олимпийских игр. Об этом свидетельствует заявление вице-премьера Александра Жукова, согласно которому россияне "хотят во всем блеске и многообразии представить российское искусство, которое в мировом рейтинге давно и прочно занимает одну из ведущих позиций" и, конечно же, «видеть Сочи лучшим курортом мира» [Олимпиада в Сочи станет самой культурной в истории // На Кубани.Ру / <http://forums.kuban.ru/>]. Стоит также отметить, что подобное годовое тематическое планирование направлено и на поиск решения внутренних проблем общества - повышение культурного уровня российских граждан.

Таким образом, проект «Олимпиада 2014» направлен на укрепление в глазах как международной, так и российской общественности положительного имиджа крепкого государства, а также на поиск решения внутренних (идеологических, социальных, духовных и экономических) задач, которые стоят перед обществом.

Несколько иное мнение относительно одного и того же события мы находим у оппозиционно настроенной стороны, которая выдвигает свои контраргументы.

Одним из главных аргументов является то, что олимпиада 2014 станет самой дорогой в истории зимних игр. Дело в том, что подготовка к данному мероприятию обойдется России примерно в 950 миллиардов рублей, что «как минимум в пять раз превышает итоговые траты на Игры, прошедшие в этом году в Ванкувере» [Олимпиада в Сочи станет самой дорогостоящей в

истории зимних Игр // Грани.Ру / <http://grani.ru/>], в то время как в стране не все решены экономические проблемы.

Вторым аргументом – «рост до бесконечности расходов на подготовку к Олимпиаде и большие возможности для личного обогащения лиц, причастных к распределению и перераспределению бюджетных средств» [Ситуация с Олимпиадой в Сочи 2014 года складывается чрезвычайная - главу "Олимпстрой" ждет отставка? // REGNUM / <http://www.regnum.ru/>]. Об этом свидетельствуют письма депутатов Государственной Думы РФ, которых беспокоят непомерные аппетиты главного застройщика «Олимпстрой». Самым замечательным здесь становится то, что всем очевидно, что государство не может контролировать расходы застройщика, поэтому вынуждено безучастно смотреть на происходящее.

Третьим аргументом становится тот факт, что под строительство олимпийского комплекса выкупаются земельные участки у жителей Сочи по заниженной рыночной стоимости, в результате бывшие собственники не в состоянии купить себе жильё, что приводит людей к отчаянию, поскольку считают себя обманутыми, и крайним мерам – забастовкам и голодовкам.

Ну и четвертым аргументом является мнение Гринписа России. По замыслам застройщиков, спортивные комплексы планируются расположить на «территории Грушевого хребта, а также на части Кавказского государственного природного биосферного заповедника в районе горы Псеашха (то есть территории самого объекта всемирного природного наследия)» [Олимпиада - 2014 в Сочи. Мнение Гринпис // Greenpeace / <http://www.greenpeace.org/russia/ru/>].

В результате мы наблюдаем между официальными и независимыми источниками информационное противостояние, без использования каких-либо действенных информационно-психологических элементов. Так, одни стараются показать во всем великолепии развернувшуюся имиджевую кампанию, направленную на поддержание государственного статуса как в самой стране, так и за ее пределами. Поэтому в официальных СМИ пестреют репортажи о том, что сделано, что планируется. И все это выдержано в строго официальном стиле, как в советское время, но все же время от времени сквозит настойчивое внушение грандиозности замысла.

Вторые пытаются донести до общественности те социальные проблемы, которые возникают в рамках строительства

спортивного комплекса в Сочи.

Таким образом, мы видим, что в полемике с властью различные оппозиционные силы используют тему олимпиады как средство, по их мнению, помогающее выразительно проиллюстрировать выделяемые ими больные места в современной жизни российского общества. К ним прежде всего относятся: слабость и неэффективность действий власти, коррупция, недостаточное внимание власти к социальным проблемам простых граждан. Олимпийский проект в связи с повышенным вниманием со всех сторон, в том числе и международной общественности, оказывается весьма эффективным способом, по мнению оппозиционных сил, привлечения внимания к вышеназванным проблемам.

И все же, чтобы смягчить тот эффект, возникший в общественности в результате действий оппозиционно настроенных сил через СМИ, правительством в Интернет были запущены два официальных сайта- «Sochi 2014» и «Олимпийский игры Сочи 2014 – блог олимпиады», в которых представляются пошаговые операции строительства спортивных комплексов и транспортных развязок, отчеты и высказывания президента РФ и премьер-министра, а также их указания относительно социальных проблем, возникших вокруг олимпиады, - переселение жителей Сочи, чьи земельные участки оказались в зоне застройки, и сохранение уникальных кавказских заповедников. Более того, каждый посетитель сайта может высказать свое мнение на форумах, что опять же свидетельствует о важности общественного мнения для власти. Можно отметить, что правительство сейчас настроено на компромисс, скорее всего, даже на конструктивный диалог, в ходе которого возможно решить по мере нарастания социальные и не только проблемы.

© Тагильцева Ю.Р., 2010

Тарасенко Е.О.

Екатеринбург, Россия

АНГЛИЙСКИЕ АНЕКДОТЫ ОБ ИНОСТРАНЦАХ

Вопрос о взаимодействии народов, людей, языков является актуальным для нашего времени. Существует большое количество работ, посвященных проблемам межкультурной коммуникации. Изучением этой темы занимаются такие исследователи, как: Л.И. Гришаева, Л.В. Цурикова, О.А. Леонтович и многие

другие.

«Межкультурное общение представляет собой процесс коммуникативного взаимодействия между индивидами, являющимися носителями разных культур и имеющими свой собственный языковой код, ценностные установки, обычаи и традиции» [Гришаева, Цурикова 2004].

Каждый человек рождается в определенном социуме, он невольно становится носителем той культуры, которая его окружает. Он приобретает те же стереотипы, те же традиции, обычаи, привычки. В его сознании закрепляются образы, представления, которые со временем могут тем или иным образом трансформироваться, изменяться под воздействием других культур.

Довольно интересно наблюдать за тем, как человек относится к другой, «чужой» культуре. Наиболее ярко это отражается в пословицах и поговорках, афоризмах, анекдотах. В нашей статье мы подробно остановимся на вопросе: «Каково отношение англичан к иностранцам и к самим себе на материале анекдотов».

Следующий анекдот подчеркивает тактичность англичан и следование правилам хорошего тона даже в банальных, бытовых ситуациях, как, например, увольнение:

- *Some of the most tactful people on Earth are English. One office supervisor called a secretary in to give her the bad news that she was being fired. He started the conversation with: «Miss Symthe, I really don't know how we're going to get along without you, but starting Monday, we're going to try».*

Начальник вызывает к себе секретаршу и вместо прямого сообщения о том, что она уволена, максимально тактично пытается ей объяснить, что без нее компании придется трудно, но они все-таки попробуют.

Еще одной чертой, которая отразилась в анекдоте можно назвать точное соблюдение всех правил закона и точность. Анекдот описывает действия ирландского солдата (Северная Ирландия входит в состав Британских островов):

- *A 10pm curfew was imposed in Belfast. Everybody had to be off the streets or risk being shot. However one citizen was shot at 9.45pm. «Why did you do that?» the soldier was asked by his superior officer. «I know where he lives,» he replied, «and he wouldn't have made it».*

Солдат настолько уверен в своих расчетах, что готов

убить человека, еще не нарушившего закон, но «приближающегося» к этому.

Англичане народ законопослушный. Уважение к закону – это естественная черта их характера.

А в данном анекдоте подчеркивается точность англичан, причем это качество раскрывается в сопоставлении англичанина с сицилийцем:

- *What is the difference between a English actuary and a Sicilian actuary? An English actuary can tell you how many people are going to die next year. A Sicilian actuary can give you their names...*

Другой анекдот интересен тем, что у каждого народа есть свои культурные ценности, которые значимы для людей. Так для англичан символом стал Big Ben, для французов – Эйфелева башня, а вот для жителя Шотландии примечательным становится факт кражи часов, то есть по этому поведению он опознал свой народ:

- *Three guys are in a plane, lost in fog, and they don't know where they are. The first guy says «I'll find out» and puts his arm out the plane, then brings it back in and says «We're just over Paris». «How do you know» ask the others «Well I've just felt the top of the Eiffel tower». Later on the second guy tries and says «We just flew over London». «How?» asks the others. «Well I've just felt the top of Big Ben». Still later on the last guy tries it, puts his arm out the plane, and says to the others «We have just flown over Glasgow». «How do you know that?» comes the reply. «Because some bastard has just stolen my watch».*

К русским англичане относятся несколько иронически и отмечают склонность русских людей воспринимать все в прямом значении, то есть намек на незамысловатость народа, на неспособность переносить проблему с одной ситуации на другую:

- *At the Russian War College, the general is a guest lecturer and tells the class of officers that the session will focus on potential problems and the resulting strategies. One of the officers in the class begins by asking the first question, «Will we have to fight a World War Three?» «Yes, comrades, looks like you will,» answers the general. «And who will be our enemy, Comrade General?» another officer asks. «The likelihood is that it will be China.» The class looks alarmed, and finally one officer asks, «But Comrade General, we are 150 million people and they are about 1.5 billion. How can we possibly win?» «Well,» replies the general, «Think about it. In mod-*

ern war, it is not the quantity, but the quality that is the key. For example, in the Middle East, 5 million Jews fight against 50 million Arabs, and the Jews have been the winners every time.» «But sir,» asks the panicky officer, «Do we have enough jews?»

Во многих английских анекдотах отмечается набожность евреев, их стремление к лучшим условиям, которые они просят:

- *A journalist assigned to the Jerusalem bureau takes an apartment overlooking the Wailing Wall. Every day when she looks out, she sees an old Jewish man praying vigorously. So the journalist goes down and introduces herself to the old man.*

She asks: «You come every day to the wall. How long have you done that and what are you praying for?»

The old man replies, «I have come here to pray every day for 25 years. In the morning I pray for world peace and then for the brotherhood of man. I go home have a cup of tea and I come back and pray for the eradication of illness and disease from the earth».

The journalist is amazed. «How does it make you feel to come here every day for 25 years and pray for these things?» she asks.

The old man looks at her sadly. «Like I'm talking to a wall».

Даже на один и тот же вопрос люди разных культур реагируют неодинаково, каждый обращает внимание на то, что важно для них. На замечание опрашивающего: «Простите, каково ваше мнение насчет нехватки мяса?», каждый улавливает только ту информацию, которая важна для него:

- *A pollster was taking opinions outside the United Nations building in New York City. He approached four men waiting to cross the street: a Saudi, a Russian, a North Korean and a resident New Yorker. He asked, «Excuse me, I would like to ask you your opinion on the current meat shortage?» The Saudi replied, «Excuse me, but what is a shortage?» The Russian said, «Excuse me, but what is meat?» The North Korean replied, «Excuse me, but what is an opinion?» The New Yorker replied, «Excuse me, but what is 'excuse me?»*

Таким образом, мы видим, что у каждого народа свое представление о традициях и обычаях других народов. Анекдоты – это лишь малая часть, в которой мы видим отражение культуры того или иного народа.

ЛИТЕРАТУРА

Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: Учебное пособие. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. 424 с.

Леонтович О.А. Россия и США: Введение в межкультурную

коммуникацию. – Волгоград: Перемена, 2003. 399 с.

©Тарасенко Е.О., 2010

Теркулов В. И.

Горловка, Украина

**О ИДЕОЛОГИЗИРОВАННЫХ НАУЧНЫХ КОНЦЕПТАХ
(концепт «древнерусский язык»
в современном украинском языкознании)**

Определение политической лингвистики как «речевой деятельности, ориентированной на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [Чудинов 2003] является достаточно широким и позволяет рассматривать в ее пределах всю совокупность текстов, направленных на закрепление в обществе тех или иных идеологий. Политические тексты могут существовать не только в жанре публицистики, но и в художественной литературе, рекламе, фольклоре и т.д. Можно говорить о системе жанров политических дискурсов, среди которых немаловажное место занимает научный текст, в котором те или иные идеологические догматы получают реальное или мнимое научное подтверждение. Вполне очевидно, что это подтверждение становится наиболее весомым аргументом в пользу поддерживаемых наукой политических концепций в манипулятивных текстах.

Для определенной части украинского общества, в первую очередь – западноукраинского ареала, одной из важнейших идеологием является идеологема «Украина – не Россия». Её конституентами являются идеи о том, что: а) концепт Украина мелиоративен, а концепт Россия пейоративен, б) концепт Украина существует в пределах концептосферы «Запад», а концепт Россия – «Восток», в) идеологема «общая история Украины и России» – это история колонии и колонизатора. В связи с последним в научных школах, ориентированных на поддержку упомянутой идеологемы, осуществляется новая интерпретация научных концептов, формировавших изначально идею единства Украины и России. Одним из таких концептов является концепт «древнерусский язык». Его значимость состоит в том, что он констатирует изначальные, исконные общие корни двух народов. Особенная

важность в определении данного концепта как мнимого для некоторой части украинского научного сообщества мотивирована тем, что ею отстаивается тезис о том, что нация – это именно «языковое сообщество» [Касьянов 1999: 261]. В связи с этим, автономность языка признается достаточным условием для констатации автономности нации/народности. Если доказать, что древнерусского языка не существовало, можно доказать, что русские и украинцы никогда не существовали как единая народность.

Признавая факт существования единого древнерусского государства, сторонники теории мнимости концепта «древнерусский язык» утверждают, что «політична єдність держави ще не свідчить про її етнічну монолітність» [Зализняк]. По их мнению, Киевская Русь имела статус империи и объединяла разные народы, каждый из которых имел свой язык. Родоначальником этой доктрины был И. Огиенко, который утверждал, что «на славянском Востоке был не один украинский язык, но три языка: украинский, русский и белорусский, и все три они, оторвавшись от языка праславянского, возникли равнорядно одинаковым способом, и все они языки отдельные, самостоятельные» [Огієнко 2001].

Правда, как отмечал Н.А. Луценко, «осознание говорящими языкового или этнокультурного единства едва ли не всецело определяется наличием такой интерлокальной формы речи, какой является литературный язык» [Луценко 2003: 19]. Сторонники исключительности украинской нации вынуждены признать, что в древнерусском периоде существовал единый для восточных славян литературный язык – язык церковнославянский. Осознавая весомость этого факта, они «находят» контртезис, указывая, что этот язык был наддиалектным, а на разных территориях Киевской Руси существовали разные языки: «Народне мовлення в епоху Київської Русі являло собою сукупність багатьох близькоспоріднених, але виразно відмінних між собою діалектів, які не становили єдиної східнослов'янської мови» [Півторак]. Однако никаких свидетельств, подтверждающих это, не приводится.

Итак, утверждение мнимости концепта «древнерусский язык» относится к системе идеологизированной концептуализации. Это тот случай, когда научная интерпретация явления формируется под влиянием идеологемы. На наш взгляд, необходимо создать классификацию форм и методов идеологизированной научной концептуализации, описывающую базовые научные концепты, могущие быть использованные в политическом

дискурсе, методы их интерпретации и средства актуализации.

ЛИТЕРАТУРА

Залізняка Л. Від склавинів до української нації. ERL: http://ukrlife.org/main/prosvita/zalizr_5.htm.

Касьянов Г. В. Теорії нації та націоналізму. – Киев, 1999.

Луценко Н. А. К вопросу о концептуальном разграничении понятий «язык» и «диалект» // Актуальные вопросы теории языка и ономастической номинации. – Донецк, 1993.

Огієнко І. Історія української літературної мови. ERL: <http://phorum.sd.org.ua/read.php?6,2875> – 2001.

Півторак Г. П. Походження українців, росіян, білорусів та їхніх мов. ERL: <http://litopys.org.ua/pivtorak/pivt07.htm>

Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург, 2003.

© Теркулов В.И., 2010

Тинтин Лу

Пекин, Китай

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ, СМЯГЧАЮЩИЕ КОНФЛИКТ, В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Предметом данного исследования является политический дискурс в его частной разновидности – политическом диалоге. Цель настоящей работы заключается в выявлении прагматических специфик речевых актов в конфликтных ситуациях и механизма восстановления гармонических отношений при политической коммуникации.

Стратегии и тактики, смягчающие конфликт и восстанавливающие гармоничные отношения, чрезвычайно важны в политическом дискурсе. С одной стороны, разграничение «своих» и «чужих», создание образа «Мы – группы» через очернение противника – достаточно традиционный прием политической борьбы, вследствие этого неизбежно возникновение конфликтной ситуации в политической коммуникации.

С другой стороны, политик не может действовать в одиночку, вот почему нужна стратегия гармонизации. Для решения проблемы используются следующие тактики: тактика самооценки, тактика извинения-признания вины, тактика оправдания, разъяснения и убеждения, тактика обещания, тактика молчания, тактика откладывания. Грамотное использование тактик позволяет политике смягчать конфликты и гармонизировать ситуацию.

Токарева И.В.

Ханты-Мансийск, Россия

**ПОИСКИ ПОДЛИННОГО ЛИКА РОССИИ
В ТВОРЧЕСТВЕ Р.М. РИЛЬКЕ**

*«...Если бы я пришёл в этот мир как пророк,
я бы всю жизнь проповедовал Россию, как
избранную страну, на которой тяжёлая рука
Господа-ваятеля лежит как великая мудрая
отсрочка. Пусть эта страна испытает всё,
что ей причитается, тогда медленнее и яс-
нее свершится её судьба...»*

Р.М. Рильке

Проблема восприятия одной национальной культурой достижений и ценностей иной культурной традиции всегда является актуальной. Как западная культура стала активным фактором отечественного литературного процесса, так и русская культура на протяжении последних ста лет является источником, питающим творчество многих европейских писателей, в ряду которых находится и Р.М. Рильке. Вопрос о «русских истоках» поэтической образности Р.М. Рильке является одним из основных в современном «рилькеведении». На примере данной статьи мы попытаемся проследить развитие духовных исканий поэта и определить особенности подлинного лика России в творчестве Р.М. Рильке.

Р.М. Рильке (1875-1927) дважды был в России: весной 1899 года, когда он познакомился с Л. Пастернаком, И. Репиным, Л. Толстым, крестьянским поэтом С. Дрожжиным, М. Горьким и И. Бунинным, и в 1900 году (с 7 мая по 22 августа).

Во время первого путешествия Россия захватила молодого поэта своей удивительной духовной культурой и глубокой религиозностью. Вот как Рильке поясняет увлечение Россией в письме к Л. Пастернаку: «Теперь занимаюсь изучением русского искусства, русской истории и, конечно, Вашего прекрасного незабываемого языка... прямое следствие этих занятий то, что я чрезвычайно скучаю по Москве» [Пастернак 1994: 340].

Второе путешествие Рильке по России начинается с по-

сещения Ясной Поляны. Затем вместе с Лу Андреас-Саломе он плывёт на пароходе по Волге от Саратова до Ярославля через Симбирск, Казань, Нижний Новгород. В дневниковой записи от 31 июля 1900 года поэт так описывает свои впечатления от этого путешествия: «Быть на Волге, на этом спокойно катящемся море, быть дни и ночи, много, много дней и ночей... всё здесь измеряется другой мерой. Сразу понимаешь: земля – необъятна, вода – тоже нечто необъятное, и необъятно, прежде всего, небо... у меня такое ощущение, как будто я увидел работу творца». [Rilke 1993: 431] Вместе они посещают Казань, Троице-Сергиеву лавру (древнерусский монастырь, основанный в середине XVI века Сергием Радонежским), Ближние и Дальние пещеры Киево-Печёрской лавры (памятника архитектуры XI – XVIII веков):

Тебе в наследство и Казань, и Рим,
Флоренция с Венецией, а к ним
И Лавра Троицкая, и тот монастырь,
Что в Киеве разросся вглубь и вширь.
Уйдя под землю в сумрак богомольный.
Тебе в наследство град первопрестольный»

[Рильке 1999:240]

К этому периоду относится ряд произведений – результат путешествий поэта по России: серия небольших рассказов «О господе боге и другое» (1900) и поэтический сборник «Часослов», состоящий из трех книг: «о монашеской жизни», «о паломничестве», «о бедности и смерти» (1905). В этих произведениях, коротких, но содержательных, носящих философский характер, поэт демонстрирует необычайно глубокие знания о России, начиная с исторических фактов и заканчивая деталями быта и интерьера.

В цикле «О монашеской жизни» – первой части сборника «Часослов» – здесь тема путешествия в Россию звучит в завуалированной форме. Эта книга в стихах – монолог монаха, беседующего с богом. В центре находится идея бога. Однако образ бога у Рильке своеобразен. Он пишет не о боге определённой религии, а о боге вообще, как о “символе иррационального бытия” [Азадовский 1994: 294]. Несомненным является тот факт, что предметность данного произведения вызвана глубоким резонансом от увиденного в России, её религиозностью, величием российских храмов и чистым перезвоном её церквей.

«Просторы России, знакомство с русской литературой, с

русскими художниками, своеобразие русской православной церкви – всё это открыло шлюзы для глубокой и мощной реки гения Рильке». [Пиккель 1995: 5] Он увидел Россию православную, Россию терпеливую и смиренную, Россию паломников и богомольцев, которая, предстаёт перед нами во второй книге «Часослова» – «Книге о паломничестве»:

На богомолье. И всей толпою поднялись:
Поклоны бью брадатые мужчины,
И стягивают дети с плеч овчины,
И на реку спешат, полны кручины,
Молчальницы, чья родина – Тифлис.
По-мусульмански чтут они Христа,
По-христиански ожидая чуда;
Вода в ладони входит, как в сосуды,
И, чистая, вливается в уста.

[Рильке 2000: 65]

Русские темы, столь существенные для «Часослова», играют заметную роль и в новой книге «Книге образов» (1902). Примером тому служит цикл стихотворений «Цари». Этот цикл сложился в 1899 году и был завершён в 1906 году в Париже. «Цари» интересны нам, с одной стороны, тем, что связаны с поиском подлинного лика России, с другой стороны, обращением к созданию художественного мира русских былин, что явилось своего рода их популяризацией в западной культуре. Необычайно выразительно и поэтично в этом цикле изображается Илья Муромец:

...Два странника призвали божье имя,
И, хворость одолевши, перед ними
Встал богатырь из Мурома, Илья.
...Но взрослый сын воспрянул, вышел в поле
И в борозду вогнал тяжёлый плуг.
Он вырывал деревья, что грознее
Бойцов стояли твёрдо сотни лет,
И тяжесть поднимал, смеясь над нею,
И корни извивались, точно змеи,
Впервые видящие свет.

[Рильке 2000: 131].

Точкой наибольшего сближения Рильке с Россией являются восемь стихотворений, написанных по-русски. Темы этих стихотворений – Россия, одиночество, образ бога. В них идеал жизни и человека:

Родился бы я простым мужиком,
То жил бы с большим просторным лицом:
В моих чертах не доносил бы я,
Что думать трудно и чего нельзя сказать...

В этих строчках, несмотря на видимые ошибки в грамматике, некоторые языковые неточности средств выражения, чувствуется поэзия, отголоски русской душевности и теплоты, возымевшие влияние на Рильке в результате его поездок по России.

Известно намерение поэта посетить Россию в третий раз. В письме к Кларе Вестхоф 1900 году поэт сообщал о своём намерении следующее: «В январе 1901 года я снова уеду в Россию. Там для меня странным образом упрощаются все черты жизни, и всё становится яснее, там мне легче работать, улучшать, добавлять». [Рильке 1994: 305]. Однако третья поездка в Россию не состоялась в силу определённых обстоятельств.

Следует отметить, что особое место в творчестве Рильке занимает статья «Основные тенденции в современном русском искусстве» (1900), в которой, поэт подтверждает значимость русской литературы во всём мире, оригинальность и уникальность русского изобразительного искусства, пытается дать ответ на вопросы: каковы тенденции развития русского искусства, чем они вызваны. Рильке, изучая жизнь русского человека, совершает попытку понять суть происходящих явлений – основу возникающих тенденций. Он пишет: «Жизнь русского человека целиком протекает под знаком склоненного чела, под знаком глубоких раздумий, после которых любая красота становится ненужной, любой блеск – ложным. Он поднимает свой взгляд лишь для того, чтобы задержать его на человеческом лице, но в нём он не ищет гармонии и красоты. Он стремится найти в нём собственные мысли, собственное страдание, собственную судьбу и те глухие дороги, по которым прошли долгие бессонные ночи, оставив эти следы. Русский человек в упор рассматривает своего ближнего; он видит его и переживает и страдает вместе с ним, как будто перед ним его собственное лицо в час несчастья» [Рильке 1994: 311].

Погружение в изучение русского искусства у Рильке произошло настолько глубоко, что поэт может детально описать отличия русской иконы от итальянской иконы алтарного образа. Русская икона, как считает Рильке: «...является церковным атрибутом, как золотой сосуд или древняя молитва. Её форма

традиционна. Столетия внесли в неё лишь самые незначительные изменения». [Рильке 1994: 315]. Однако он отрицает тот факт, что будто бы этот вид живописи не развивался, ведь русская церковь всегда жила своей жизнью. «Она живёт бесконечно тихой, бесконечно медленной жизнью, родственной внутренней жизни самого народа, душа которого наливается силой не как цветок – одногодок, а как дерева, чей рост замечаешь лишь тогда, когда расстаёшься с ними ребёнком, а возвращаешься стариком». [Рильке 1994: 315] И это является бесспорным фактом современности – проявление восторга и необыкновенного интереса к русским иконам со стороны ценителей мировых культурных памятников.

Описывая развитие русского искусства, Раймонд не забывает сказать несколько слов о древних промыслах, которые и поныне живут в русском народе – художественной вышивке на полотенцах и одежде, росписи деревянных и пр. изделий. Народное творчество в русском искусстве вызывает необыкновенный восторг автора. Поэт приходит к выводу о том, что русская душа пытается выйти к искусству: к большому искусству, этому пониманию способствуют личные контакты Рильке с представителями русской интеллигенции, среди которых: А.Н. Бенуа, В.В. Голубев, С.В. Дягилев, и заочное знакомство с М. Цветаевой и Б. Пастернаком, которое произошло в 1926 году, когда началось эпистолярное общение с молодыми русскими поэтами. Поэзия как высшее духовное начало, проявляющееся во времени через его «носителей» – поэтов, становится одной из главных тем в этой переписке. Все трое пишут об изначальном, что способно возрождаться в поэтах «через времена». Узнав от Л.О. Пастернака, что Рильке помнит о нём и следит за его литературными успехами, Б. Пастернак отправил ему большое письмо по-немецки. Пастернак пишет Рильке о поэте, «который вечно составляет содержание поэзии и в разные времена, именуется по-разному». [Рильке 2000: 54] В свою очередь Р.М.Рильке ответил Б. Пастернаку следующим коротким письмом: «Вы дали мне увидеть и почувствовать всё то, что Вы так чудесно приумножили в себе самом. В том, что Вы способны отвести мне столь значительное место в Вашем духовном мире. Сказывается величие вашего щедрого сердца. Да снизойдёт всяческое благословение на вашу жизнь...» [Рильке 2000: 106] Из этого же письма мы узнаём о том, что Б. Пастернак заочно познакомил Р. Рильке с М. Цветаевой. Подхватывая эту тему, Раймонд Мария

Рильке ответил М. Цветаевой известным лирическим четверостишием на форзаце «Дуинских элегий»:

«Касаемся друг друга. Чем? Крылами.
Издаেকে своё ведём родство.
Поэт один. И тот, кто нёс его,
Встречается с несущим временами...»

[Рильке 2000: 83].

В приведённых строках – образ всадника, символизирующий двуединство поэзии и природы. М. Цветаева откликается на эти строчки признанием: «Вы – явление природы, Вы – воплощённая пятая стихия: сама поэзия, или Вы – то, из чего рождается поэзия и что больше её самой – Вас» [Рильке 2000: 84].

Впоследствии Р.М. Рильке посвятил два стихотворения М. Цветаевой. Первое – «Элегия»:

«О, утраты вселенной, Марина, звёздная россыпь!
Мы не умножим её, куда мы не кинься к любому
В руки созвездью, а в общем-то, всё сочтено...»

[Рильке 1999: 412].

Приведённый отрывок «Элегии» к М. Цветаевой, как и письмо к Б. Пастернаку подтверждают оживлённую переписку поэтов друг с другом и постоянный, взаимный, творческий интерес.

Смерть Р.М. Рильке глубоко потрясла русских поэтов. М. Цветаева написала реквием в стихах «Новогоднее», позже перевела несколько писем Р.М. Рильке, сопроводив их необходимым комментарием. В «посмертном» письме она сообщала: «...Не хочу перечитывать твоих писем, а то я захочу к тебе – захочу туда, – а я не смею хотеть, – ты ведь знаешь, что связано с этим «хотеть»...», и далее: «не смей грустить! Сегодня в полночь я чокнусь с Тобой. (Ты ведь знаешь мой удар: совсем тихий!) Любимый, сделай так, чтобы я часто видела тебя во сне – нет, неверно: живи в моём сне. Теперь ты вправе желать и делать... С Новым годом и прекрасным небесным пейзажем!» [Рильке 2000: 222]

Двое – Б. Пастернак и М. Цветаева в жизни были лишь бегло знакомы. Р.М. Рильке, с чьей смертью прервалась эта переписка, никогда не встречался со своими младшими корреспондентами. Однако это не помешало их удивительным письмам быть высочайшим образцом лирического порыва, преодолевающего пространство и границы и, как луч света, освещающего их гениальную художественную одарённость, открытость и

стремление друг к другу.

Таким образом, путешествия по России, изучение её культуры и обычаев, знакомство с русскими художниками и поэтами позволили Рильке создать «свою» Россию, которая предстала перед ним страной с огромным потенциалом: с народом – художником, народом-созерцателем и великим будущим; где он, как ему казалось, нашёл то, чего ему не доставало на Западе. Среди народа, ставшего ему родным и близким, он сполна ощутил своё призвание – поверил в свою поэтическую миссию, осознал в себе качества, которые считал необходимыми предпосылками творческого состояния: набожность, терпеливость, смирение.

ЛИТЕРАТУРА

Азадовский К., Чертков Л. Русские встречи Рильке // Р. М.Рильке. Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи. – М., 1994.

Пастернак Л.О. Встречи с Р.М. Рильке // Р. М.Рильке. Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи. – М., 1994.

Пиккель М.В. Предисловие переводчика // Рильке Р.М. Часослов. – Архангельск, 1995.

Rilke R.M. Lou Andreas-Salome. Briefwechsel. Fr. am Main, 1993

Р.М.Рильке. Книга Образов. – СПб., 1999.

Р. М.Рильке. Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи. – М., 1994.

Р. М. Рильке. Часослов. – М., 2000.

Рильке Р.М. Дыхание лирики. Переписка с М. Цветаевой и Б. Пастернаком. – М., 2000.

© Токарева И.В., 2010

Уфимцева О.В.

Екатеринбург, Россия

ИМИДЖ РОССИИ В СМИ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ

В современных условиях способность государства влиять на внешнюю внутреннюю общественность силой идей и целенаправленных информационных потоков приобретает особую актуальность. Наряду с государственными приоритетами (такими, как инновации, инвестиции, инфраструктура) особое место занимает имидж как условие стратегического развития государства, способ необходимой и успешной защиты интересов страны и

её граждан, обеспечение поддержки внутренней и внешней политики, как одно из условий социальной безопасности

По мнению Э.А. Галумова: «Имидж (образ) страны – комплекс объективных взаимосвязанных между собой характеристик государственной системы (экономических, географических, национальных, культурных, демографических и т.д.), сформировавшихся в процессе эволюционного развития российской государственности как сложной многофакторной подсистемы мирового устройства, эффективность взаимодействия звеньев которой определяет тенденции социально-экономических, общественно-политических, национально-конфессиональных и иных процессов в стране. Это – база, определяющая, какую репутацию приобретает страна в сознании мировой общественности в результате тех или иных действий ее субъектов, взаимодействующих с внешним миром» [Галумов 2003].

Таким образом, имидж государства – это мнение о данной стране у группы людей на основе сформированного у них образа этой страны, возникшее вследствие либо прямого контакта, либо в результате информации, полученной о ней от других людей как совокупность представлений о стране в основных сферах её жизнедеятельности-политической, социальной, экономической, экологической, научной, культурной, спортивной.

Внешний имидж государства создается через бизнес отношения, путём культурного обмена, с помощью СМИ. На создание имиджа огромное влияние тот образ, который формируется в информационных источниках и зарубежных средствах массовой информации.

Однако большое значение на формирование имиджа оказывают стереотипы, существующие в массовом сознании жителей разных государств и широко распространяемые зарубежными средствами массовой информации.

Основные темы, по которым строится в последнее время, особенно в западных СМИ, освещение событий в России: вопросы прав человека и свободы слова, личность российского президента и премьер-министра, «силовые» тенденции в развитии российского государства, «энергетического оружия, используемого в политических целях», смена власти после президентских выборов, проблемы ксенофобии и расизма, ситуация на Северном Кавказе в целом, деятельность российских спецслужб. «Остается глубокая убежденность в том, что мировые

СМИ намеренно занимаются «очернительством» в отношении российской тематики» [Зегонов 2007].

Международный имидж России в различные эпохи был чаще негативным, чем позитивным. С данным государством ассоциировались агрессия, военно-полицейский режим, культурная отсталость и т.д. В досоветский период Россию представляли как «тюрьму народов» и «жандарм Европы», в советский период она стала «империей зла», в постсоветский период – царством нищеты, коррупции и преступности. Сегодня получают распространение новые стереотипы. Так, например, на постсоветском пространстве Россия предстает как внешняя угроза, как чуждая сила, уже однажды нарушившая нормальное развитие «коренных народов», нанеся огромные ущербы репрессиями, русификаторской политикой и т.д. [Киселев 2000].

Не так давно Саймон Анхольт, советник британского правительства по вопросам национального брендинга и автор проекта Anholt Nation Brands Index, констатировал, что сейчас Россия на Западе выглядит так: «Энергетический шантажист, агрессор с имперскими замашками, держава, которую до сих пор ассоциируют с коммунизмом, страна, где много снега и плохих дорог, где процветает криминал, а реальным правителем является не президент, а премьер со шпионским прошлым. Наряду с матрёшкой, балалайкой и медведями главные бренды РФ – автомат Калашникова и коктейль Молотова» [<http://www.adme.ru/kreativnyj-obzor/kreativnyj-obzor-obraz-rossii-v-zarubezhnoj-reklame-19699>].

По мнению специалистов East-West Communications, коммунистическое прошлое негативно влияет на имидж постсоветских стран. Поэтому, считают они, одна из задач России сегодня — продемонстрировать международной общественности, что прошлое осталось в прошлом, а страна успешно движется в будущее по своему уникальному пути [<http://www1.Voanews.com/Russian/news/>].

Анализируя западную прессу, З. Данаева отмечает, что позитивные и нейтральные сюжеты чаще всего мелькают на европейских каналах, в частности на нидерландских и немецких. А вот в телепрограммах США, Великобритании, всемирных каналов присутствуют в основном криминальные сюжеты, героями которых являются «голодные попрошайки» в переходах или люди без определенного места жительства [Драгачева 2006].

При этом необходимо отметить, что одной из причин формирования негативного внешнего имиджа России являются публикации во внутренних изданиях страны. В большинстве случаев, как утверждает О.С. Драгачева, ведущие мировые издания Запада черпают информацию о России в основном из российских СМИ. «Последние же, если они объективно отражают реальность, подчас при всем желании не имеют возможности поднять планку имиджа ввиду отсутствия реальных фактов. Реформы в здравоохранении, образовании, пенсионном обеспечении не имеют конкретных положительных результатов. А социологические цифры позволяют сравнивать Россию с развивающимися странами Азии, Африки и Латинской Америки. Оспорить их крайне затруднительно, поскольку по доходам, социальному обеспечению, доступности качественного медицинского обслуживания российские граждане действительно занимают не лучшее место» [Драгачева 2006]. При этом западные СМИ преподносят информацию в искаженном виде, поскольку заинтересованы поставленной перед ними целью – показывать Россию как государство слабое в военном, экономическом отношении, государство, нарушающее международные нормы права и морали, а также права человека. В структуре повестки дня периодических изданий, информационных программ на российском телевидении (каналы – Первый, Россия, а особенно НТВ) тревожные сообщения о проблемах в стране занимают существенный объём по отношению к остальной информации. Вместе с недостатком позитивной информации СМИ больше внимания уделяют проблемам имиджа отдельных политиков, а не стране в целом.

Необходимо отметить, что имидж России формируется в конкурентной среде, где позиции нашей страны оказываются уязвимыми как в силу сохраняющегося пока отставания в сфере информационных технологий, так и в силу преобладания западывающей реакции на выступления оппонентов, критиков и откровенных недругов России, стремящихся создать и закрепить негативные представления о стране и ее лидерах в мировом общественном мнении [Драгачева 2006].

При этом необходимо отметить, что большое влияние на формирование внешнего имиджа оказывает аспект восприятия страны гражданами государства. Позитивный имидж государства в глазах его граждан способен усилить самосознание людей и способствовать устойчивому развитию страны. Для того чтобы

сформировать привлекательный образ России, необходимо самой России сделать привлекательной в глазах её же граждан.

ЛИТЕРАТУРА

Галумов Э.А. Международный имидж России: стратегия формирования. – М., 2003.

Данаева З. Имидж страны. Страновой брендинг. URL [//www.zakon.kz](http://www.zakon.kz)

Драгачева О. С. Внешнеполитический имидж государства и его лидера: технологии формирования и позиционирования: диссертация ... канд. полит. наук : 23.00.02. – М., 2006.

Зегонов О.В. «СМИ vs Россия»: возможен ли диалог? // Текст доклада на Интернет-конференции Алтайской школы политических исследований «Современная Россия и мир: альтернативы развития (Международный имидж России в XXI веке)». 2007. 2 апреля – 30 июня. URL: [//www.ashpi.asu.ru](http://www.ashpi.asu.ru).

Киселев И.Ю. Политических истеблишмент: психологические аспекты практики властвования. – М.: ИП РАН, 2000.

© Уфимцева О.В., 2010

Филипацци М.

Флоренция, Италия

РОССИЯ ГЛАЗАМИ ИТАЛИИ: ОБЗОР ОСНОВНЫХ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ

С момента распада СССР до сегодняшнего дня российская действительность не находит должного понимания за рубежом. Эта проблема затрагивает все западные демократии, в целом критически настроенные по отношению к Москве и часто далекие от понимания ее внутренних проблем, а потому склонные формулировать суждения о ней исходя из привычных клише, природа которых коренится в истории самих этих стран.

В задачи автора не входит дать ответ на эту проблему, а лишь передать фактическую картину того, что пишут наиболее крупные итальянские печатные издания о России, чтобы попытаться составить образ этой страны, каким его рисуют средства массовой информации.

Выводы преимущественно основываются на некоторых положениях, в которых сходятся печать и общественное мнение Италии:

1 – Горбачевское наследие. Образ пожилого советского лидера до сих пор не померк на западе и продолжает оставаться

ся важной фигурой в несравнимо большей степени, чем в самой России. Обычно в Горбачеве и перестройке усматривают возможную альтернативу «жестоким 90-м годам», некий иной и, по всей видимости, лучший путь, чем тот, по которому в действительности пошла Россия.

2 – Ельцинская демократия. В отношении первого лидера Российской Федерации в Италии господствует неоднозначное суждение, в котором, подобно сложному историческому узлу той эпохи, сплетены вместе очевидные противоречия: с одной стороны, Ельцину не могут простить дикий капитализм, в пучину которого он толкнул страну и тем самым породил олигархию, с другой стороны, вызывает симпатию бунтарский и демократический дух, отличавший период его правления. В пользу Ельцина говорит прежде всего образ стоящего на танке народного лидера, который в августе 1991 года возглавил борьбу против путчистов.

3 – Путинская Россия. Бывшего президента России критикуют главным образом за произошедший поворот к авторитарному стилю правления, за культ силы и манипулирование средствами массовой информации с целью расположить к себе и дезинформировать российское общественное мнение. К этому добавляются особые дружеские отношения с Берлускони, которые часто играют на руку политическим противникам итальянского лидера, использующим их для нападок на него: на Берлускони довольно часто падает тень из-за многочисленных обвинений бывшего российского президента в попрании гражданских свобод и прав человека.

На основе этих базовых суждений выстраивается достаточно негативный образ России, в котором оценка страны снизилась прямо пропорционально усилению роли России в международной сфере и ее возвращению к статусу великой державы, поскольку помимо ассоциаций с советским прошлым она в Италии вызывает сомнения и относительно своего демократического настоящего.

Заключение, к которому мы пришли, состоит в том, что в сегодняшней итальянской печати, за весомым исключением газеты «Стампа», царят априорные, часто поверхностные и не всегда выверенные суждения о России. Благодаря им складывается такое представление, что произошло ни что иное, как восстановление прежнего государства с его международными амбициями, только под новой личиной, которое, подобно совет-

ской или даже царской России, по сути инертно и неспособно к гражданскому и социальному прогрессу.

В действительности это суждение является весьма спорным, как с точки зрения прямого наблюдателя, так и с точки зрения историка, изучающего Россию.

© Филипацци М., 2010

Филипацци Ю. А.

Екатеринбург, Россия

РОССИЯ И РУССКИЕ В ИТАЛЬЯНСКИХ ТЕАТРАЛЬНЫХ ПЬЕСАХ

Тема России, хоть и узко, но все же находит свое отражение в современном театральном творчестве Италии. Исследование пока только одной библиотеки сценариев – собрания пьес театральной компании «Антинати» – www.gliantinati.it – состоящей из 2197 наименований, позволило выделить ряд сценариев, в которых можно было ожидать упоминания о русских или России. В целом, в пьесах, не связанных с Россией, слово «Россия» встретилось нам в следующих тематических контекстах: а) персонаж – представитель старшего поколения – воевал в России во время второй мировой войны; б) итальянские обыватели рассуждают на тему, будет ли третья мировая война по вине американцев и русских, в) если начнется массовое клонирование человека, то детей будут обозначать цифрами, например, Паскуале I, Паскуале II, Паскуале III, как русских царей. В той же библиотеке мы нашли пьесу Карло Гольдони «Один из последних вечеров карнавала» (дата первой постановки на сцене – 1762 год), в которой заочно фигурирует исторический аналог России – Московия – далекая страна, в которую должен отправиться главный герой: его приглашают уже работающие там венецианские ткачи расписывать их ткани. Образ России складывается из косвенных указаний: поскольку приглашение адресовано строго определенному лицу в силу его профессиональных заслуг, создается образ развитого государства, нуждающегося в квалифицированных специалистах, а тот факт, что не только сиор Андзолетто, но и его возлюбленная, а также ее отец, владеющий хорошо поставленной торговлей в Венеции, решают без страха отправиться в Московию, заставляет предполагать, что предложение было выгодным, а страна казалась цивилизованной.

На данный момент мы обнаружили лишь один сценарий, в котором в качестве действующего лица участвует русская женщина, а также его продолжение, в котором подхватывается тема русской женщины, но она сама в пьесе участия не принимает. Тема пьесы является остро сатирической и представляет собой, видимо, реакцию на массовую иммиграцию славянских женщин в Италию в 90-е годы в поисках легкого заработка и личного счастья. В пьесе Камилло Виттичи «*Ci son cascato come un pollo*» ('попал как кур во щи') действие разворачивается в доме престарелых. Садовник Алессандро женился на молодой русской женщине по имени Маруска, которая «сбежала из России, где все умирали от голода. Не было ничего, кроме помидоров и кабачков». Он говорит, что ему очень повезло, так как он никогда не мог завязать отношения с женщинами. Алессандро изображен олухом, не сумевшим жениться на соотечественнице из-за своего незавидного социального положения, из которого женила на себе русская проститутка, нуждавшаяся в итальянском паспорте. Муж не подозревает о подлинной деятельности супруги, так как ее рассказ полностью построен на двусмысленностях. Маруска просит его устроить судьбу ее сестры-близнеца – Галины Сбатилловой, выдав ее фиктивно замуж за кого-нибудь из постояльцев дома престарелых. Автор не церемонится с героиней: ее имя Галина в речи северной Италии означает «курица», Сбатиллова (с ударением на «о») – «взбей яйца»: любой комический прием хорош, чтобы максимально снизить образ. Показывая хитрость и цинизм русской девушки, автор не щадит и своих соотечественников-мужчин: жертва обмана Нандо несколько не сомневается в том, что обязан успехом своему неотразимому латинскому шарму, несмотря на немолодой возраст.

С этой незамысловатой комедией перекликается другая – «*Concorso a premi*» ('розыгрыш приза') Джованни Де Молинер, в которой, правда, в неприглядной роли выступает уже не русская, а украинская девушка (что с точки зрения итальянцев почти одно и то же): «Грация Черви балансирует на грани нервного срыва с тех пор, как ее муж, Марио Маркато, благополучно вышел на пенсию. Его единственное занятие теперь – целыми днями смотреть по телевизору реалити-шоу, ток-шоу и прочие шоу. Когда Марко выиграл конкурс, приз в котором заключается в том, что он на весь день должен принять у себя в гостях украинскую старлетку Галину, Грация понадобится вся ее решительность, чтобы разрешить эту ситуацию, чреватую непредвиден-

ными последствиями». Шоу оказывается фальшивым, вместо телезвезды домой к Марио попадает девушка, подобранная на улице, вероятно, на панели, с помощью которой пара проходимцев пытается обобрать его на три тысячи евро. Здесь также образ девушки снижается за счет сравнения ее с курицей: когда девушка вместо обещанного шоу с трудом выдавливает из себя какие-то непристойные стишки, демонстрируя отсутствие голоса и слуха, все присутствующие говорят, что она не Кочимилова, а Спеннакьятова – «ощипанная». Синьора Грация требует, чтобы проходимцы убирались вон вместе со своим «пернатым животным».

Любопытно, что в обоих случаях авторы ввели в произведение представителя старшего поколения – ностальгирующего коммуниста: в пьесе Виттичи это свекр-большевик, передвигающийся по дому на кресле-каталке, а в пьесе Де Молинер – старик Ческино, воинствующий антиклерикал, который в своей комнате в доме престарелых вместо распятия повесил красное знамя с серпом и молотом, а на стенах развесил портреты Ленина и Сталина. На голове у последнего – меховая шапка, часто дополняющая образ влюбленного в Россию коммуниста. Функция обоих персонажей – употребить как можно больше слов связанных в массовом сознании с красной Россией: «верховный совет», «капиталистический враг», «контрреволюционер», «коммунизм», «гулаг», «интернационал». Ни тот, ни другой не имеют никакого отношения к происходящим событиям, а словно бы создают сатирическую декорацию, исходя из принципа народного итальянского юмора, что раз уж зашла речь о России, то можно валить все в одну кучу, потому что «чем больше всего, тем смешнее».

© Филипацци Ю. А., 2010

Хренова А. В.

Новокузнецк, Россия

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ОБРАЗНЫХ ПРИЗНАКОВ КОНЦЕПТОВ
ПРЕЗИДЕНТ И PRESIDENT
В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ КАРТИНАХ МИРА**

Когнитивная лингвистика рассматривает язык в качестве инструмента организующего и передающего информацию. При этом анализ концептуальной и эмпирической основы лингвисти-

ческих категорий приобретает особую значимость: формальные структуры языка не рассматриваются как отдельные единицы, но как проявления общей концептуальной организации, механизмы переработки и представления информации [Geeraerts and Cuusckens 2007: 3]. Большое внимание в рамках когнитивной лингвистики уделяется метафоре, поскольку, если когнитивная лингвистика – это наука о связи языка и когнитивной деятельности человека, то метафора в этом случае будет служить подтверждением существования данной связи: невозможно рассматривать метафору, не учитывая особенностей восприятия и понимания окружающего мира [Grady 2007: 188].

Как пишет А.П. Чудинов, «в соответствии с представлениями когнитивной лингвистики в основе метафоры лежат не значения слов и не объективно существующие категории, а сформировавшиеся в сознании человека концепты» [Чудинов 2001]. В понимании концепта мы придерживаемся определения, предложенного М.В. Пименовой в рамках лингвокультурного подхода: «концепт – это совокупность признаков, представляющих фрагмент мира или часть такого фрагмента», обладающий определенной концептуальной структурой [Пименова 2002: 131]. В данную структуру входят мотивирующие, понятийные, образные, ценностные и символические признаки. Описание образных признаков предполагает рассмотрение именно концептуальных метафор [Пименова 2007: 14-17].

В своей книге «Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры» А.П. Чудинов предлагает классификацию политической метафоры в русском языке, исходя из их различных сфер-источников образования. Основываясь на данной классификации, можно провести сравнительный анализ образных составляющих таких базовых концептов политического дискурса, как *президент* и **president** в русской и английской концептосферах, использующихся для обозначения социального статуса и определенного вида деятельности.

В результате анализа газетных публикаций становится возможным выявить, что, главным образом, для концептов *президент* и **president** характерны социальные и артефактные признаки. Однако значительно различается процентное соотношение моделей внутри данных категорий. В русском языке наблюдается практически равное соотношение спортивных (32%), милитарных (28%) и театральных (24%) метафор, содержащих

концепт *президент*. В английском языке бесспорно преобладают милитарные метафоры (63,1%), далее идут спортивные (23,6) и театральные метафоры (5,2%). Таким образом, на данном этапе представляется возможным определить более высокую степень милитаризованности концепта *president* по сравнению с концептом *президент*, что вероятнее всего связано с последними событиями в политической сфере США, теми функциями, которые выполняет президент, и тем, как проецируется концепт *president* в сознании американцев. Метафора механизма чаще встречается в русском языке, что связано с наследованием советской доминантной системы отношений между государством и человеком.

ЛИТЕРАТУРА

Пименова М.В. Душа и жизнь: особенности концептуализации // Филологический сборник [Отв. ред. М. В. Пименова] – Кемерово: Комплекс «Графика», 2002. Вып. 2. С. 130-135.

Пименова М.В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ: монография // Серия «Концептуальные исследования». – Кемерово: КемГУ, 2007. Вып. 9. 500 с.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm#140>.

Geeraerts Dirk and Hubert Cuyckens Introducing Cognitive Linguistics // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics. – Oxford University Press, 2007. Pp. 3-21.

Grady Joseph Metaphor // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics. – Oxford University Press, 2007. Pp. 188-213.

© Хренова А.В., 2010

Христолюбова Л.В.

Екатеринбург, Россия

ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В АСПЕКТЕ ПРИНЦИПОВ КОММУНИКАТИВНОЙ КОНВЕНЦИИ (по данным фразеологии)

Речевое поведение, являясь средством передачи социального опыта, играет особую роль в соблюдении социальных норм поведения, которые выражаются в совокупности идеалов, нравственных норм, обычаев, традиций. Социальные нормы выступают как алгоритмические предписания и стратегии поведе-

ния, своеобразные средства ориентации социального поведения отдельной личности или общности. Речевое, коммуникативное поведение субъекта в данном социуме подчиняется определенному набору правил, конвенций, допущений, предположений и других компонентов культуры, которые подвижны и плохо поддаются перечислению и описанию (И.П.Сусов). Понимая по конвенциональностью социальное измерение регулярных человеческих действий, имплицитную систему правил, ожиданий и поведения, можно предположить, что в устойчивых единицах с семей речи явно отражаются конвенциональные принципы общения. От этических норм последние отличаются тем, что действуют в зависимости от ситуации общения, опираются не на моральные или этические ценности, а на фоновые требования к коммуникации, которые способствуют взаимопониманию общающихся сторон (В.З. Демьянков).

В русской фразеологии отражаются следующие конвенциональные принципы, соблюдаемые или нарушаемые партнерами по речевому общению: открытость/откровенность речевого поведения (*открывать душу, распахивать душу, положить руку на сердце, по душам*); отсутствие открытости (намеки, секреты, недоговаривание) (*закидывать слово, играть в загадки, с глаза на глаз, по углам*); принцип демократичности общения и его нарушение (*находить общий язык, на равных, вбивать в голову*); принцип определенности речевого поведения (целенаправленность, разумность, ясность позиций коммуникантов) и его нарушение (многословие, запутывание речевой ситуации) (*точить лясы, разводить тары-бары, мутить воду, с ног на голову поставить*) и др.

Характеристика речевого поведения коммуникантов зависит от соблюдения ими этических или конвенциональных норм общения. Риторическим впечатлением (образом), создаваемым партнерами общения, определяется взгляд на позицию в коммуникативном акте, которую можно назвать ролью и вывести из прагматического потенциала русских фразеологизмов, характеризующих речь.

Если признать фактом то, что язык многократно отмечает, активно характеризует те стороны речевого поведения, которые в большей степени свойственны национальному самосознанию, то, по данным русской фразеологии, наиболее значимыми, самонапряженными являются искренность, правдивость, доброжела-

тельность, открытость/откровенность, сдержанность, определенность в высказываниях.

Лишь в единичных фразеологизмах зафиксирована характеристика таких сторон коммуникативного акта, как доносительство (*висеть на ухе*), мстительность (*в отместку, держать камень за пазухой*), очевидная подлость (*подложить свинью*), упрямство (*на козе не подъедешь*), хвастовство (*набивать себе цену*), обман (*вешать лапшу на уши*), верность данному слову (*держат слово, господин своему слову*) и др.

Оценка речевого поведения коммуниканта и его роли, как показывает текстовый анализ, во многом зависит от ситуации общения, от соблюдения меры в речевом взаимодействии, от признания принципов коммуникативной конвенции.

© Христолюбова Л.В., 2010

Цонева Л.М.

Велико-Тырново, Болгария

ИМЕНА РОССИЙСКИХ ПОЛИТИКОВ В БОЛГАРСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Русско-болгарские связи – политические, религиозные, культурные, языковые – имеют многовековую историю, а периоды тесной дружбы между двумя государствами и народами чередуются периодами охлаждения отношений. Такой период открытого неприятия всего русского – 90-ые гг. XX в., время кардинальных перемен политических, экономических, идеологических условий в Болгарии.

В наше время общий фон русско-болгарских отношений можно определить как достаточно сложный – будучи членом ЕС и НАТО, Болгария вынуждена “баланси́ровать” между великими силами, между прозападной ориентацией и “вечной русско-болгарской дружбой”.

Освещение русско-болгарских отношений в политическом дискурсе тоже является противоречивым, поскольку оно отражает как сложные сегодняшние отношения Болгарии с Россией, так и вечное деление болгарского общества на русофобов и русофилов (каких много среди “простых людей”, прежде всего старшего поколения).

Современные болгарские СМИ, в соответствии со своей политической направленностью, освещают разные стороны политических, экономических, торговых отношений между двумя государствами. Особой актуальностью в рамках “русской темы”,

без всякого сомнения, отличаются материалы, посвященные вопросам энергетики, в том числе строительству новых энергетических мощностей, а также нефте- и газопроводов на территории Болгарии, имеющих стратегическое значение для многих стран Европы.

Среди публикаций, целенаправленно формирующих образ России в болгарских СМИ, больше всего таких, которые можно определить как нейтральные или критические, и это можно считать яркой отличительной особенностью содержательно-оценочной направленности болгарских СМИ нового времени.

Важная составляющая образа России – образ людей, представляющих страну, в создании которого участвуют и их имена. Это имена экономистов, ученых, деятелей культуры, спортсменов и, естественно, политиков, играющих активную роль в развитии двусторонних отношений. Имена политиков можно отнести к важнейшим ориентационным знакам политического дискурса, к знакам с необычайной информативной емкостью (А.А. Романов). Многие имена политических субъектов можно считать ключевыми именами времени (Л. Цонева), имеющими, как и ключевые слова вообще, свои характерные особенности – высокую частотность в медиа-тексте вообще и прежде всего в его заглавии, словообразовательную активность и т. д. (Т.В. Шмелева).

Исследование значительного количества медиа-текстов позволило нам выявить некоторые особенности употребления имен российских политиков в современном болгарском политическом дискурсе. Отметим, что самые “упоминаемые” среди них – это имена политиков национального масштаба (президента, премьер-министра, министров, лидеров политических партий), в то время как имена политиков регионального масштаба актуальны в меньшей степени.

Внимания заслуживают, во-первых, способы номинации российских политических субъектов, т. е. способы использования собственных имен в иноязычной и инокультурной (инославянской) среде.

Исключительно редко используется полная русская именная формула “имя – отчество – фамилия” (Владимир Владимирович Путин), а также с инициалами (В. В. Путин), обязательная в болгарской публицистике времен тоталитаризма.

Единичны случаи употребления формулы “имя – отчество” (Владимир Владимирович), в том числе и в жанре интервью, где

она считается уместной.

Широко употребительна нейтральная формула “имя – фамилия” (Владимир Путин), а также с инициалами (В. Путин). Именно такая формула, принятая во многих странах мира, является самой корректной и в болгарских СМИ.

Чаще всего, однако, российские политики представлены только фамилией (Путин). Нужно признать, что этот способ номинации, господствующий в последние годы в текстах разных жанров, а также в их важнейшем компоненте – заглавии, следует считать не совсем корректным из-за наличия в нем оттенка неуважения, пренебрежения.

Типичная модель медиа-текста (прежде всего информационных жанров не очень большого объема) выглядит следующим образом: в заглавии – фамилия, в первом предложении – обозначение должности и фамилия, далее в тексте – только фамилия.

Внимания заслуживает и вопрос об использовании инициалов, прозвищ, перифраз и других способов номинации российских политических субъектов, которые, по нашим наблюдениям, сравнительно редки в болгарских СМИ.

Один из самых интересных вопросов в рамках данного исследования – проявления ономастической игры (Т.А. Гридина), т. е. случаи обыгрывания имен политиков.

Различные формы языковой игры, в которых активно “эксплуатируются” ключевые имена и прежде всего имена политиков – важная характеристика болгарской публицистики (Л. Цонева). В целом, однако, можно заметить, что имена российских политиков включаются в различного рода игры намного реже, чем имена болгарских политиков, а также реже, чем имена других зарубежных политиков, например, имена президентов США. Даже в периоды обострения русско-болгарских отношений (т.е. при экстралингвистических условиях, которые обычно порождают проявления языковой игры, прежде всего с негативной оценочностью) имена российских политиков обыгрываются сравнительно редко. Отметим здесь окказиональные слова, прежде всего производные от фамилии Путин (путинизация, путинизм, путинизирам, Безпутинщина).

Единичны, тем более с учетом родственности двух славянских языков, и формы языковой игры, которые “эксплуатируют” лингвистический потенциал имен. Сюда относятся, например, некоторые каламбуры, основанные на этимологизации

(прежде всего ложной, игровой) некоторых русских фамилий (Лебед, Примаков, Гайдар, Шматко и др.).

Менее ярко выражена и такая черта ключевых слов, к которым относятся и имена политиков, как текстогенность – возможность порождать тексты, прежде всего юмористические (Т.В. Шмелева).

В связи с этим можно сказать, что российские политики редко становятся героями болгарских анекдотов (среди которых немало “странствующих”, что характерно для анекдота как жанра разговорного стиля”).

В собственно публицистических юмористических жанрах, например, в фельетоне, имена российских политиков появляются сравнительно редко, как правило, по поводу конкретных событий, в которых они участвуют. Такие фельетоны можно считать скорее всего особенностью идиостиля определенных изданий, например, газеты “Сегга”.

Обобщая наши наблюдения, подчеркнем, что вопрос о функционировании имен российских политиков в болгарском политическом дискурсе представляет особый интерес. Этот вопрос требует дальнейшего исследования, причем в русле различных научных направлений, поскольку в нем отражаются сложность и противоречивость “русской темы” вообще, которая, в силу различных обстоятельств, занимает важное место в болгарском национальном сознании.

© Цонева Л.М., 2010

Чемагина А.В.

Екатеринбург, Россия

СТЕРЕОТИПЫ О РУССКИХ В ТВОРЧЕСТВЕ ГРУППЫ GOGOL BORDELLO

Понятие «стереотип» в общественно-политический западный дискурс вошло в 1922 году по предложению американского эссеиста, политического обозревателя Уолтера Липпмана. Сегодня проблема стереотипов и стереотипизации весьма актуальна в самых различных исследованиях, к ней обращены взгляды не только лингвистов, но и психологов, социологов, этнолингвистов, этнографов и пр.

В процессе массовой коммуникации происходит формирование стереотипов, которое является по своей сути экономией собственных усилий, так как попытка познать все вещи заново и

в подробностях самостоятельно, а не воспринять их как уже готовые типы и обобщения, утомительно, а для занятого человека практически невозможна. Таким образом, у каждого народа, каждой нации складывается свое собственное понятие об окружающем мире, о представителях других культур. Так в обществе складываются определенные стереотипы: одни из них – о самих себе, относительно поведения и традиций в пределах своего культурного пространства, другие – о представителях другого языкового и культурного пространства.

Образ российского быта и российской культуры в зарубежном дискурсе нередко приобретает карикатурный или гротесковый характер. Так, например, многие иностранцы полагают, что культура России прочно связана с русской водкой, отсюда такие устоявшиеся зарубежом стереотипы, как: русские много пьют; русские застолья отличаются широким размахом; русские ведут себя некультурно.

Данные стереотипы о русских были нами обнаружены в творчестве американской группы Gogol Bordello.

Gogol Bordello – группа, основанная в 1999 году в Нью-Йорке украинским иммигрантом Евгением Гудзем. Почти все участники группы – иммигранты, из России, Украины, Израиля, Эфиопии, Эквадора, Китая. Группа Gogol Bordello прославилась во всём мире театрализованными постановками концертов, которые являются смесью карнавала и комедии. Их музыка подверглась влиянию украинских и русских народных мотивов, карпатской (в основном украинской), ромской музыки, в сопровождении аккордеона и скрипки (в некоторых альбомах и саксофона) и является объединением романса, панка, фолк-рока и рок-ролла.

Особый интерес у нас вызвали три композиции группы Gogol Bordello: «Santa Marinella», «Avenue B» и «American Wedding», в них очень ярко представлены стереотипы о русских, упомянутые нами ранее.

Например, в песне «Avenue B» находит свое выражение стереотип, что русские любят выпить, причем с размахом: «Ai razminku yorshikom provodim my». «Ершик» (ерш – коктейль, составляющими которого являются водка и пиво) – это только разминка, иностранцы должны быть в изумлении: что же тогда последует дальше? Здесь пристрастие русских к выпивке носит гротесковый характер.

«Nesmotrija na SE. SHE. A. ne poterjal azarta

Buhaju strogo kazdoje 8-e marta» («Avenue B») – в США 8 марта (Международный женский день) не является официальным праздником тогда, как этот праздник существует в таких странах, как Украина, Россия, Китай, выходцами из которых является половина состава группы. Здесь имеет место опять же стереотип о том, что русские много пьют, а также уже скорее стереотип русских о русских, что Международный женский день мужчины считают очередным поводом для того, чтобы выпить...

Подтверждение стереотипа «русские много пьют» мы находим и в композиции «Santa Marinella»: «O mama Palestrina, vstrechayte ryanih pilligrimov...». К нему присоединяется мнение о том, что русские ведут себя некультурно, подтверждением этому может служить обилие самых изощренных ругательств на итальянском языке и на русском, стилизованном под итальянский, которые буквально опутывают текст данной песни («stronzo puttana», «porca puttana», «lo porca Madonna», «Russo raspizdotto maniacale» и пр.). Иллюстрациями к стереотипу «русские ведут себя некультурно» могут служить описания поведения русских за границей, присутствующие в тексте песни:

A ya na rimskoi mostovoi ya lezhal, zdal, priboi?, oi-oi-oi,
Ya tak prosil pit, a tut eshe etot Papa (rimskiy)
Ya s detstva ego hotel zamochit...

Mi oblika Russo amorale
Chest raspizdotto mi ne zamarali

Песня «American Wedding» подтверждает стереотип о русских застольях. В данной песне этот стереотип представлен с точки зрения русского человека, то есть, как русский человек представляет себе праздник с застольем (в данном случае – свадьбу).

Герой песни попадает на американскую свадьбу, что он там видит?

Instead it's one in the mornin'
and DJ is patchin' up the cords
Everybody's full of cake
Staring at the floor
Proper couples start to mumble
That it's time to go
People gotta get up early

Yep, they gotta go
People gotta get up early
And she's gotta boyfriend
And this whole fucking thing
Is one huge disappointment

Все происходит утром
Диджей на скорую руку чинит шнуры
Все объелись тортом
Смотрят в пол

Пары начинают бормотать
О том, что время

Nothing gets these bitches going
not even Gypsy Kings
nobody talks about my Supertheory
of Supereverything!

SO be you Donald Trump
Or be an anarchist
Make sure that your wedding
Doesn't end up like this

Герой возмущен:

Where is the vodka, where's marinated herring?

Where is the musician that got the taste?

Where is the supply that gonna last three days?

Where is the band that like Fanfare.

Gonna keep it goin' 24 hours

Где водка, где маринованная сельдь?

Где музыкант, который получил глоток?

Где еда, которую собирали последние
три дня?

Где же группа, подобная фанфарам,
Которая будет держать всех в движе-
нии 24 часа?

I understand the cultures
Of a different kind
But here word celebration
Just doesn't come to mind.

Я понимаю,
Что есть разные виды культур,
Но в данном случае слово «праздник»
Никак не приходит мне на ум...

Чистова С.С.

Нижний Тагил, Россия

ОБРАЗ В.В. ПУТИНА В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ США

В.В. Путин, несмотря на истечение своих президентских полномочий в 2008 году, остается весьма значимой фигурой в российской и мировой политике, что подтверждается неослабевающим вниманием к его политической деятельности со стороны как российских, так и зарубежных СМИ. Особенно тщательному анализу и оценке его деятельность как премьер-министра подвергается в период кризисных ситуаций, последней из которых стал теракт в Московском метро 29 марта 2010 года, вызвавший широкий резонанс, в том числе и на страницах зарубежных СМИ.

Материалом для исследования послужила статья в The New York Times «In Russia, Putin Escapes Blame for Terror Attack» (от 05.04.2010), в которой дается оценка деятельности В.В. Путина в свете недавних событий и целенаправленно формируется его образ путем использования коммуникативных стратегий и тактик. Под коммуникативной стратегией мы, вслед за О. Л. Михалевой будем понимать «план оптимальной реализации коммуникативных намерений, учитывающий объективные и субъективные факторы и условия, в которых протекает акт коммуникации и которые в свою очередь обуславливают не только внешнюю и внутреннюю структуру текста, но и использование определенных языковых средств», а под тактикой «конкретный этап реализации коммуникативной стратегии, определяемый интенцией говорящего, эксплицированной совокупностью приемов, обуславливающих применение языковых средств» [Михалева 2009: 45].

Проведенный анализ материала показал, что ведущей стратегией создания образа В.В. Путина является стратегия на понижение, а наиболее часто используемой тактикой – тактика анализ-«минус» – основанное на фактах рассмотрение ситуации, предполагающее выражение имплицитного отрицательного отношения к описываемому: «...terrorism and unrest in Russia's predominantly Muslim regions have long served to strengthen Mr. Putin's hand», «Mr. Putin uses the conflict to portray

himself as a swaggering street fighter...», «Mr. Putin has also tended to use terrorism as a rationale for tightening control over the government». Тот факт, что премьер-министр рассматривает терроризм, против которого он должен бороться, как средство для достижения собственных целей имплицитно формирует у читателя негативное отношение к политическому лидеру. Использование выражения «play on smth.» (to exploit or impose upon (the feelings or weakness of another) to one's own advantage) [Collins] в предложении «He plays on a piece of Russian folk wisdom that is roughly translated as “the good czar, bad advisers” – the belief that, throughout history, a Russian leader with the right intentions is often betrayed by underlings» также позволяет автору статьи внушить читателю мысль о довольно беспринципном использовании В. В. Путиным веры в него со стороны народа; лексема «belief» (a principle, proposition, idea, etc., accepted as true) [Collins] в свою очередь может имплицитно указывать на фактическую неподтвержденность русской пословицы и, соответственно, бесосновательности веры народа в своего лидера.

Также тактика анализ-«минус» явно прослеживается в заключительном абзаце статьи: «On Thursday night, he headed to Venezuela to see President Hugo Chavez for a visit that was intended to display the Kremlin's muscular foreign policy and its warm relations with an antagonist of the United States. It was less than two days after a Chechen extremist had claimed responsibility for the subway attacks, and had promised there would be more». В данном случае имплицитно указывается безответственность премьера: В.В. Путин улетел на встречу с противником США Уго Чавесом в момент наибольшей опасности, когда он был нужен для руководства ситуацией и предотвращения новых терактов.

Стратегия театральности реализуется тактикой размежевания, которая заключается в выявлении различий в позициях и мнениях: «In other countries, leaders might pay a political price for not preventing a startling attack like the suicide bombings in the Moscow subway last Monday. Not here, at least not so far», «George W. Bush, remember, spoke in late 2001 of seeking to catch Osama bin Laden “dead or alive.” Recently, he took a step back from that, calling it “kind of tough talk, you know, that sent the wrong signal to people.” Mr. Putin, by contrast, seems to have no such misgivings». Целью данной тактики является противопоставление В. В. Путина европейским и американским лидерам, отстранение их (правильной) позиции от (неправильной) позиции В. В.

Путина. Еще одной тактикой, реализующей данную стратегию, является тактика предупреждения: «The danger for Mr. Putin now is that if attacks occur in major cities, it may be harder for him to fend off skepticism about his performance», которая позволяет предположить, что урегулирование ситуации премьер-министром было проведено не на надлежащем уровне, и это может иметь определенные последствия.

Американские журналисты, создавая образ В. В. Путина, также позиционируют его как задиристого мачо («swaggering street fighter», «macho man»), говорящего на грубом языке («blunt language»), не имеющего опасений по поводу последствий своих действий («seems to have no such misgivings»). Его провалы в борьбе с терроризмом приписываются плохой работе подчиненных: «And when there are failures in Russia's war on terror, they are attributed to bumbling or insidious subordinates – not the man himself» в отличие от западных лидеров, которые берут всю вину на себя.

ЛИТЕРАТУРА

Михалева О. Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.

© Чистова С.С., 2010

Чудакова Н. М.

Нижний Тагил, Россия

ДИАГНОСТИКА ПО-ТАТАРСКИ: МОРБИАЛЬНАЯ МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО МОДЕЛИРОВАНИЯ ОБРАЗА РОССИИ В ТАТАРСКИХ СМИ

История взаимоотношений Татарстана и российского Центра за последние десятилетия включала в себя ряд этапов, когда напряженность и противостояние сменялись дружбой и сотрудничеством [Абашин: <http://www.tatar-history.narod.ru>]. Как известно, политическое сознание и поведение людей существенно зависит от информационного поля, создаваемого СМИ, которые уже не столько отражают и интерпретируют действительность, сколько конструируют ее по своему усмотрению. Оппозиционная независимая газета «Звезда Поволжья», по словам учредителя и главного редактора Р. Ахметова, является «типичной „газетой влияния“»; ее называют «звездой республиканского медиа-

поля» (Звезда Поволжья, №45. 22-28.11.07), что и обусловило наш интерес к публикациям газеты. Материалом исследования послужили статьи на русском языке по проблемам русско-татарских отношений, опубликованные на сайте ТатПолит.Ру, являющемся официальным представителем газеты «Звезда Поволжья» в Сети.

В результате проведенного анализа была определена доминантная метафорическая модель, участвующая в создании образа России в татарском политическом дискурсе: СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ – это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ. Россия на страницах «Звезды Поволжья» ассоциируется с больным пациентом – беспомощным, безвольным, зависимым от окружающих, нуждающимся в помощи (*смертельно больной, страшно больной, прокаженный, заражающий страшную болезнь, больной неизлечимой болезнью*). Имплицитно возникает образ Татарстана – доктора (*здоровая голова, «лекари» шаймиевского толка уменьшают вред («боль», страдания людей*)), скрупулезно собирающего анамнез, способного поставить правильный диагноз и если не вылечить, то изолировать больного. Так читателям внушается мысль о том, что российское государство, на взгляд авторов публикаций страдающее от несовершенства внешней и внутренней политики, не способно выполнять роль объединяющего центра, в связи с чем Татарстану необходимо дистанцироваться от России и от русских, предприняв необходимые действия по укреплению своего «суверенитета».

В татарском политическом дискурсе выделяется следующая фреймово-слотовая структура метафорической модели с исходной понятийной областью «Болезнь».

1. Фрейм «Диагноз»

Слот 1.1. «Психические болезни». При психических заболеваниях, как известно, нарушается адекватное отражение действительности, теряется способность правильной оценки происходящего вокруг. Подвержены психическим заболеваниям, согласно «Звезде Поволжья», высшие должностные лица РФ: *«Внутреннее раздвоение Путина уже возникает, когда он, занимаясь восточными единоборствами, остается искренне верующим православным человеком. Но православие отрицает глубинно философию монахов Шаолиня, оно считает их сектой, причем чуждою христианству. Нельзя быть одновременно православным и монахом-бойцом Шаолиня. Это системы с разными ценностными ориентациями. Возможно, поэто-*

му **Путин** всегда внутренне напряжен, испытывает **внутренний дискомфорт**, так как тело его ориентируется на Китай, а дух – к Христу» (Р. Ахметов. Ветер перемен. Звезда Поволжья, №25. 02.07-08.07.09); **Государство**, как и человек, **страдает разными болезнями**, например, не только **маниакальным впадением в абсурдные крайности** при решении социально-экономических и политических вопросов. Но и **шизофренией сверхцентрализации власти** за счет прав своих регионов и как следствие этого – **смертельной комой** баланса интересов центра и регионов (З. Фаткудинов. Президент М. Ш. Шаймиев и его эпоха. Звезда Поволжья, №5. 11.02-17.02.2010); **Здравомыслящие политики** при государственном строительстве в России обязаны постоянно держать в поле зрения этническое составное будущее российской государственности. А форма реализации этого базового принципа – это дело другое, тут возможны разные варианты. Об этом и надо дискутировать, а не о том, что завтра все проснутся в “губерниях”, возникших в **воспаленном воображении великомосковских бюрократов** (Этническое составное федерализма в России, или **Неискоренимость республик**. Звезда Поволжья, 8-14.02.2003).

Слот 1.2. «Физические болезни». Болезни тела, вызванные болезнью духа, ведут к физической немощи, быстрому утомлению и преждевременной смерти. Так создается негативный образ ослабленного Кремля, России, где, в отличие от Тартарстана, все плохо, нет стабильности, нет перспектив: **Россия**, начиная примерно с царствования Петра I, **больна «СМЕРТЕЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ БОЛЕЗНЬЮ»**, именуемой **российской исключительностью**, **евразийским путем развития** (А. Бурганов. Уроки Шаймиева. Звезда Поволжья, №6. 18.02-24.02.2010); **Учебники по истории СССР**, а также некоторые монографии напоминали больше приговоры уголовного суда: почти во всех бедах страны вину вили татар на протяжении многих эпох. Когда история – прислужница идеологии властей, она и эпохальный лжец, и политический провокатор, и гнусная карикатура на науку, иначе говоря, **прокаженная проститутка**, **заражающая страшной болезнью ненависти и маниакальной агрессивности** всех, кто с ней соприкасается (З. Фаткудинов. Президент М. Ш. Шаймиев и его эпоха. Звезда Поволжья, №5. 11.02-17.02.2010); **Нынешняя Россия задыхается** от навалившихся на ее плечи политических, социальных, эко-

номических проблем (З. Хубулава. Нам Конституция нипочем. Звезда Поволжья, №35. 17.09-23.09.09).

Ассоциативно возникают следующие смыслы: и психические, и физические болезни возникают тогда, когда человек стремится (и очень сильно, долго, навязчиво) быть кем-то другим. По сути, *шизофрения, проказа, удушье* имеют одну общую причину – навязчивое стремление быть кем-то другим, нежели тем, кем ты являешься. Следовательно, у читателя формируются следующие прагматические установки: если Россия на самом деле не есть союзный Центр, требующий подчинения и диктующий свои условия, то необходимо понизить ее политический вес и претендовать на заявленный «суверенитет» и «международную субъектность».

2. Фрейм «Состояние пациента и способы лечения»

Слот 2.1. «Предсмертное состояние». Состояние России метафорически описывается в рассматриваемых текстах как безнадежное; состояние, при котором высшие центры сознания совсем или почти совсем парализованы и борьбы как таковой уже нет, перед нами – медленное, на вид мучительное, умирание с одновременным угасанием отдельных органов и систем: *Нынешняя Россия управляется блоком бюрократии с собственниками монополистического (олигархического) капитала; им смена власти не нужна. Бюрократическая система в принципе радикально несовершенствуема, возможны лишь частичные улучшения в управлении, в конечном счете продлевающие ее агонию, в процессе которой потеря следует за потерей. Да это так, об этом говорит почти двухсотпятидесятилетний опыт (начиная с Крымской войны) бытия в агонии России. Нужно ли в этой ситуации заниматься «лечением» нашей больной системы? Общество – инобытие природы. Отдельно взятый человек, будучи больным неизлечимой болезнью, лечится, стремясь продлить жизнь, каждый миг которой – дар Божий. Жизнь одна, другой нет. Редко кто идет в хоспис. Хотя, например, ислам и соблазняет тем, что попавшие в рай там будут общаться с девушками необыкновенной красоты. Человеку нужна жизнь на Земле грешной, а не в бестелесном раю. Переведем эту ситуацию в масштаб общества, большого государственным бюрократизмом. «Лекари» шаймиевского толка в меру своих способностей, воли, усилий, преодолевая бюрократические препоны на своем месте жизнедеятельности, уменьшают вред («боль», стра-*

дания людей), наносимый народу бюрократизмом (А. Бурганов. Уроки Шаймиева. Звезда Поволжья, №6. 18.02-24.02.2010).

Слот 2.2. «Лечение». Современной терапии известны разнообразные методы лечения: консервативное, хирургическое вмешательство, нетрадиционное (галотерапия, гирудотерапия, гомеопатия, мануальная терапия, массаж), иммунотерапия, химиотерапия, траволечение и др. Однако в анализируемых текстах не актуализированы концепты данной сферы, следовательно, у читателя не формируется представление о необходимости решительной борьбы с болезнями российского государства.

Из всего многообразия способов лечения упоминаются только два: оперативный, хирургический: *Модернизация предлагает предложенные Медведевым меры для демократизации политической жизни страны, они, конечно, представляют шаги в нужном направлении, но очень небольшие и непринципиальные. Это режим конституционной монархии. Есть, конечно, сильный пассаж относительно бесперспективности госкорпораций, но и то эксперты хором утверждают, что так и должно было случиться, сначала госкорпорации обильно накачали бюджетными миллиардами, потом передадут в частные руки доверенным лицам. То есть это обычная операция распиливания бюджета* (Р. Ахметов. Конвергенция. Звезда Поволжья, №43. 19.11-25.11.09); и самый проверенный и верный метод при алкогольных интоксикациях, не очень приятный и совсем не эстетичный: *Москва вынудила татарское руководство выбросить вон из нее негодные ей статьи, «очистить» ее способом, применяемым пьющим людом при перепоях – «два пальца в глотку» и «все дела»...* (А. Бурганов. Уроки Шаймиева. Звезда Поволжья, №6. 18.02.-24.02.2010).

Таким образом, морбиальная метафора в татарском политическом дискурсе является важнейшим способом воздействия на сознание адресата и средством концептуализации, категоризации и оценки современной действительности в России. В метафорической картине татарских оппозиционных СМИ Россия – тяжело больной организм. При концептуализации российской действительности не востребованными оказались метафоры слота «Выздоровление больного», обладающие положительным прагматическим потенциалом и отражающие позитивные изменения в экономике, обществе, отношениях между субъектами международной и внутренней политики; а также метафоры сло-

та «Причины болезни» – подобная лакунарность может свидетельствовать, например, о незаинтересованности в установлении партнерских взаимоотношений с Россией.

ЛИТЕРАТУРА

Абашин С. Ситуация в республике Татарстан (итоги 10-летнего «суверенитета» и дальнейшие перспективы). URL: <http://www.tatar-history.narod.ru/10let.htm>

© Чудакова Н.М., 2010

Шарифова Салида Шаммед кызы

Баку, Азербайджан

ОБРАЗЫ РОССИИ И РОССИЙСКОГО ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ АЗЕРБАЙДЖАНА

Образы России и русского военнослужащего в Азербайджанской литературе представляют интересный культурологический феномен в азербайджанской национальной литературе, характеризующийся существенной исторической динамичностью. В различные периоды истории отображение России и образ русского в азербайджанской литературе носил дифференцированный характер. Динамика изменения образа русского в азербайджанской литературе обуславливалась с одной стороны, как от сложившейся политической ситуацией, так и особенностями национального самосознания азербайджанцев.

В период XVIII – XIX вв. отображение России и русских носило двойственный, зачастую противоречивый характер. Так, с одной стороны в центре внимания авторов был процесс военного захвата Южного Кавказа азербайджанскими писателями давалась оценка данным историческим событиям. С другой стороны, азербайджанские просветители в своих трудах особое место уделяли расширению научно – культурных связей с Россией. В период формирования Азербайджанской Демократической Республики на азербайджанскую литературу сильное влияние оказали планы белогвардейцев и красновардейцев по захвату Азербайджана.

Социалистический период можно разделить на несколько стадий. Так, в период сталинского правления азербайджанское литературное сообщество столкнулось с массовыми репрессиями: национальная творческая элита была либо расстреляна, либо сослана. Воспитанная на идеях ратующего за национальную независимость мусаватизма, творческая элита не воспри-

няла социалистические догмы и насаждающийся образ «старшего брата». Несмотря на то что, литературные произведения были формально посвящены коммунистическому строительству, между строк можно было прочесть призыв к сохранению национальной идентичности и развитию национальной культуры.

В этом контексте интерес представляет творчество Юсифа Везира Чменземинли. В своих произведениях Ю.В.Чменземинли затрагивает судьбу азербайджанского народа, как в царский период, так и в эпоху социализма. Публицистические произведения Ю.В.Чменземинли «Армения и мы», «Пятнадцать дней в Армении», «Общественное мнение» вызвали широкий общественный резонанс. В «Общественное мнение» автор обращается к народу с воззванием противостоить ударам судьбы и поднять свой глас против несправедливости и нарушения прав, в том числе и против проводимой тогдашним союзным правительством национальной политики на Южном Кавказе.

Исторической вехой в азербайджанской литературе стала «хрущевская оттепель» – «шестидесятники» новое понимание роли России в истории Азербайджана. В произведениях «шестидесятников» четко различается отношение к России и коммунистическому режиму, образы коммуниста и русского дифференцируются, переосмысливается отношение сталинского режима по передаче Ирану государственного образования в Южном Азербайджане. Ослабление коммунистического режима в конце 80-ых происходила параллельно с ростом интереса к национальным ценностям. Примечательно, что ведущей силой возрождения национальных идей стали «шестидесятники».

В новых политических реалиях, когда СССР стали историческим призраком и Азербайджан восстановил национальный суверенитет, азербайджанское литературное сообщество сконцентрировало свое внимание на процессе государственного строительства и оккупации Нагорного Карабаха и иных районов Азербайджана со стороны Республики Армения. События 20 января, а также участие российских военных на наемных началах в военных действиях на стороне военных сил Республики Армения привели к тому, что в общественном сознании и национальной литературе стал складываться образ русского военнослужащего – захватчика. Во многих литературных произведениях последних лет мы можем встретить искреннее сожаление о том, что по ту сторону фронта среди рядов агрессоров встречаются русские военнослужащие. Вместе с тем, в ряде произведе-

дений мы встречаем образ славного солдата – защитника Родины, являющегося этнически русским. Особое место также занимает литературное творчество русской общины Азербайджана, ставший своеобразным культурным мостом между Россией и Азербайджаном.

В рассматриваемом контексте среди современных азербайджанских романов наибольший интерес представляют произведения Алибалы Гаджизаде «Чудо», Эльчина Мехралиева «Девяностые годы», Фазиля Гюная «Черная кровь», Агарагима Рагимова «Мой двойственный мир», Нушабы Маммедли «Трель», Махиры Абдуллы «В конце концов», Эльзы Моллаевой «Плач пленных сердец», Нияр Гараевой «Каменная ограда» и др. Образы России или российского военнослужащего можно встретить в таких современных повестях Алисафы Азаева «Мать солдата» и Керима Дунямалы «Запятнанные кровью годы». В вышеперечисленных произведениях раскрытию образа российского военнослужащего (русского солдата и русского офицера) авторами уделяется особое внимание. Особо следует отметить, что различными авторами демонстрируется противоречивое и неоднозначное отношение по образу российского военнослужащего.

Примечательно, что некоторых современных произведениях национальной литературы образы России и российского военнослужащего раскрываются в контексте осмысления истории Азербайджана и отдельных исторических событий. В повести Керима Дунямалы «Запятнанные кровью годы» автором дается оценка межгосударственного противоборства XVIII-XIX вв., когда Кавказ был включен в состав царской России по итогам ирано-российских войн. В повести описываются судьбоносные и трагические последствия ирано-российских войн, а также заключенных Тюркменчайского и Гюлистанского договоров. Особое внимание автором уделяется процессу изменения этнического состава в некоторых районах Северного Азербайджана после включения в состав Российской Империи. Внимание читателей привлекает использование автором «завещания» Петра I, первого российского императора. Следует отметить, что в современной историографии нет единого мнения о подлинности данного документа, который якобы был написан в 1725-ом году и обнародован в 1738-ом году. Однако, К.Дунямалы использует «завещание» как художественный прием, конструирующий сюжетную линию повести.

События XVIII-XIX вв. затрагиваются и в романе Фазиля Гюная «Черная кровь». Негативные демографические процессы и уменьшение удельного веса азербайджанцев в некоторых регионах после вхождения Азербайджана в Российскую Империю – это основные факторы, волнующие автора.

В национальной романистике особое внимание уделяется проблеме целенаправленной дискредитации российского военнослужащего со стороны противника, что должно негативно сказаться на азербайджано-российских отношениях. Этот факт ярко отражен в романе Алибалы Гаджизаде «Чудо». В романе автор анализирует события 20 января. В романе отражается четкая позиция и оценка автором данного исторического факта – определенные политические круги прикрывались советским (российским) военнослужащим для достижения узких целей. В романе А.Рагимова «Мой двойственный мир» затрагиваются факты прикрытия своих действий сепаратными группами маской российского военнослужащего. Примечательно, что автор призывает разделять Россию и российские политические круги, реализующие те или иные амбиции. Вместе с тем, в романе затрагивается также факт установления союзнических отношений между Российской Федерацией и Республикой Армения.

Использование сепаратистами «русского» прикрытия затронуты также в романе Эльзы Моллаевой «Плач пленных сердец». С целью провоцирования осложнения азербайджано-российских отношений, сепаратисты приписывают свои мародерские действия и преступления против человечности российским военным частям, которые дислоцировались в тот период в зоне конфликта. Автор особо показывает, как сепаратистами была организована система дезинформирования азербайджанской стороны. Э.Моллаева в произведении отмечает, что основная цель преступников – это разрушить многовековые добрососедские отношения между народами Азербайджана и России. Вместе с тем, автор в романе подчеркивает факты противозаконной помощи сепаратистам со стороны высокопоставленных чиновников российской армии, что порой оказывало кардинальное влияние на ход боевых действий. Э.Моллаева призывает не смешивать эти факты с позицией российского народа в целом.

Еще одна особенность к образу российского военнослужащего в национальной прозе – это использования его как рупора, как нейтрального морального арбитра, дающего нравственную оценку противостоящим сторонам – азербайджанскому сол-

дату и сепаратисту. В этом контексте художественный интерес представляют романы Фазила Гюная «Черная кровь», А.Рагимова «Мой двойственный мир» и М.Абдуллы «В конце концов». В этих произведениях, непосредственно устами русских военнослужащих, ставших непосредственными свидетелями кровопролитий, дается историческая и нравственная оценка происходившим событиям. Так, русский солдат Иван в романе Ф.Гюная «Черная кровь» сталкивается перед трудным моральным выбором – хочет изменить ситуацию, выступить против бесчинства, но «система» глушит его порывы. В романе «Мой двойственный мир» осуждение идеологии сепаратизма осуществляется именно устами капитана Российской Армии капитана Киселева. Российский кадровый офицер Вася из романа «В конце концов» рупор несгибаемости и морального превосходства азербайджанского народа. В повести А.Азаева «Мать солдата» на передний план выводится внутренний мир российского военнослужащего, его моральные и гуманистические ценности. Так, в повести показывается духовный протест российских военнослужащих, совершенных при боевых действиях вокруг Шуши.

В современный период в азербайджанской литературе нет однозначного отношения к России и образу русского. Однако укрепление связей между двумя соседними странами создаст благоприятную основу для адекватного отображения в национальной литературе страны, принявшей более чем 2 миллиона азербайджанцев.

© Шарифова Салида Шаммед кызы, 2010

Шетэля В.М.

Москва, Россия

РОССИЯ И ЕВРОПА В ПОЛЬСКИХ СМИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Россия имеет в польских СМИ, как это можно было бы сказать по-польски, *złą prasę*, т.е. о российской действительности, о внутренней и внешней политике российского правительства говорится в польской печати плохо и только плохо. Прежде всего все эти критические высказывания опираются на мнения самих российских СМИ. Российских авторов цитируют, их мнения обсуждают. Конечно, в прессе происходит обмен мнениями, имеет место полемика, но чего бы она не касалась – даже внутрипольских и европейских дел – она всегда каким-то боком за-

трагивала и затрагивает вопрос польско-российских взаимоотношений и самого РФ. Публицистическая полемика в среде российских авторов, чье отражение находим в польских СМИ, а также полемика внутривосточная охватывает, как уже было сказано, различные темы, из которых экономическая тема занимает доминирующее место. Вопрос о принадлежности Польши к Евросоюзу в период **до** ее вступления в Евросоюз для граждан Польши являлся прежде всего вопросом экономическим и в меньшей мере вопросом об отходе Польши от бывшей политики соцлагера и от содружества с Россией. Можно бы даже рискнуть предположить, что критика в адрес России и поиск «белых и «черных пятен» в польско-российских взаимоотношениях и была продиктована всякого рода сомнениями правильности выбора политической ориентации. Поиск минусов в политике России оправдывал выбор с кем быть: с Европой или Россией. Употребленный в данных случаях термин **реформа** в новых условиях начала XXI в. по ходу **эволюции понимания обществом специфики жизни в новых условиях** (фразеология польской прессы тех лет) был заменен термином **трансформация** (transformacja), которым пытаются обозначить важность новых общественно-политических стремлений, их полезность для общества и отделить эти процессы от тех, которые в истории уже повторялись, имели место в прошлом, но себя изжили на современном этапе, а вновь восстановленные не всегда могут быть результативными. Трудно определить на сколько трансформация в разных областях жизни, скажем, в системе образования будет полезной для страны и будет она соответствовать евросоюзному стандарту? Вводятся новые понятия: **номинированный учитель** (nauczyciel mianowany) – признание высокого педагогического мастерства учителя, а в бюрократической сфере: **номинированный чиновник** (urzędnik mianowany) – признание высокой чиновничьей компетентности с вручением соответствующего аттестата.

В свете настоящего кризиса, в котором обвиняется сейчас Греция, интересно звучат вопросы, которые ставили перед самими собой польские граждане того времени. «Что я буду с этого иметь? Что будет иметь из этого моя семья, мой дети, когда нас примут в Евросоюз? Не будут ли жить за наш счет другие государства?». Он, который прожил жестокий кризис 80-х гг. и т.н. «шоковую рыночную терапию» вправе был ожидать улучшения своего материального состояния, а не дополнительной на-

грузки к уже имеющимся трудностям. Такие опасения, как показало время, были ненапрасны. Но с другой стороны ожидалось, что выход Польши на общеевропейский рынок, например, значительно снизит процент безработицы. Безработных примет Европа. Она трудоустроит. В общей европейской экономике страна будет иметь значительное свое участие, ее представители войдут в правление Евросоюза, в его комиссии и комитеты. Польша получит доступ к новейшим технологиям и вместе с тем будет защищена от низкокачественного продукта из третьего мира [см.: *Gazeta Wyborcza*, 7 stycznia 2005, s.7]. На благо Европы вновь заработают польские предприятия, верфи, металлургические заводы, увеличится норма добываемого силезского высококачественного угля, т.е. кому-то будут нужны польские предприятия, продукцию которых до их приватизации или остановки покупала СССР и успешно распределял СЭВ. Предполагалось, вероятно, что ту же функцию будет теперь выполнять и Евросоюз. Поэтому много надежд было связано с участием польских представителей в доработке Конституции Евросоюза. Представленный вариант проекта Конституции, разработанный Францией, был критически принят польской стороной, которая считала, что в проекте не учтены интересы всех стран-участниц. «Польша в Евросоюзе» – «Сообщество разного бизнеса» сообщила *Gazeta Wyborcza*: Trójmiasto [12 stycznia 2005, s.13]. Если польская публицистика тех лет полна была радужных мнений на этот счет, хотя и здесь наблюдалась осторожно высказанная критика, то уже в последующий период начала 2006 г. слышалась критика не столько в адрес **восточного соседа**, а и в адрес европейцев. Термины Unia, unijny, globalizacja не имеют уже столь положительной коннотации. Вводится понятие **латинский союз**, который, как предполагается, был предтечей настоящего европейского союза, и который является только трансформацией старых идей [Krasnodębski, s.12 – 13]. Таким образом, закладываются основы для формирования новых стереотипов по отношению к Европе. Закладываются основы для формирования новых стереотипов по отношению к России. Исторический стереотип, на основе которого происходило отрицание **восточного соседа** исчезает и заменяется иными. Как пишет Б. Ладовски в журнальной рецензии на книгу А. Валицкого „Rosja, katolicyzm i sprawa polska”: «В свете последних исследований Анджея Валицкого много стереотипов исчезает. Множество концепции и лозунгов об как будто империалистических

стремлениях России и ее враждебном отношении к Западу было создано как раз на Западе» [Łagowski, s.68].

Банальной истиной является утверждение, что каждое поколение формирует свое отношение к действительности и другим народам заново. Это действительно так, но необходима политика, которая, с одной стороны, отрицает стереотипы, а с другой, приумножает правду о добрососедстве польского и русского (российского) народов.

ЛИТЕРАТУРА

Krasnodębski Z. Poprzedni i obecny koniec dziejów // Europa, № 3, 19 stycznia 2005, s.12-13.

Łagowski B. Sprawa polska i rosyjska // Przegląd, 26 października 2003, s.68.

© Шетэля В.М., 2010

Шехтман Н. Г.

Екатеринбург, Россия

МЕТАФОРЫ

С АГРЕССИВНЫМ ПРАГМАТИЧЕСКИМ ПОТЕНЦИАЛОМ ПРИ ХАРАКТЕРИСТИКЕ РОССИИ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Являясь орудием пропаганды, американские СМИ стремятся воздействовать на способ восприятия мировых событий своими гражданами и формировать их мнение касательно других стран. В сообщениях из-за рубежа и о событиях внутри страны или даже в местных новостях практически нет никакого разнообразия мнений, что обуславливается идентичностью материальных и идеологических интересов, присущих собственникам средств массовой информации [Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. URL: <http://psyfactor.org/infmanipulat2.htm>].

Мощным орудием воздействия на адресата является концептуальная метафора. Метафоры с негативными оценочными коннотациями, векторами агрессивности, ожесточенности чрезвычайно распространены в американских политических статьях, где речь идет о России.

Наиболее распространенными метафорическими моделями, несущими агрессивность, являются, прежде всего, модели со сферой-источником «война». Типичными для американского дискурса метафорическими словоупотреблениями подобного рода можно считать выражения «сражаться» (battle), «огонь на разрушение» (battering), «атаковать» (attack), ср.: *Joaquim Crima, a 37-year-old native of Guinea Bissau who settled in southern Russia after earning a degree at a local university, is promising to battle corruption and bring development to his district on the Volga River.* (WASHINGTON POST, August 5, 2009); *Boris Y. Nemtsov became a political star in Russia and the West as governor of Nizhny Novgorod [...] but in recent months he [...] has] taken a battering here. ...television stations, controlled by the Kremlin and its surrogates,*

have repeatedly attacked him... (NEW YORK TIMES, February 24, 2008)

Более сильный вектор агрессивности несет метафора *onslaught* – «бешеная атака», ср.: *Propaganda onslaught*. (NEW YORK TIMES, February 24, 2008) – в подзаголовке с этим названием идет речь о недопустимых, по мнению авторов статьи, приемах ведения предвыборной агитации в Нижнем Новгороде во время президентских выборов 2008 года.

Авторы американских политических статей также нередко прибегают к достаточно традиционной и утратившей яркую экспрессивность метафоре «оружие» (*weapon*) при характеристике некоторых российских политических шагов, ср.: *Russia [...] has shown a willingness to use its energy might as a political weapon*. (NEW YORK TIMES, July 18, 2009)

Образ людей, ожесточенно толкающих друг друга, может создаваться за счет метонимий «тактика сильной руки» и «острые локти», ср.: *...strong-arm tactics were common before the December elections in Nizhny Novgorod* (NEW YORK TIMES, February 24, 2008) *Mr. Ismailov [...] survived the sharp-elbowed world of street capitalism in the early 1990s*. (NEW YORK TIMES, July 28, 2009)

Метафора *unfetter* – «освободить от оков» (слово образовано от существительного *fetter* – кандалы, оковы), несмотря на отрицательный префикс, имплицитно означает «ограничение свободы», «подавление», ср.: *Criticism of the Kremlin is tolerated, as long as it is not done in any broadly organized way, and access to the Internet is unfettered*. (NEW YORK TIMES, February 24, 2008)

Агрессивные смыслы, которые присутствуют в предыдущих примерах, чрезвычайно распространены в метафорике американских политических статей, где речь идет о России. Сфера-источник таких метафор не ограничивается областью войны, это могут быть выражения «душить» (*stifle*, *smother*), задыхаться (*suffocate*), подавлять (*suppress*), ср.: *Putin's iron grip on Russia suffocates opponents*. (NEW YORK TIMES, February 24, 2008); *He [Mr. Putin] has suppressed the independent news media, [...] smothered the political opposition...* (NEW YORK TIMES, February 24, 2008) *...the Kremlin has succeeded in discrediting and stifling opposition parties*. (NEW YORK TIMES, February 24, 2008).

Россия представляется американцам также как хулиган, задира (*bully*), ср.: *Russia is certainly the neighborhood bully*. (NEW YORK TIMES, August 6, 2009).

Таким образом, за счет рассмотренных метафорических словоупотреблений Россия в глазах США предстает как потенциальный источник опасности как для соседних стран, так и для всего мира, а также государством, где не прекращаются ожесточенные конфликты, борьба за власть и подавление инакомыслия.

Нам представляется очень перспективным продолжение изучения метафор с агрессивным прагматическим потенциалом как части метафорического образа России в американском политическом дискурсе, так как это позволит лучше понимать специфику национальной картины мира американцев, а также закономерности и специфические черты в политической коммуникации США.

© Шехтман Н.Г., 2010

Шумская Э. Н.
Костанай, Казахстан

ОБРАЗ РОССИИ В КАЗАХСТАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В настоящее время Казахстан является стратегическим партнером Российской Федерации в сфере политики, экономики и культуры. Формирование образа России на территории Казахстана претерпело долгий и тернистый путь: от устной историологии степняков (шежире), в которой Россия и русские выступали в качестве агрессора, стремящегося завоевать и покорить казахов, отобрать их земли, стереть с лица земли весь народ, до политики по внедрению европейского образования на территории степи (Ш.Валиханов, А.Кунанбаев, И.Алтынсарин), от освободительного восстания казахов в 1916 году, политики «малого октября» Ф.Голощекина, коллективизации, голода и массовых репрессий в 1920-1930-х годах до идеологической пропаганды в советский период.

Сегодня республиканские и региональные СМИ в освещении образа России придерживаются традиционной линии. В республиканских СМИ основными направлениями при передаче взаимоотношений Казахстана с Россией являются сфера экономики, политики и культуры. Можно выделить две основные составляющие, которые формируют образ России в современном Казахстане. К первой следует отнести тот факт, что за время распада СССР метафорический образ государства-союзника,

соседа, который готов всегда прийти на помощь, не исчерпал себя у населения:

*«Это у наших **соседей**, так или иначе решались вопросы передачи власти от одного президента к другому» («Свобода слова», 03.06.2010).*

*«Опять рука Москвы» («Свобода слова», 10.06.2010): «Ну а вместо израильских оружейных компаний на казахстанский рынок, как всегда, зашли россияне. Это становится уже дурной традицией: когда в Казахстане бросают «в костер» ответственных должностных лиц, которые сотрудничали с конкурентами Москвы, на следующий день здесь сразу объявляются россияне... северные **соседи** заставили своим товаром больше половины выставочного комплекса».*

*«Казахстан, как небольшое государство, в любом случае должен сверять часы во внешней политике с ближайшими **партнерами**... Это позволяет подключать к защите наших интересов такого влиятельного внешнеполитического **союзника**, как Россия» (Азат Перуашев, «Свобода слова», 20.05.2010).*

Вторая наглядно демонстрирует то, что у казахского этноса складывается определенный процент недоверия к России, что выражается в следующих метафорических образах:

Господин: *«Между двух **господ**» («Свобода слова», 27.05.2010): «...вероятно, что на вашингтонском саммите Нурсултан Назарбаев мог дать обещание объективного пересмотра дела (Джакишева) судом второй инстанции, что не выгодно другой стороне – Кремлю, заинтересованному в устранении Джакишева. Интересно, как Астана, словно тот слуга, будет лавировать между двух господ?».*

Расчетливый и могущественный политик:

*«Россия нас **боится**?» («Свобода слова», 22.04.2010): речь идет об опубликованном в интернет-письме руководителя Федеральной таможенной службы России Андрея Бельянинова, в котором прогнозируются огромные потери российского бюджета из-за Таможенного союза».*

Организатор и сценарист политических событий:

*«Россия **наследила** в Кыргызстане» («Свобода слова», 15.04.2010): «...с началом беспорядков на севере Кыргызстана Усенов увидел **российский след** в этих событиях», «...гаранту кыргызской Конституции Курманбеку Бакиеву звонят только журналисты, ни Кремлю, ни Белому дому он уже не*

интересен. В принципе, для Москвы и Вашингтона не важно, какого цвета кошка, главное, чтобы она несла яйца, а Бакиев в этом отношении не фертильный политик».

«Россия тут ни при чем?» («Свобода слова», 27.05.2010): «Россия **будет работать** в Киргизии политически, а не путем подкупа – ведь для нее эта страна интересна только как бизнес».

«Одно дело, когда закулисно и невнятно говорят о **руке Москвы**» в киргизских событиях, и совсем другое – когда официальная газета устами одного из кремлевских аналитиков приписывает к внешнеполитическим успехам это **вмешательство во внутренние дела суверенного государства**. Искусно раскрутив маховик конфликта, **кремлевские дирижеры** теперь цинично развернули дискуссию. Читаем заголовки: «Придется ли России **наводить порядок** в Киргизии?» (Александр Гришин, «Комсомольская правда»), «Москва готовится к **киргизской битве**» с Минском» (Аркадий Дубнов, «Время новостей»), «Жириновский: Киргизия должна войти в состав России» (ИА «Регнум»). Можно не продолжать. Общий смысл всей информационной войны, ведущейся по всем правилам и с использованием различных каналов влияния, таков: в Киргизии хаос и анархия, страна не способна своими силами восстановить порядок, назрела необходимость **внешнего управления**.

Соответствующими сложившейся традиции изображения России журналистами являются и прецедентные имена, встречающиеся в прессе. Подавляющее большинство из них имеют сферу-источник «политика»: «Такой, как **Сталин**, поднял бы страну» (Ирина Савостина, «Взгляд», 20.04.2010): «Хоть что делайте со мной, но примером для второго президента может быть только **Иосиф Сталин**... Я даже не против того, чтобы снова «опустили занавес».

«Абай и **Косыгин** – два в одном примере» (Серикболсын Абдильдин, «Взгляд», 07.05.2010): «Считаю, что духовность и дальновидность Абая, хотя он и не был управленцем, могут послужить примером для второго президента. Если же смотреть с точки зрения управления государством, то председатель Совета Министров Алексей Косыгин – незаменимый пример».

Заслуживает внимания упоминание еще одного прецедентного имени, актуализированного в связи с инициативой сделать действующего президента пожизненным: «Нам другой

Ильич не нужен» («Взгляд», 30.10.2009); **«По заветам Леонида Ильича»** («Взгляд», 27.11.2009).

Следующие три примера тоже принадлежат области политики и имеют свою специфику. Все они называют людей, отличающихся жестким характером и целеустремленностью, а также определенной близостью к властным структурам. *«Отдохнем в тюрьме», – еще одна пророческая фраза Железного Феликса. Он адресовал ее своим товарищам во время революционной борьбы, однако в конце 30-х годов прошлого века, когда система начала перемалывать своих, для многих из них она приобрела актуальное значение.* («Взгляд», 04.09.2009).

«Шабдарбаев «круче» Ежова. Один из наших читателей назвал происходящие процессы в Казахстане «шабдарбаевщиной» по аналогии с «ежовщиной». («Республика», 27.03.2009).

«Наследники Вышинского» («Взгляд», 27.04.2009).

Параллели с Иваном Грозным **«От опричнины – к Ивану Грозному»** («Республика», 16.01.2009) напрашиваются сами собой. Точно так же сегодня «опричники» в мундирах КНБ, прокуратуры, полицейские в мантиях судей расправляются со всеми, кто угрожает власти, даже если речь идет о свободе получения и распространения (размещения) информации в Интернете – статья Ирины Медниковой под названием **«Кому под силу «шапка Мономаха»?** («Голос республики», 04.12.2009).

Таким образом, используемые в средствах массовой информации прецедентные имена и метафорические образы работают на создание имиджа России – соседа с имперским прошлым, партнера, союзника, преследующего собственные интересы, жестко и бескомпромиссно проводящего политику «взаимовыгодного» сотрудничества.

© Шумская Э. Н., 2010

Шустрова Е. В.
Екатеринбург, Россия

ОБРАЗ РОССИИ В ВЫСТУПЛЕНИЯХ БАРАКА ОБАМЫ

Задача данного исследования – выявление специфики представления образа России в президентском дискурсе Барака Обамы. В основу материала исследования были положены его публичные обращения (всего немногим более 100). Около трети из них этих относятся к допрезидентскому периоду (начиная с

2002 г.). Остальные были написаны и озвучены уже после вступления в должность президента США.

Первое, что стоит отметить, это скудость ярких, новых метафор и параллелей. Там, где речь идет о России, Б. Обама весьма сдержан в оценках. В основном, речь строится на конвенциональных метафорах, переносных значениях, которые зафиксированы словарно, устойчивых, привычных оборотах. Второй аспект – это не столь частое и не столь агрессивное, как это встречалось не так давно в официальном американском политическом дискурсе, обращение к теме России.

Итак, до вступления в должность президента сенатор Обама выбирал следующие образные линии:

Россия – это враг. Здесь преобладали военные метафоры.

Mr. President, throughout the last half of the 20th Century, one nation – more than any other on the face of the earth – defined and shaped the threats posed to the United States. This nation, of course, is the Soviet Union and its successor state, Russia.

Россия выступает как агрессор, чью политику необходимо смирить (и это входит в задачу президента США). Именно это Б. Обама обещал своим избирателям в агитационной речи 28 августа 2008 г.: *I will rebuild our military to meet future conflicts. But I will also renew the tough, direct diplomacy that can prevent Iran from obtaining nuclear weapons and curb Russian aggression.*

Б. Обама подчеркивает и то, что военное противостояние России в годы холодной войны обернулось благом для США, привело к созданию мощного научно-исследовательского и промышленного потенциала, помогло развить инфраструктуру США, т.е. Россия – зло необходимое, порождающее конкуренцию и рабочие места.

Россия – это источник угрозы, (невольный) пособник террористов. Главным образом, эта линия выстраивается в речах, посвященных анализу событий в постсоветском пространстве, в странах Балтии, Грузии, Украине. Россия выступает как возможный (невольный) поставщик ядерного и биологического оружия, что представляет прямую угрозу безопасности США и требует принятия срочных мер, в том числе и прямого вмешательства и непосредственного контроля над остатками военной мощи СССР.

While many have turned their attention to China or other parts of the world, I believe that the most important threat to the security of

the United States continues to lie within the borders of the former Soviet Union – in the form of stockpiles of nuclear, biological, and chemical weapons and materials. We are in a race against time to prevent these weapons from getting in the hands of international terrorist organizations or rogue states.

Одновременно с этим отмечается и уход от демократических ценностей, связанный с жесткой политикой В. В. Путина. Таким образом, Россия несет опасность и самой себе, и всем другим, поскольку навязывает свою линию поведения, вмешивается в дела других государств.

In the last few years, we have seen some disturbing trends in Russia – the rapid deterioration of democracy and the rule of law; bizarre and troubling statements from President Putin about the fall of the Soviet Union; the abuses in Chechnya; and Russian meddling in the former Soviet Union from the Baltics to Ukraine to Georgia. The Russians must understand that their actions on some of these issues are completely unacceptable.

Россия – страна, нуждающаяся в поддержке США. Эта (финансовая) поддержка должна быть увеличена и направлена в самые разные сферы нашей с вами жизни, чтобы «усилить демократию и гражданское общество», «сформировать будущее России» (*advance U.S. interests by strengthening democracy and civil society, shape the future of Russia*). К чему приводит такое финансирование, все мы с вами знаем по опыту 90-х годов.

Россия – это (нужный) голос в политике, партнер. Б. Обама концентрируется на выражениях «совместная работа наших экспертов», «долговременные отношения», «разрешение противоречий», «отношения с Россией – наша первоочередная задача» и т.д. (*have our experts work together, making our relationship with Russia a priority, resolving these crisis, our long-term relationship with Russia*).

The Russians are also an important voice in trying to make progress on the deteriorating situation in North Korea.

Россия – это путник, (движения которого можно направлять). Впереди у России трудный, опасный путь. В отношении этой страны нужно разработать стратегический план движения, карту пути (*to chart out a road map*).

There is no doubt that there is a tough road ahead. It will be difficult. And it will be dangerous.

Россия – это ведущий игрок (на политической арене). Модель обладает низкой частотностью и сводится к выражению

Russia is a major player.

Во многом, эти образы продиктованы общей линией внешней политики США, проводимой во время правления Дж. Буша, мл., желанием Б. Обамы не отстать от дискурсивных тенденций, показать свою озабоченность развитием отношений между нашими странами, описать американским гражданам реальность угрозы и пообещать ее устранить. Каким способом эта угроза будет устранена, Б. Обама не уточняет.

После вступления в должность президента США Б. Обама немного меняет образные линии и акценты. На первый план выходит модель **Россия – это (равный) партнер**, с которым необходимо возобновить отношения и с которым у США много общих интересов (*we need to foster cooperation and respect among all nations and peoples, to work together on behalf of a different future, Americans and Russians share common interests that form a basis for cooperation, we share common ground, to forge a lasting partnership between former adversaries, be more than a fresh start between the Kremlin and the White House, to identify mutual interests, and expand dialogue and cooperation that can pave the way to progress, etc.*).

Вторая по частотности модель – это **Россия – исторический союзник**, который может быть очень полезен и сейчас, особенно там, где речь идет о Северной Корее, Иране и Афганистане. Одновременно Б. Обама обращается и к опыту Второй мировой войны и говорит о России не только как о союзнике, но и как о стране, много претерпевшей и много потерявшей во время Второй мировой войны (*we should be united, to stand together, endured unimaginable hardships to repel an invasion and turn the tide in the east, our people were allies in the greatest struggle of the last century, a shared history between our nations that goes beyond competition, etc.*).

Третья модель – это все-таки модель угрозы: **Россия – источник угрозы, часть мира Зла**. Тем не менее такие контексты – редкость. Сама мысль может быть выражена не прямо (как раньше), а быть скрытым утверждением через отрицание. Так, например, в контексте *In 2009, a great power does not show strength by dominating or demonizing other countries* у нас нет точного указания на исполнителя действия, только намек, и сама конструкция семантически отрицает факт давления на другие страны. Но если проанализировать это же предложение с точки зрения тема-рематического членения, то в соответствии с зако-

нами построения английской синтаксической конструкции в активную, рематическую позицию попадут слова *dominating or demonizing other countries*. Тот же самый прием Б. Обама использует, говоря о несовершенстве США: *By no means is America perfect*. Но сама тема-рематическое членение и дальнейший контекст, доказывающий успешность борьбы США за свои ценности, правильное, законное устройство жизни, уничтожают исходное положение, превращают его в совершенно противоположное.

Это модели, которые Б. Обама использует, обращаясь к американцам или мировому сообществу. В речах, направленных на российскую аудиторию, появляются еще пять моделей: **Россия – это ограниченное пространство** (т.н. метафора контейнера), страна, имеющая право на защиту своих границ, **Россия – это открытое пространство**; **Россия – это успешная страна с богатым культурным наследием** (модель развивает направление Россия – партнер и союзник); **Россия – это мощная река, торжествующая свой путь**; **Россия – это строитель**.

Таким образом, можно констатировать, что дискурс публичных выступлений Б. Обамы после его вступления в должность президента значительно «потеплел». Тем не менее стоит обратить внимание и на то, что, изменив общую тональность обращения к России (кстати, этого Б. Обама добивался и в должности сенатора, говоря: «[Когда мы обращаемся к России] Важен тон» (*Tone is important here.*)), президент США столь же упорно проводит линию ниспосланности США и его лично в защите мира такими способами, которые далеко не всегда учитывают интересы других стран во внешней и внутренней политике.

© Шустрова Е.В., 2010

Плотникова А.В.

Пермь, Россия

ОБРАЗ РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛА “THE ECONOMIST”)

Средства массовой информации в настоящее время оказывают значительное влияние на общественное мнение. Активные процессы глобализации в современном мире способствуют развитию международных связей в деловой сфере, формированию упрощённых категорий - стереотипов.

Данный доклад посвящён выявлению особенностей вербальной репрезентации Российского бизнеса в англоязычных печатных СМИ. Анализ стереотипных языковых единиц, создающих образ Российского бизнеса, включал два главных критерия: тематика и языковые средства стереотипов.

В соответствии с первым критерием, в ходе семантического анализа были выявлены три основные тематические группы: правительство, бизнес, российские особенности.

Каждая группа включает несколько подгрупп. Так, тематическую группу «правительство» составляют следующие подгруппы: «общественные деятели», «правительственные структуры» и «государственная политика». Статьи журнала «The Economist» о сфере бизнеса и экономики, имеют чёткую связь с политической. Политическая сфера России представлена в англоязычной прессе именами первых лиц государства: президента и премьер-министра. Интересно, что подгруппа «правительственные структуры» представлены в основном концептом Кремль, символизирующим всемогущую сложную государственную структуру. А государственная политика России определяется особым понятием «Путинизм», обладающим негативной коннотаций.

Любопытным представляется преобладание негативных стереотипов, что можно объяснить исходной направленностью печатных СМИ освещать в большей мере слабые стороны сферы бизнеса, при общей положительной направленности или же фазой экономического развития России в сравнении с англоговорящими странами. Образ российского бизнеса и России в целом заключает в себе некоторое сущностное противоречие. С одной стороны наличие стереотипных лексических единиц создающих образ благополучия и процветания, с другой стороны – характеристики слабого, неконкурентоспособного государства.

Лингвистический анализ показал, что при достаточной репрезентированности всех уровней языка, основным источником стереотипов российского бизнеса являются средства образной выразительности языка.

© Плотникова А.В., 2010

**«КРИТИКОВАТЬ ИЛИ НЕ КРИТИКОВАТЬ...?»:
ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ НЕГАТИВНО-ОЦЕНОЧНЫХ
КОММЕНТАРИЕВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ**

Не секрет, что публичные персоны часто подвергаются критике (в том числе и за их коммуникативное поведение), субъектами которой могут выступать как представители общественности/медиасреды, так и сами знаменитости по отношению друг к другу. При этом вопрос о том, является ли подобная критика эффективной, т.е. приводит ли она к улучшению коммуникативного поведения оппонента, относится к числу дискуссионных.

Заинтересовавшись проблемой эффективности критики коммуникативного поведения политиков, мы проанализировали ряд диалогических фрагментов, содержащих негативно-оценочные метакоммуникативные ходы (например, *Вы все передернули; Again, a stupid question; Allein die Frage ist schon Unfug*), почерпнутые из парламентских вопросно-ответных сессий в Госдуме РФ, палате общин и бундестаге, а также интервью нескольких типов (печатные и радио-/телеинтервью с одним или несколькими политиками; новостные, экспертные, проблемные интервью и др.).

На наш взгляд, вопрос об эффективности негативно-оценочных реплик в политическом диалоге связан как с перспективой спрашивающего/отвечающего, так и с протеканием коммуникативного взаимодействия в целом (парламентской вопросно-ответной сессии как жанра в системе институционального общения политиков; интервью как жанра масс-медиа).

С позиции спрашивающего анализируемая проблема связана с возможностью реализации адресантом своих коммуникативных целей. Так, собеседник, имеющий претензии к качеству предыдущих ответов политика на вопросы, видимо, посчитает свою задачу выполненной, если ему удастся добиться лучшего ответа. Иллюстрацией подобного рода может служить фрагмент вопросно-ответной сессии в бундестаге от 9.06.2010 г., в котором упрек во флибустьерстве возымел желаемый эффект: последующие высказывания политика, чьи затянутые ответы повлекли за собой данную критику, стали в среднем короче в 1,6 раза. Следует также отметить в этой связи и эффектив-

ность регулирующих речевых действий ведущего (спикера в палате общин, президента в бундестаге, председательствующего в Государственной Думе), на которые депутаты обычно реагируют беспрекословно.

Учет перспективы отвечающего подразумевает анализ его типичных реакций на метакоммуникативный «выпад» спрашивающего. При этом возможны два основных сценария речевого поведения отвечающего: игнорирование критики (наиболее частотный вариант), а также контратака. Отметим, что первый вариант существенно затрудняет анализ эффективности негативно-оценочных комментариев, поскольку остается неясным, будет ли критика учтена коммуникантом в его дальнейшей речевой деятельности.

Что же касается контратак, они могут реализовываться незамедлительно, как только произойдет мена коммуникативных ролей и раскритикованный политик получит возможность ответить на замечание, так и быть отсроченной (например, депутат может воздержаться от немедленного ответа на критику во время парламентской вопросно-ответной сессии, но высказать свое отношение к критику/ситуации в каком-либо другом жанре – интервью/ток-шоу/комментарии в блоге и т.п.). Отметим, что анализ эффективности отсроченных негативно-оценочных комментариев также осложняется в связи с практической невозможностью проследить все возможные дискурсивные цепочки.

Незамедлительные контратаки представлены в 13 % англоязычного, 19 % немецкоязычного и 17 % русскоязычного парламентского корпуса примеров. На наш взгляд, именно в них нагляднее всего проявляется конфликтогенный потенциал негативно-оценочных комментариев. Ср. следующие фрагменты, первая часть которых представляет собой метакоммуникативный стимул, содержащийся в вопросе, а вторая – метакоммуникативную реакцию в ответе: *Мы уже месяца два вообще молчим об этой теме vs. Я не понимаю, почему вы так плохо оцениваете всё то, что мы по окончании осенней сессии рассмотрели* (Госдума, 16.01.2009); *Вы, наверное, были не совсем точны, когда говорили о... vs. В свою очередь должен отметить, что вы не совсем внимательно слушали меня* (Госдума, 14.01.2009); *The Chancellor does not seem to want to answer the question vs. The hon. Gentleman does not seem to be able to listen* (House of Commons, 3.03.2009); *Das ist offensichtlich Filibustern,*

was Sie hier machen vs. Präziser waren Sie, mit Verlaub, auch nicht (Bundestag, 9.06.2010).

При этом иногда возникают довольно протяженные метакоммуникативные цепочки, в которые могут вовлекаться и другие участники вопросно-ответной сессии, что чревато потерями времени на урегулирование взаимных коммуникативных претензий, отклонениями от темы обсуждения, атаками *ad hominem* и др. осложнениями. Очевидно, что подобные ситуации подрывают статус негативно-оценочных комментариев как регуляторов коммуникативного взаимодействия в парламенте, содействующих повышению его эффективности.

Что же касается роли метакоммуникативных комментариев в интервью, она также неоднозначна. С одной стороны, остаются в силе указанные выше негативные аспекты, связанные с непродуктивным расходом ресурсов. Так, в одном интервью у Дж.Паксмана и Т.Блэра на метакоммуникативные препирательства по поводу нежелания гостя отвечать на вопрос ведущего уходит 14 вопросно-ответных единств, что составляет примерно 10 % всего интервью (BBC, *Newsnight*, 5.06.2001); еще менее эффективным представляется знаменитое интервью-дуэль Дж.Паксмана с представителем британской партии «Респект» Дж.Гэллоуэем, в котором на 17 вопросно-ответных пар 8 реплик содержат метакоммуникативную критику (BBC News, 06.05.2005).

С другой стороны, хорошо известно, что метакоммуникативные высказывания политиков представляют собой великолепный материал для саунд-байтов, попадающих в вечерние новости [Simons 1994], а также газетных заголовков. Этим обстоятельством, видимо, и объясняется чрезвычайная популярность метакоммуникативных атак в политическом дискурсе: изрекая удачный оценочный комментарий, политик в идеале способствует как повышению собственного рейтинга, так и подрыву авторитета оппонента.

Кроме того, обмен «метакоммуникативными любезностями» между интервьюером и гостем или между несколькими участниками-политиками, как и другие разновидности конфликтного речевого взаимодействия, может способствовать привлечению определенной аудитории и повышению рейтинга передачи (ср. одобрительные комментарии зрителей на интернет-странице http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/vote_2005/blog/4519553.stm., содержащей стенограмму упомянутого выше интер-

вью-дуэли: *I like Jeremy's aggressive and combative style of questioning. In these days of pat, over rehearsed answers, his preemptive "cut them off at the knees with the first question" strategy is the only way to unsettle glib and camera savvy politicians; Absolutely classic Paxman! He's the only reason i still watch Newsnight; Gallo-way and all politicians are boring! Paxman is as entertaining as he is astute!*). Между тем, нельзя обойти вниманием и многочисленные негативные отзывы по поводу излишней агрессивности интервьюера (*I think that increasingly JP is becoming a parody of himself. He approaches interviews in an aggressive manner with apparently more interest in tripping people up than gaining insight to their politics; Paxman is a disgraceful example of a celebrity news presenter, more interested in his own hard-nosed image than actually doing his job; <...> the questioning by Paxman seems a bit off the mark*).

Таким образом, негативно-оценочные реплики в политическом диалоге приводят к противоречивым результатам: иногда они положительно влияют на речевое поведение адресата в направлении, заданном критически настроенным собеседником; иногда ожесточают его, подталкивая к поиску недостатков в речевом поведении коммуниканта-критика. Кроме того, зачастую эффективность негативно-оценочных реплик с трудом поддается анализу.

ЛИТЕРАТУРА

Simons, Herbert W. 1994. "Going meta": Definition and political applications // *Quarterly Journal of Speech*. – 1994. – Vol. 80 (4). – P. 468–481.

© Сивенкова М.А., 2010

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамова Ирина Андреевна – ассистент кафедры рекламы и связей с общественностью Уральского государственного педагогического университета.

Айвазова Валерия Вячеславовна – аспирант, преподаватель Сургутского государственного университета.

Алексеева Алина Алексеевна – аспирант кафедры общего и русского языкознания Новосибирский государственный университет.

Антонова Юлия Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета.

Багичева Надежда Васильевна – кандидат филологических наук, доцент Уральского государственного педагогического университета.

Белоусов Константин Игоревич – доктор филологических наук, профессор Оренбургского государственного университета.

Будаев Эдуард Владимирович – кандидат филологических наук, преподаватель Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, докторант кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета.

Бушев Александр Борисович – кандидат филологических наук, докторант Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина (Москва), доцент кафедры гуманитарных дисциплин Филиала Санкт-петербургского государственного инженерно-экономического университета в городе Твери.

Веснина Людмила Евгеньевна – ассистент кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета.

Воробьева Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент Уральского государственного педагогического университета.

Ворошилова Мария Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета.

Галинская Татьяна Николаевна – кандидат педагогиче-

ских наук, доцент Оренбургского государственного университета.

Григорьева Надежда Игоревна – ассистент кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета.

Гридина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета.

Гриценко Елена Сергеевна – доктор филологических наук, профессор, проректор по НИР Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова.

Докучаева Раиса Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры методики обучения русскому, коми языкам и литературе Коми государственного педагогического института.

Еремина Светлана Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета.

Жаковска Магдалена – аспирант факультета международных и политологических дел Лодзинского университета (Польша).

Желтухина Марина Ростиславовна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Института иностранных языков Волгоградского государственного педагогического университета; Директор Центра коммуникативных технологий; Ректор Школы актерского мастерства Анатолия Омельченко. Лауреат Международной премии «Foyer des Artistes» в номинации «Лингвистика» за интенсивное исследование феноменов социо-, психо- и геолингвистики и за исключительный научный вклад в изучение выразительного потенциала языков Европы (Рим, 2002).

Зубакина Татьяна Николаевна – старший преподаватель Уральского государственного университета.

Зырянова Ирина Петровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии.

Карасик Владимир Ильич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного педагогического университета.

Каслова Анастасия Александровна – кандидат филологических наук, доцент Уральского гуманитарного института.

Керимов Руслан Джаванширович – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Кемеровского государственного университета.

Клочко Надежда Николаевна – профессор Латвийского университета.

Кондратьева Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета.

Коновалова Надежда Ильинична – доктор филологических наук, профессор, директор Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета.

Кислова Лариса Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Тюменского государственного университета.

Кошкарова Наталья Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры международных коммуникаций Южно-Уральского государственного университета.

Красильникова Наталия Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, директор Филиала Уральского государственного педагогического университета в г. Новоуральске.

Куприна Тамара Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков в области экономики и управления Уральского федерального университета.

Лазари де Анджей – профессор Лодзинского университета (Польша).

Лазари де Эльжбета – профессор Лодзинского университета (Польша).

Лассан Элеонора Руфимовна – хабилитированный доктор гуманитарных наук, профессор русской филологии Вильнюсского университета, Вильнюсского педагогического университета, руководитель группы когнитивной лингвистики социокультурного центра Каунасского гуманитарного факультета.

Леонтович Ольга Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации и перевода Волгоградского государственного педагогического университета.

Ли Минь – аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического

университета, старший преподаватель Цзилиньского института русского языка (КНР, Чанчунь).

Манаенко Геннадий Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Ставропольского государственного педагогического института.

Мартьянова Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Михайленко Валерий Васильевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современных европейских языков Буковинской государственной финансовой академии.

Михайлова Ольга Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой риторики и стилистики Уральского государственного университета.

Михайлюкова Татьяна Александровна – студент Кемеровского государственного университета.

Мохова Евгения Константиновна – аспирант Сургутского государственного университета.

Надскакула Ольга – кандидат политических наук факультета международных и политических исследований Лодзинского Университета.

Нахимова Елена Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета.

Немирова Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского и коми языков Коми государственного педагогического института.

Омельченко Анатолий Викторович – директор центра политического и управленческого консультирования; Президент-Ректор Школы актерского мастерства Анатолия Омельченко, профессор кафедры актерского мастерства Школы актерского мастерства Анатолия Омельченко.

Орлова Олеся Геннадьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель Кемеровского государственного университета.

Панкратьева Нина Ивановна – аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета.

Перегудова Юлия Германовна – студент Нижнетагиль-

ской государственной социально-педагогической академии Института филологии и массовых коммуникаций.

Пименов Евгений Александрович – доктор филологических наук, профессор, декан факультета романо-германской филологии, заведующий кафедрой немецкой филологии Кемеровского государственного университета.

Пименова Марина Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета.

Плотникова Александра В. – преподаватель Пермского государственного университета.

Полякова Ирина Сергеевна – аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета.

Полякова Лилия Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент Магнитогорского государственного технического университета.

Рахаева Ольга Владимировна – аспирант Школы Общественных Наук Института Философии и Социологии Польской Академии Наук.

Романова Татьяна Владимировна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской филологии и общего языкознания Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова.

Руженцева Наталья Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета.

Рудик Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации Житомирского государственного университета им. И. Франко.

Рябов Олег Вячеславович – доктор философских наук, профессор Ивановского государственного университета.

Ряпосова Анна Борисовна – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета массовых коммуникаций Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии Института филологии и массовых коммуникаций.

Сарафанова Ольга Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Уральского гуманитарного института.

Седова Екатерина Николаевна – кандидат экономических наук, ассистент Оренбургского государственного университета.

Сивенкова Мария Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры речеведения и теории коммуникации Минский государственный лингвистический университет (Белорусь)

Скворцов Олег Георгиевич – кандидат филологических наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности, заведующий кафедрой общей лингвистики и межкультурной коммуникации Института международных связей, г. Екатеринбург.

Смирнова Наталья Леонидовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета.

Собиянэк Катажина – магистр, аспирантка Института русистики Лодзинского университета (Польша).

Стрельников Александр Михайлович – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии.

Сурина Анна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью Уральского государственного педагогического университета.

Тагильцева Юлия Ринатовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью Уральского государственного педагогического университета.

Тарасенко Елена Олеговна – магистрант Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета.

Теркулов Вячеслав Исаевич – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания и русского языка, проректор по научной работе Горловского государственного педагогического института иностранных языков

Тинтин Лу – аспирант Пекинского университета иностранных языков.

Токарева Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, заместитель директора информационно-аналитического центра Института развития образования

Уфимцева Ольга Витальевна – старший преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью Уральского государственного педагогического университета.

Федянина Любовь Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Кемеровского государственного университета.

Филипацци Манфреди – доктор исторических наук, преподаватель истории Восточной Европы факультета политических наук Флорентийского университета (Италия).

Филипацци Юлия Александровна – кандидат филологических наук, докторант, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Уральского государственного педагогического университета.

Хренова Анна Викторовна – преподаватель кафедры иностранных языков Сибирского государственного индустриального университета, г. Новокузнецк.

Христолюбова Людмила Викторовна – кандидат филологических наук, доцент Уральского государственного педагогического университета.

Цонева Лиляна Михайлова – доктор (кандидат филологических наук), доцент кафедры русистики филологического факультета Великотырновского университета Святых Кирилла и Мефодия.

Чемагина Анна Валерьевна – соискатель кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета.

Чистова Софья Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии

Чудакова Наилия Муллахметовна – кандидат филологических наук, заместитель директора по научной и методической работе Института филологии и массовых коммуникаций Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии.

Чудинов Анатолий Прокопьевич – доктор филологических наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности Уральского государственного педагогического университета.

Шарифова Салида Шаммед кызы – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института литературы Национальной Академии Наук Азербайджана

Шетэля (Szetela) Виктор Мечиславович – кандидат фи-

лологических наук, доцент кафедры славянские языки и методика их преподавания Московского педагогического государственного университета.

Шехтман Наталья Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета.

Шумская Элина Николаевна – старший преподаватель Костанайского филиала Челябинского государственного университета.

Шустрова Елизавета Владимировна – доктор филологических наук, профессор Уральского государственного педагогического университета.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ
**«ОБРАЗ РОССИИ В ЗАРУБЕЖНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ: СТЕРЕОТИПЫ, МИФЫ И МЕТАФОРЫ»**

Подписано в печать 06.09.2010 Формат 60x84/16.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Усл. печ. л. – 14,875. Тираж 150 экз. Заказ _____

Оригинал макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.ru